

XLZ
353
20

NEDL TRANSFER

HN 57AE X

XLZ 353.20

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

(Class of 1887.)

Received 1 July, 1895.

99-117

74

МЫСЛИ
0
НАРОДНЫХЪ МАЛУРУССКИХЪ ДУМАХЪ.

П. Житецкаго.

Pavel (Ignatievitch) Zhitecki

(Издание редакціи журнала „Кіевская Старина“).

КІЕВЪ.

Типографіа Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская ул. домъ № 4.

1893.

cover

21233.20.5

Мысли о народных малорусских ду-
шах

P. Литкевич

Киев 1893.

даніе редакції журналу "Кіевська Старина")

Thoughts on the popular Little
Russian dumas (songs)

P. Litkechij

(Edition of the magazine "Kievskaja
Starina")

Кіев 1893

(Russian)

[Faint, illegible handwriting, likely bleed-through from the reverse side of the page]

or

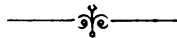
МЫСЛИ

0

НАРОДНЫХЪ МАЛУРУССКИХЪ ДУМАХЪ.

П. ЖИТЕЦКАГО.

Pavel (Ignatowitch) Jizietzki.

(Издание редакціи журнала „Кіевская Старина“).

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Морчанъ-Новицкаго, Михайловская ул. домъ № 4.
1893.

~~572.33.20.5~~

XLZ 353.20
✓

Harvard College Library
Gift of
Archibald Cary Coolidge, Ph. D.
July 1, 1895.

Дозволено цензур. Київ, 23-го февраля 1893 г.

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 5 1979

ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

КОТЛЯРЕВСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Строй рѣчи и поэтической стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

СТРАН.

Вліяніе рифмы на образованіе стиха въ думахъ.—Отсутствіе метрической стопы въ стихотворномъ размѣрѣ думъ.—Неравномѣрность и подвижность стиховъ.—Мелодическій речитативъ въ музыкальномъ исполненіи думъ.—Построеніе предложеній въ думахъ въ связи съ стихотворнымъ размѣромъ ихъ.—Мѣсто сказуемаго въ предложеніи.—Сложное сказуемое въ связи съ второстепенными частями предложенія.—Слитное предложеніе въ связи съ синонимами.—Точность въ изображеніи мѣста и времени дѣйствія.—Нарощеніе рѣчи.—Склоненіе придаточныхъ предложеній.—Инверсія.—Періодическое теченіе рѣчи.—Раздумье въ думахъ.—Льрическое изліяніе чувствъ: обращеніе, проклятіе, молитва.—Элегическій тонъ въ думахъ.—Суровыя краски въ изображеніи степной природы.—Образы битвы и смерти.—Сатирический тонъ въ изображеніи борьбы козаковъ съ поляками.—Ироническое самообличеніе.—Архаизмы въ лексическомъ составѣ думъ.—Рифмованная проза. 1—38

II.

Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи.

Дьякъ въ старинной малорусской школѣ.—Предметы и способы обученія молодиковъ школьныхъ.—*Ман-*

II

СТРАН.

дрованные дѣяки.—Автобіографія одного изъ нихъ—Ильи Турчиновскаго.—*Пиворъзы* въ интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго.—Отношенія народа къ *пиворъзамъ*.—Сатирическія вирши о *пиворъзахъ*.—Взаимодѣйствіе народныхъ и книжныхъ вліяній въ старинной малорусской школѣ 39—56

III.

Старинныя малорусскія вирши.

1) *Вирши нравоучительнаго содержанія.*

«Лѣкарство роскошникамъ того свѣта» Кирилла Траневиліона.—Могущество смерти.—Скоротечность жизни.—Тщета благъ міра сего.—Картина страшнаго суда по духовнымъ стихамъ и церковнымъ изображеніямъ.—Религіозныя воззрѣнія на семью.—Духовный стихъ о правдѣ.—Мать, какъ символъ правды въ поэтическихъ представленіяхъ народа.—Семейная мораль, основанная на чувствѣ родства.—Тоска по родинѣ.—Сиротство.—Добрая и лихая доля 58—78

2) *Вирши живописательнаго содержанія.*

Рождественскія и воскресенскія вирши. Обрядное славленіе: вирши—ораціи и вирши—колядки.—Изображеніе въ тѣхъ и другихъ виршахъ грѣхопаденія прародителей, поклоненія пастырей и царей родившемуся Спасителю, встрѣчи царей съ Иродомъ и избіенія младенцевъ.—Юмористическій замысль и простодушно—ваивное чувство въ этихъ виршахъ.—Главная тема воскресенскихъ виршей.—Вторженіе общественныхъ мотивовъ въ праздничныя вирши 78—99

Рождественскія и пасхальныя интермедіи. Связь вертепной драмы съ праздничными виршами и діалогами всякаго рода. Крестьянинъ въ вертепной драмѣ и въ интермедіяхъ: отношенія его къ цыгану, еврею и ярыгѣ. Козакъ въ вертепной драмѣ и въ интермедіяхъ: отношенія его къ ляху и москалю. Запорожець въ вертепной драмѣ 99—117

III.

СТРАН.

3) *Вирши историческаго содержанія.*

Острожскій ламентъ.—Обычная тема въ виршахъ о Богданѣ Хмельницкомъ.—Точки соприкосновенія этихъ виршей съ думами.—*Duma kozackaia* о *woyni s kozakamy* (1651).—Упомянутія о думахъ въ польской и малорусской старинной литературѣ.—Вирши, близкія къ народнымъ пѣснямъ, изъ эпохи гайдамачщины.— Составители этихъ виршей. 117—136

IV.

Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Пѣсни о плѣнникахъ въ неволѣ татарской.—Встрѣча дочери съ матерью.—Дума о Марусѣ Богуславкѣ.— Пѣсни о *рубаныхъ* козакахъ.—Думы о Федорѣ Безродномъ и Ивасѣ Коновченкѣ.—Процессъ переработки пѣсеннаго матеріала въ думы.— Два типа думъ.— Народно-крестьянское и національно-козацкое настроеніе въ думахъ.—Народно-психическая ткань, лежащая въ основѣ думъ.—Творцы думъ, какъ сознательные представители поэтического искусства. . 137—156

V.

Творцы и пѣвцы думъ.

Идея матери-вдовы въ виршахъ, пѣсняхъ и думахъ.—Конструкція стиховъ въ виршахъ и думахъ.—Вымирающій типъ народнаго слѣпца-раисода.—Обстановка, среди которой могли появиться творцы думъ: связь между шпиталями и школами въ старинной Малороссіи.—Кобза и бандура.—Войсковые кобзаря или бандуристы.—Паденіе старыхъ формъ жизни на правой и на лѣвой сторонѣ Днѣпра.—Новое поколѣніе пѣвцевъ народныхъ думъ.—Смѣшеніе понятій о пѣснѣ и думѣ.—Пародія на думы. 157—176

Старинная запись народных малорусских думъ съ обзоромъ вариантовъ къ нимъ.

Описаніе рукописа А. А. Котляревскаго.— Виѣшніе п внутрєннєе признаки ея хронологической достовѣрности. Варианты извѣстныхъ уже думъ: 1) Вдова въ городѣ Чечельницѣ (въ Польшѣ); 2) Братъ да сестра; 3) Козакъ прощается съ сестрами; 4) Три брата въ плѣну въ Азовѣ; 5) Три брата самарскіе; 6) Федоръ Безродный; 7) Козакъ Иванъ Коновченко изъ города Черкасъ; 8) Иванъ Богословецъ, гетманъ Запорожскій; 9) Кишка Самыйло; 10) Пирятинскій поповичъ Алексѣй. Думы новыя: 1) Атаманъ Матяшъ старый; 2) Вдова Сирка Ивана; 3) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ. Руководящія начала въ анализѣ текста думъ по разнымъ вариантамъ 177—249.

I.

Строй рѣчи и поэтической стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Всякій разъ, какъ только мы останавливаемся мыслію на той или другой формѣ народной поэзіи, невольно представляются намъ готовыя категоріи, одинаковыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Сказка, пѣсня обрядная, пѣсня бытовая и историческая, пословица, заговоръ, загадка—таковы обычныя формы поэтического творчества, въ которыхъ отливается народное міровоззрѣніе съ постоянствомъ и правильностью періодически смѣняющихся явленій природы. Это, можно сказать, общечеловѣческая почва, на которой возникаютъ общія свойства народной поэзіи, общій тишь ея, соотвѣтствующій наивному настроенію народныхъ массъ, проникнутыхъ вѣрою въ чудесное и связанныхъ во всѣхъ проявленіяхъ личной жизни подавляющимъ авторитетомъ преданія.

Но подъ массивными сводами преданія всегда жила личная мысль, вызываемая личными радостями и страданіями человеческого сердца и сопровождаемая безконечной смѣной разнообразныхъ ощущеній, не всегда выражаемыхъ обычными формулами поэтического слова. Опираясь на эти формулы, личное творчество создавало новые приемы и средства поэтической техники для выраженія новыхъ оттѣнковъ мысли, новыхъ движеній чувства. Это была работа вѣковъ, почти незамѣтная для смежныхъ поколѣній: едва пережитый моментъ, не отмѣченный именемъ своихъ представителей, не закрѣпленный письмомъ въ памяти потомства, быстро сливался съ прошедшимъ, увеличивая его поглощающую силу.

Такъ сглаживались въ народномъ поэтическомъ творествѣ всѣ промежуточные линіи до такой степени, что съ перваго взгляда народная поэзія кажется Палладой, вышедшей изъ головы Зевса.

Нужно сказать однако, что личная мысль не всегда опиралась на одну субъективную почву личной жизни. Нерѣдко она соприкасалась съ культурными вліяніями, проникавшими въ жизнь народной массы путемъ столкновенія ея съ другими народами, путемъ заимствованія разныхъ вѣрованій и преданій, которыя на чужой почвѣ имѣли уже литературную форму. Оказывается при изслѣдованіи мѣстныхъ сказаній, что они большею частью занесены изъ разныхъ мѣстъ, подобно оплодотворяющимъ сѣменамъ, которыя разносятся вѣтромъ изъ дальнихъ странъ.

Съ теченіемъ времени на помощь къ личной мысли является организованная сила науки и школы. Правда, не всегда это была зиждительная сила, нерѣдко она подавляла народную самодѣтельность. Бывали однако же случаи, когда воспринималась она безъ насилія, безъ ущерба для мѣстныхъ, народныхъ началъ жизни. Тогда появлялись особенныя формы поэтического творчества, народныя по міровоззрѣнію и языку, и въ то же время книжныя по особенному складу мысли и способамъ ея развитія и выраженія. Къ такому сложному роду поэзіи относятся, по нашему мнѣнію, народныя малорусскія думы. Онѣ представляютъ оригинальный плодъ народно-культурнаго творчества.

Считаемъ не бесполезнымъ съ этой точки зрѣнія остановиться на языкѣ и поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ, въ которыхъ явственно выступаетъ книжный строй рѣчи, доказывающій, что литературная дѣятельность малорусскихъ писателей не прошла безслѣдно для народнаго самосознанія.

Начнемъ съ рифмы и стихотворнаго размѣра думъ.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что въ обыкновенныхъ бытовыхъ пѣсняхъ есть много стихотворныхъ размѣровъ, но въ каждой отдѣльной пѣснѣ разъ принятый размѣръ не измѣняется отъ начала до конца ея. Признакомъ того или дру-

таго розміра служить однообразная группа стиховъ, равномерныхъ по объему, т. е. по количеству удареній и даже слоговъ, и связанныхъ между собою рифмой. Рифмуются обыкновенно сосѣдніе стихи, составляя такимъ образомъ стихотворный періодъ, заключающій въ себѣ опредѣленную мысль. Не только періодъ, но и каждый стихъ представляетъ самъ по себѣ нѣчто отдѣльное по смыслу. Поэтому въ чтеніи можно сдѣлать паузу послѣ каждаго стиха, не разрывая представленія въ сознаніи того, кто слушаетъ. Даже внутри стиха извѣстное количество слоговъ, примыкающихъ къ одному ударенію, представляетъ цѣльную синтаксическую единицу. Единство розміра въ каждой пѣснѣ находится въ связи съ самымъ мотивомъ ея, который представляетъ музыкальное цѣлое, распадающееся на музыкальныя колѣна, при чемъ каждый стихъ и даже полустигише соответствуетъ той или другой части мотива ¹⁾.

Что же мы видимъ въ думахъ?

Видную роль играетъ въ нихъ рифма. Въ угоду рифмѣ иногда являются невозможныя формы словъ, напр.:

¹⁾ Въ послѣднее время выдвинуто въ наукѣ значеніе мотива въ построеніи пѣсеннаго розміра. Нѣкоторые выводятъ розміръ пѣсни изъ ритма, т. е. изъ музыкальнаго начала, отрица всякое значеніе ударенія. „Метрическую точку зрѣнія русской народной поэзіи, говоритъ Вестфалъ, нельзя назвать количественною, но она и не качественная (тоническая). Ее слѣдуетъ назвать музыкальною, такъ какъ ритмическія ударенія русской пѣсни опредѣляются только напѣвомъ, и ничѣмъ не могло бы быть оправдано предположеніе, что русская пѣсня опиралась нѣкогда на другое основаніе“. (О русской народной пѣснѣ, Русскій Вѣстникъ, 1879 годъ, Сентябрь). Дѣйствительно, мотивъ представляетъ нѣчто болѣе устойчивое, чѣмъ слова пѣсни, и нельзя отрицать громаднаго вліянія мотива на розміръ стиха, особенно въ пѣсняхъ обрядныхъ.

Но въ изслѣдованіи Вестфала о русской народной пѣснѣ дѣло представляется такъ, будто бы пѣсня состоитъ не изъ словъ, а изъ однихъ нечленораздѣльных звуковъ. По нашему мнѣнію, нельзя игнорировать словъ пѣсни, въ которыхъ выражается мысль, распадающаяся на отдѣльные моменты, отиѣченные логическимъ, или, лучше сказать, ритмическимъ удареніемъ. Если и трудно допустить обратное вліяніе стихотворнаго розміра на музыкальный, то, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать соглашенія между тѣмъ и другимъ, которое достигается при исполненіи пѣсни, то растяженіемъ гласныхъ звуковъ, то звфонической вставкой междуметій и соизвоу. Это общіе приемы въ народной поэзіи, посредствомъ которыхъ стихотворный розміръ пѣсни какъ бы отстаиваетъ свою самостоятельность при столкновеніи своемъ съ мотивомъ ея.

«Тее промовляе,
Виттили побиние».

(Дума о побѣгѣ трехъ брать въ изъ Азова) ¹⁾.

«Ивась Коновченко молодого (козака) совстричае,
Стременемъ у груди *поторкае*».

(Д. объ Ивацѣ Коновченкѣ) ²⁾.

«Старого козака конемъ побывае,
Меншого пидъ ноги *затоптае*».

(Д. объ Ивацѣ Коновченко) ³⁾.

Нужно сказать впрочемъ, что, при всемъ пристрастїи къ рифмѣ, слагатели думъ не особенно заботились объ ея обработкѣ. Цѣнилась только та рифма, которая сама, такъ сказать, напрашивалась въ стихъ. Большею частїю это глагольная рифма, неразнообразная и вообще скудная. Тѣмъ не менѣе она оказывала значительное вліяніе на образованіе самаго стиха въ думахъ. Вообще, какъ только появлялась въ ходѣ разсказа рифма, она тотчасъ выдѣляла стихъ:

«Первый старшій мижъ нымы пробувае—
Кишка Самийло, гетьманъ запорожскый,
Другый—Марко Рудый,
Судья *войсковый*,
Третий Мойсий Грачъ,
Войсковый *трембачъ*».

(Д. о Сам. Кишкѣ) ⁴⁾.

Четвертый и шестой стихи образовались подъ вліяніемъ рифмы, тогда какъ аналогическое приложеніе „гетьманъ запорожскый“ не составляетъ отдѣльнаго стиха, потому что не включаетъ въ себѣ рифмы.

Непреднамѣренное и какъ бы случайное появленіе рифмы было до извѣстной степени причиной неравномѣрности самихъ стиховъ. Нѣчто подобное мы видимъ въ бытовыхъ пѣсняхъ:

¹⁾ Историч. пѣсни малор. нар. Антонов. и Драгом. I, 110.

²⁾ Малорос. дум. и пѣс. Лук. 43.

³⁾ Рукопис. сборникъ народ. малорус. пѣсень.

⁴⁾ Малорус. дум. и пѣс. Лук. 15.

«Годи, маты, жалуваты. годи, маты, годыты:
 Прысилы мене диты,
 Якъ калыночку квіты....
 Годи, маты, жалуваты:
 Було мене, маты, не выдаваты:
 Було мене маленькою дытыною падъ червоною калыною
 поховаты» ¹⁾.

Здѣсь количественное однообразіе стиховъ подрывается рифмой, совпадающей съ законченностью отдѣльныхъ моментовъ мысли, причемъ дается предпочтеніе глагольной рифмѣ, которая отгѣняетъ эти моменты. Но, собственно говоря, это не пѣсенный размѣръ: онъ составляетъ органическую принадлежность думъ, и возникъ онъ въ думахъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, подъ иными вліяніями. Обыкновенно въ думахъ рѣдко встрѣчаются стихи равномѣрные по объему: есть стихи болѣе, чѣмъ въ сорокъ слоговъ, и стоятъ они нерѣдко рядомъ съ стихами въ семь, восемь слоговъ, напримѣръ:

- (41) «Эй не зъ гора—биды мойму пану Барабашу
 скотилося на славній Украини зъ кумомъ
 своимъ Хмельныцькымъ вельки бенкеты всчинаты!
 (13) На щобъ имъ королевськи лысты у двоухъ чытаты?
 (8) Не лучче бъ имъ изъ Лихамы,
 (7) Мостывымы панамы,
 (15) Зъ упокоемъ хлѣбъ-силъ вичныи часы ужываты?»
 (Д. о Хмел. и Бараб.) ²⁾.

Иногда стихъ въ двадцать слоговъ стоитъ рядомъ съ десятисложнымъ, и этотъ послѣдній съ пятисложнымъ и четырехсложнымъ:

- (20) «Да ставъ же братъ найменшый, пишый пихотынець, зъ
 байракивъ прыбигаты,
 (10) Ставъ виты тернови знахожаты,
 (5) У руки бере,
 (4) Къ сердцю кладе,

¹⁾ Чуб. V, 564.

²⁾ Народ. южнорус. пѣсн., Метл., 388.

(7) Словами проговлае

(7) И слёзѣми рыдае»

(Дума о побѣдѣ трехъ братьевъ изъ Азова)¹⁾.

Каждый стихъ думы, каковъ бы ни былъ онъ по своему объему, заключаетъ въ себѣ одно риторическое удареніе.

Отсюда ясно, что въ стихѣ думы нѣтъ стопъ, такъ какъ каждый изъ нихъ равняется отдѣльной стопѣ²⁾. Въ помощь ударенію для болѣе отчетливаго различенія одного стиха отъ другаго является рифма, причемъ одна и та же рифма соединяетъ иногда болѣе десятка стиховъ. Такимъ образомъ, въ думахъ стопа какъ бы расширена до стиха, или, лучше сказать, она поглощается стихомъ, какъ въ аглютинирующихъ языкахъ предложеніе поглощается словомъ,—поэтому въ стихѣ думы нѣтъ надлежащей расчлененности, за то онъ представляетъ нѣчто болѣе массивное, чѣмъ обыкновенная пѣсенная стопа. Стихъ думы иногда возрастаетъ до того, что мы имѣемъ въ немъ вполне развитую и законченную мысль, въ чемъ легко убѣдиться изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Стихъ этотъ связывается со многими другими стихами болѣею частью однообразной рифмой, поэтому отъ цѣлаго ряда такихъ стиховъ получается впечатлѣніе текучей, плавной рѣчи, которая привлекаетъ вниманіе слушателя не столько внѣшней постройкой, сколько содержаніемъ своимъ. Давно уже называютъ этотъ размѣръ мѣрною прозою, и дѣйствительно, отсутствіе въ немъ мелкихъ единицъ обыкновеннаго стихотворнаго размѣра и полная свобода въ построеніи приближаютъ его къ одушевленной рѣчи оратора, который незамѣтно для самаго себя почувствовалъ въ своемъ произношеніи мѣрное теченіе рѣчи. Само собою понятно, что это такого рода стихотворная мѣра, которая не можетъ стоять въ полной зависимости отъ музыкальнаго ритма. Извѣстно, что всѣ думы поются однимъ напѣвомъ, чрезвычайно типичнымъ, но по музыкальному рисунку очень

¹⁾ Записки о Южн. Руси, Кулиша I 35.

²⁾ Мы разумѣемъ тонико-риторическую, а не тонико-метрическую стопу, принятую въ литературномъ стихосложеніи.

незамысловатымъ ¹⁾. Напѣвъ этотъ есть ничто иное, какъ мелодическій речитативъ, которому дается экспрессія, сообразная съ смысломъ стиха, то живая и быстрая, то спокойная и медленная. Кромѣ того, пользуясь подвижностью стиха, для котораго не обязательна соразмѣрность частей, обусловленныхъ однообразною правильностью музыкальнаго такта, исполнитель думы является истолкователемъ стиха, сообщая ему то или другое выраженіе, сообразно съ настроеніемъ собственнаго чувства. Отсюда лирическій, страстный тонъ, который вноситъ особую задушевность въ музыкальное исполненіе думы.

Такимъ образомъ, стихотворная форма думы находится въ полномъ соотвѣтствіи съ ея внутреннимъ строемъ, который выражается самымъ названіемъ ея.

Въ думѣ передается *продуманный* рассказъ о событіи, и оттого поэтическая рѣчь думы требуетъ такого стиха, который бы безусловно принадлежалъ мысли, который бы отзывался на всѣ ея малѣйшія требованія.

Всмотримся въ эту рѣчь.

Мы видѣли изъ предъидущихъ примѣровъ, что въ думахъ преобладаетъ глагольная рифма, и что она оказала свое вліяніе на построеніе стиха. Понятно отсюда и вліяніе ея на построеніе предложеній: заканчивая стихъ, она заканчиваетъ и предложеніе, которое получаетъ вслѣдствіе этого особенный видъ, существеннымъ образомъ отличающій его отъ обыкновеннаго предложенія, гдѣ сказуемое не отодвигается отъ подлежащаго къ самому концу. Любимой формой сказуемаго является въ думахъ сказуемое сложное съ глаголами: *маты, статы, моиты, буты* (послѣдній только въ будущемъ времени и изрѣдка во 2-мъ или 3-мъ лиц. единств. числ. настоящ. времени).

«Ой радъ бы я до тебе прыбуваты,
Та не знаю, сестро, де тебе *шукать* уже *мать*».

(Д. о сестрѣ и братѣ) ²⁾.

¹⁾ О незначительныхъ видоизмѣненіяхъ этого напѣва см. „Кіевская Старина“ 1888 г. Іюль, Приложенія.

²⁾ Рукопис. сборникъ народ. малорус. пѣсенъ.

Можно было просто сказать: *шукаты*,—рифма не была бы нарушена, но глаголъ *маты* въ данномъ случаѣ имѣеть болѣе стилистическое, чѣмъ синтаксическое значеніе.

Чаще всего употребляется въ сложныхъ сказуемыхъ глаголъ *статы* при другомъ глаголѣ въ несовершенномъ видѣ:

«*Статы* сыны до розума доходяты,
Статы соби молоде подружка *маты*,
Статы свою матирь риденьку, вдову стареньку, зневажаты».

(Д. о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ) ¹⁾.

Такимъ образомъ, дѣйствіе, расширенное до неопредѣленныхъ границъ, ограничивается, ибо придается ему начинательный отгѣнокъ.

Глаголъ *могты* употребляется иногда въ томъ же значеніи, какъ и *буты*.

«Иды ты, маты, въ свий домъ пробуваты:
Можель мы тебе за матку стареньку почитаты»

(Дума та-же).

Но большею частію этотъ глаголъ въ соединеніи съ *бы* сообщаетъ дѣйствію условное значеніе:

«Ой *могли* бь мене отцева—паниматчына молитва на Черному
 морн рятуваты,

Уже бь я знавъ, якъ свою матирь шануваты, поважаты»

(Д. о бурѣ на Черномъ морѣ) ²⁾.

Особенно любопытна форма сказуемаго съ 3-мъ лиц. един. чис. наст. врем. вспомог. глагола *есть*, который соединяется не только по старинному съ спрягаемымъ причастіемъ на *аь*, но и съ наст. времен. изъявит. наклон.:

«Не *есть* се насъ шабля турецька *порунала*,

Не *есть* се насъ пуля янычарська *постреляла*.

А *есть* се отцева и паниматчына молитва *покарила*».

(Д. о смерти трехъ братьевъ) ³⁾.

«Се *есть* давний бидный невольныкъ, Кишка Сампйло, изъневоли *утикзе*».

(Д. о Самійлѣ Кишкѣ) ⁴⁾.

¹⁾ Народ. вѣсно-рус. пѣсни, Метлинск. 315.

²⁾ Истор. пѣсни малор. нар. Антон. и Др., I, 184.

³⁾ Сборн. украинск. пѣсенъ Максимовича, 1848 г., 18.

⁴⁾ Ibidem, 47.

При помощи *есть* въ обоихъ примѣрахъ сказуемое выдвинуто на первый планъ: одною частію его начинается предложеніе, а другою заканчивается.

Обыкновенно составныя части сложнаго сказуемаго разединены въ предложеніи: между ними стоитъ подлежащее съ второстепенными частями предложенія. Нельзя не видѣть въ этомъ стремленіи замкнуть мысль въ одно неразрывно цѣльное предложеніе.

Особенно рельефно это стремленіе выдается въ предложеніяхъ сложныхъ.

«Рука наша не *здійметься*,
Сердце наше не *зосмилиться*,
Булатна шабля не *ѣме* тебе, наименьшого брата, *рубать*».

(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) ¹⁾.

Предъ нами три подлежащихъ и три сказуемыхъ, ибо каждый изъ личныхъ глаголовъ имѣетъ смыслъ только при своемъ подлежащемъ. Но всѣ эти глаголы тянутъ къ одному центру—неопредѣленному наклоненію, которое соединяется съ каждымъ изъ нихъ, какъ необходимый моментъ мысли и рѣчи, поэтому мы имѣемъ не три независимыхъ предложенія, но одно слитное особенной, искусственно-риторической постройки, съ выдвинутымъ центромъ рѣчи, которая вслѣдствіе этого представляетъ строгое единство мысли.

Изъ того же логическаго начала вытекаетъ особенная склонность къ употребленію слитнаго предложенія, въ которомъ однородныя повторяющіяся части связываются обыкновенно однимъ узломъ. Слитное предложеніе мы видимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно описать предметъ со всѣми его признаками и особенностями или рассказать о явленіи въ послѣдовательномъ порядкѣ смѣняющихся моментовъ.

Втрѣчаются слитныя предложенія значительныхъ размѣровъ:

«И вже мени не честь, не подоба, по риллямъ спотыкаты,
Жовтпхъ чобпть каляты,

¹⁾ Запорожская Старина, Срезневскаго, I, 53.

Дорогий синку пыломъ набываты,
 А хочеться мени, маты,
 Питы идь городъ Тагыню гулаты,
 Славы — лыцарства доставаты»

(Д. обь Иванъ Коновченкѣ¹⁾).

Иногда въ формѣ одного слитнаго предложенія развертывается широкая картина. Такъ, въ одномъ изъ вариантовъ думы обь Иванѣ Коновченкѣ весь подвигъ героя выраженъ въ формѣ слитнаго предложенія, заключающаго въ себѣ 14 глагольныхъ сказуемыхъ.

«Торди жь то Ивась Удовыченко, якъ одь Хвылона, Корсунь-
 ского полковника, благословенне прынимавъ,
 Самъ на доброго коня сидавъ,
 Млждо козацькымы табурамы пробигаваъ,
 Шлыкъ изъ себе скидаваъ,
 Хрестъ на себе злагаваъ,
 Отцеву й матчыну молитву спомынаваъ,
 Изъ усякымъ козакомъ сердечне прощенье мавъ,
 Старого козака риднымъ отцемъ узываваъ,
 На турецькии табуры пробигаваъ,
 Турецькии наметы поперевертаваъ,
 Турокъ нятдесять идь млчъ узывъ,
 Девьятеро живцемъ извьязаваъ,
 Перель Хвылона, корсуньского полковника, въ наметъ
 прыставляваъ»²⁾.

Въ грамматическихъ свойствахъ слитнаго предложенія заключается важная стилистическая особенность малорусскихъ думъ. Мы разумѣемъ изобиліе въ языкѣ думъ всякаго рода синонимовъ, входящихъ въ составъ слитнаго предложенія. Больше всего въ думахъ глагольныхъ синонимовъ. Они воспроизводятъ всѣ оттѣнки дѣйствія или усугубляютъ идею его до такой выразительности, что оно становится для сознанія не только очевиднымъ, но и необходимымъ фактомъ. Таковы, напр., глагольные синонимы въ выраженіяхъ: *прогала* та *благала*, *знае-видае*,

¹⁾ Украин. народ. пѣсни Максимовича, 1834, I, 53.

²⁾ Народн. южнор. пѣсни Метливи., 419—420.

плаче-рыдае, бжыць-пидбиае, живе-прожывае, кляне-проклинае, квылыть-проквылае, прае-выправае, или же въ слѣдующемъ четверостипіи:

«Отець да й маты старшого сына кляне проклинае,
Изъ очей зманяе,
Середульшого сына штыть, жалуе, поважае,
За юстя принимае».
(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) ¹⁾.

Не такъ часто употребляются синонимическія существительныя и прилагательныя: *сриблю-злато, кумы-побратымы, кайданы-зализо*, (молитва) *отцева-матчыма*, (душа) *козацька-молодецька*. Тѣмъ не менѣе дѣйствующія лица всегда обрисовываются въ думахъ достаточнымъ количествомъ опредѣлительныхъ словъ и, такъ называемыхъ, приложений, напр.:

«Ляхъ Бутурлакъ,
Клюшныкъ галерський,
Сотныкъ переяславський,
Недовирокъ хрыстьянський».
(Д. о Сам. Квшкѣ) ²⁾

Еще рѣже встрѣчаются синонимическія нарѣчія: *рано-пораненьку, мало-трохи-небагато, тяжко важко, смутно-жамбно* и т. п. Впрочемъ, мѣсто, время и другія обстоятельства, сопровождающія дѣйствіе, всегда опредѣляются въ думахъ самымъ точнымъ образомъ. Вотъ примѣры:

«Тры брата ридненьки,
Якъ голубоньки сывеньки,
Изъ юрода, изъ Азова, зъ тяжкою неволи, у землю хрыстьянську,
до батьки, до матери, до роду утикали».
(Д. о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова) ³⁾.

«Робылося те дило въ суботу, проты воскресенія, по заході сонця»
(Д. объ Иванѣ Кошовченкѣ) ⁴⁾.

«Якъ одъ Кумивщыны ти до Хмельныщыны,

¹⁾ Истор. пѣсни малорус. народа, Антоп. и Драгом. I, 113.

²⁾ Малор. думы и пѣсни Лукашевича, 15.

³⁾ Ibidem, I, 106.

⁴⁾ Кіевскій Телеграфъ, 1875, № 59.

*Якъ одь Хмельныщыны, та до Брянищыны,
Якъ одь Брянищыны, да ѣ до сего жь то дня.
Якъ у земли кралевський да добра не було».*

(Д. о возстаніи козакоу при Хмельн.)¹⁾.

Тонъ выписанныхъ нами отрывковъ строго-историческій и, такъ сказать, документальный. Во многихъ думяхъ эта документальность доходитъ до того, что кажется, будто инья фразы цѣликомъ взяты изъ какого-нибудь историческаго памятника. Въ думѣ, напримѣръ, о Семенѣ Паліѣ Мазепа

«до короля шведського такъ речи промовляе:

«Королю Шведський, добродлю, найяснийшый мпй пане»²⁾.

Слова Мазепы какъ будто бы внесены въ думу изъ офіціального письма его къ королю шведскому.

Этотъ, можно сказать, историческій реализмъ въ изображеніи явленій жизни сообщаетъ во многихъ случаяхъ языку думъ прозаическую реальность, которая встрѣчается обыкновенно въ дѣловой рѣчи писателя, обдумывающаго и исправляющаго каждую фразу своего сочиненія сообразно съ требованіями грамматической логики. Особенно рѣзко выступаетъ прозаическій складъ рѣчи при наращеніи ея, когда необходимо бываетъ повторить тѣ или другія слова и выраженія, чтобы устранить всякую сбивчивость въ пониманіи того, что сказано выше. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ:

«Ой на Чорному мори,

На билому камени,

Ой то тамъ сыдыть ясенъ сокиллъ—билозерець...

На святее небо, на Чорнее море псыльно поглядае,

Що на святому неби, на Чорному мори, не зараздь почышае:

На святому неби усп звизды потьмарыло,

Половина мисяця у тьму уступыло,—

На Чорному мори не зараздь почышае:

Изо дна моря сыльно хвыли вставае,—

Судна козацьки, молодецьки на тры часты розбывае».

(Д. о бурѣ на Черномъ морѣ:³⁾.

¹⁾ Записки о Южной Руси Кулиша, I, 56.

²⁾ Максимовичъ, Сборникъ украин. ѣв. ещъ. К. 1848 г.

³⁾ Записки юго-западнаго отдѣла географ. общ. I, 3.

Видно усиліе мысли выразительно указать на то, что происходило на небѣ и на морѣ.

Послѣ общаго замѣчанія, что и тамъ, и здѣсь „не гараздъ починае“, идетъ разграниченіе, что именно происходило на небѣ, и что на морѣ,—разграниченіе, которымъ и объясняется самое повтореніе словъ обстоятельственныхъ мѣста.

Тотъ же прозаическій складъ рѣчи слышится въ употребленіи придаточныхъ предложеній. Они скопляются иногда въ такомъ изобиліи, которое далеко переходитъ за предѣлы необходимости.

Безсоюзная рѣчь встрѣчается рѣдко; наоборотъ, даже независимыя предложенія снабжаются союзами, посредствомъ которыхъ обыкновенно соединяются придаточныя предложенія съ главными, напр.:

«Якъ иде украинський козаць, то ѓ корчму мынае,
А жыдь выбигае,

Та украинського козака за чубъ хватае».

(Д. о возстаніи козак. при Хмельн.)¹⁾.

«А якъ то бувъ жыдь Ликель,
То винъ коло школы похожае,
Та по школи плаче-рыдае».

(Ibidem).

Отношенія придаточныхъ предложеній къ главнымъ не совсѣмъ сходны съ тѣми, какія мы видимъ въ обыкновенной рѣчи. Случается нерѣдко, что они вовсе не стоятъ въ непосредственной связи съ главными предложеніями, напр.:

«А сребро злато на тры часты наувалы:

Первую часть бралы,
На церкви накладалы,

На святого межыгорського Спаса,
На Терехтемыровський монастырь,
На святую сичовую Покровъ давалы,

Котри давнимъ козацькымъ скарбомъ будовалы,

Щобъ за ихъ, вставаючы и лягаючы, мылосердного Бога благалы».

(Д. о Сам. Кишкѣ)²⁾.

¹⁾ Историч. пѣсни малорус. народа, Антоц. п. Драг., II, 25.

²⁾ Малорус. думы и пѣсни, Лукашевича, 26.

Въ думахъ гораздо чаще встрѣчается, такъ называемая, инверсія, чѣмъ въ обыкновенныхъ пѣсняхъ. Сравнимъ слѣдующія синтаксическія построенія:

«Есть у мене Иванъ Луговскій,
Который у мене дванадцать литъ за джурю пробувавъ,
Вси мои козацьки звичай познавъ».

(Д. о смерти Б. Хмельницкаго) ¹⁾.

Здѣсь главное предложеніе соединено съ придаточнымъ обыкновеннымъ способомъ.

«Который чоловікъ отци своего, матирь, штыть-поважае,
Тому Богъ во всякій часъ помагае».

(Д. о вдовѣ и трехъ сивовьяхъ) ²⁾.

Здѣсь изъ главнаго предложенія косвенное дополненіе (чоловикови) передвинуто въ придаточное, гдѣ уже является оно подлежащимъ.

«А который чоловікъ отцеву и матчыну молитву штыть-поважае,
То отцева-матчына молитва зо дна моря вынимае».

(Вариантъ той же думы) ³⁾.

Здѣсь подлежащее главнаго предложенія сдѣлалось прямымъ дополненіемъ придаточнаго, которое тоже образовалось изъ косвеннаго дополненія предложенія главнаго, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ.

«Якъ почалы друзи, нанове—молодци, жыдивъ та лихивъ зъ
Украины згонаты,
Та въ которого не було драгон, невирнои кожушыны,
То й той надивъ жыдивськи вармазыны».

(Д. о возстаніи козаковъ при Хмельницкомъ) ⁴⁾.

Союзъ *то* долженъ былъ бы стоять въ началѣ втораго стиха, но въ замѣнъ *то* стоитъ *та* для связи съ первымъ придаточнымъ: причина въ томъ, что главное предложеніе отдѣлено отъ сопоставляемаго съ нимъ придаточнаго другимъ

¹⁾ Народныя южно-русскія пѣсни, Метлинскаго, 397.

²⁾ Ibidem, 354.

³⁾ Ibidem, 394.

⁴⁾ Историческія пѣсни малорус. нар. Авт. и Драг., II, 26.

придаточнымъ, включеннымъ въ главное тоже путемъ инверсіи. Такихъ примѣровъ въ думахъ множество, но мы выпишемъ еще одинъ для того, чтобы уяснить для себя стилистическое значеніе такого построенія рѣчи.

«Де булы въ полѣ стежки, дорижки,
Волоськымы головамы повымощувавъ;
Де булы въ полѣ глыбоки-долыны,
Волоською кровью повывпньювавъ».

(Д. о походѣ Хмельницкаго въ Молдавію)¹⁾.

Исходною точкою мысли было намѣреніе выразить, что *есть* „стежки и дорижки повымощувавъ“, поэтому придаточное предложеніе ставится на первый планъ, прямое дополненіе главнаго предложенія аттрагируется, превращаясь въ субъектъ придаточнаго, отчего придаточное получаетъ бѣльшую независимость и выразительность. Повидимому, въ этомъ и заключается причина широкаго распространенія въ думахъ инверсіи и аналогическихъ съ нею оборотовъ рѣчи.

Само собою разумѣется, что постоянное употребленіе сложныхъ предложеній, переполненныхъ предложеніями придаточными и всякими пояснительными словами, въ родѣ описательныхъ выраженій (*словамы промовляе, слезама рыдае, добре дбае*), замедляетъ теченіе рѣчи. Она дѣлается тягучею и, что особенно важно, вполне соотвѣтствуетъ логическимъ требованіямъ мысли, которая стремится къ выраженію всестороннему, законченному. Оттого въ думахъ преобладаетъ, такъ называемая, періодическая рѣчь. Встрѣчаются часто образцовые періоды, какъ будто бы составленные по всѣмъ правиламъ риторическаго искусства: только неподдѣльная искренность, присущая народному слову, заставляетъ вѣрить, что эти періоды созданы народомъ, а не написаны рукою опытнаго стилиста.

Чтобы не разбрасываться въ массѣ матеріала, для выясненія нашей мысли выпишемъ нѣсколько стиховъ изъ думы о сестрѣ и братѣ.

Содержаніе ея очень простое.

¹⁾ Народныя южно-русскія пѣсни, Метлинскаго, 394.

Сестра просить брата, чтобы онъ провѣдалъ ее на чужой сторонѣ. Братъ отвѣчаетъ отказомъ, потому что онъ живетъ

«За темными лугами,
За широкими полями,
За быстрыми риками».

Снова слышенъ голосъ сестры, сопровождаемый слезами:

«Прыбуди же ты до мене:

Темныи луженькы ясненькымъ соколонькомъ перелеты,
Широкии поля малымъ—невелычкымъ перепелонькомъ перейды,
Быстрыи риченькы и озера билымъ лебедонькомъ переплывы,
Сядь-нады у монимъ двори сывымъ голубонькомъ,

Головку склоны,

Жкалибненько загуды,

Нехай я буду выхождаты,

Ой по голосу познаваты,

И на хлибъ, на силь заклыкаты,

И на здоровья тебе, брате, буду пытаты».

Братъ снова отвѣчаетъ отказомъ:

«Шойды, ты, сестро, до тыхого Дунаю,

Возьмы ты, сестро, писку у билу ручку,

Посий ты, сестро, на каменю:

Колы той буде писокъ на билому камени зихожаты,

Сынимъ цвитомъ процвитаты,

Хрещатымъ барвинкомъ биленькый камень устылаты,

Разнымы краснымы цвитами украшаты:

Тоди, сестро, буду до тебе въ гости прыбуваты,

Твого жытти пры бидности доглядаты».

Тогда поняла сестра, что никогда уже не увидитъ она брата,—и вотъ изливаетъ она свое горе въ трогательной жалобѣ на безпріютное положеніе свое среди чужихъ людей:

«Якъ у нашого отця тай маткы, говорить она, пылы та идалы

Тоди насъ и кумы, и побратымы добре зналы,

А якъ насъ прышыбла недобра годына;

Одцуралася насъ блызкая и далекая, вся названая сердешная
родына!

Тяжко, каже, братнику.....

Якъ птицы пернатый въ чыстимъ поли безъ древа ночуваты,
 Якъ тяжко, та важко жывий рыбы безъ воды прожываты,
 Якъ тяжко та важко билый камень зъ сырой земли проты себизняты:
 Ой такъ тяжко та важко на чужий сторонн безъ кривной родны
 помираты¹⁾.

Мысль о томъ, что братъ не можетъ преодолѣть препятствій, лежащихъ на пути къ сестрѣ, выражена въ аллегорической формѣ дѣйствій, которыя должна совершить сестра, чтобы убѣдиться въ безвыходномъ своемъ положеніи. Первое дѣйствіе сестры обусловливаетъ слѣдующее за нимъ, которое въ свою очередь служить условіемъ для послѣдняго. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, стройный *последовательный* періодъ, въ которомъ всѣ члены состоятъ въ тѣсной и неразрывной связи между собою, и въ то же время каждый изъ нихъ представляетъ совершенно законченное цѣлое. Въ заключительныхъ словахъ сестры мы имѣемъ періодъ, такъ называемый, *противительный*, съ правильнымъ чередованіемъ повышенія и пониженія, изъ коихъ каждое распадается на два члена, при чемъ цѣлый рядъ синонимическихъ опредѣленій въ послѣднемъ членѣ усиливаетъ впечатлѣніе главной мысли,—а также *сравнительный* періодъ, не уступающій предыдущему по красотѣ и отчетливости рисунка, по полнотѣ и законченности выраженія.

Вся эта дума заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ обобщеній, вызывающихъ въ сознаніи слушателей размышленіе о судьбѣ людей, заброшенныхъ на чужую сторону, объ одиночествѣ и горькой долѣ ихъ вдали отъ своего рода-племени. Отъ народной малорусской думы именно вѣетъ *думой* пѣвца, которая располагаетъ слушателей къ размышленію, къ раздумью. Нерѣдко въ самомъ концѣ думы пѣвецъ прерываетъ нить своего разказа, чтобы высказать свою мысль. Въ одной думѣ семейнаго содержанія рѣчь идетъ о томъ, что „лихий отчымъ“ прогналъ пасынка своего изъ дому. Скрѣпя сердце, покорилась участи родная мать его. Пошелъ козакъ на чужую сторону, женился тамъ, но мысль о матери не оставляла его. Ыдетъ онъ на родину, чтобы провѣдать старую мать.

¹⁾ Залиски о южной Руси, Кулиша, т. I, 24, 28.

Далѣе продолжаемъ словами думы:

«Ставь второй отецъ — названный на зустрічь его выхожаты...
Отъ же то, панове-молодци, якъ же то Господь чоловікова
прывивъ,

Що зъ чужой стороны далекои прыбувавъ,
Свою матирь старую пры смерти застававъ!
Скоро его стара маты на божий постели вздрила,
На свое лице христьянске хрестъ соби положила:
«Чого жъ я бажала, того и дождала,
Сына свого пры смерти въ вичи повыдала!»¹⁾

Иногда въ самомъ началѣ думы пѣвецъ высказываетъ общую мысль, которую затѣмъ развиваетъ въ послѣдовательномъ ходѣ разказа. Такъ начинается, на примѣръ, дума о семейной жизни козака:

«Не одинъ козакъ самъ соби шкоду шкодывъ,
Що видъ молодой жинки у вийсько ходывъ»²⁾.

Иногда дума начинается вопросомъ, въ которомъ собственно и заключается основная мысль ея. Таково, на примѣръ, начало думы о возстаніи козаковъ послѣ бѣлоцерковскаго мира:

«Ой чы гараздъ, чы добре нашъ гетьманъ Хмельныцький почынавъ,
Що изъ ляхамы, изъ мостывыми панамы, у Вилий церкви замырывъ?»³⁾

Иногда непосредственно за вопросомъ слѣдуетъ и отвѣтъ. Такъ, въ думѣ о Семенѣ Паліѣ, цари и князи, съѣхавши въ городѣ Лебединѣ,

«Велькымъ дывомъ дывовали,
Одынь до единого словаы промовлялы:
«Про що то, панове, у земли христьянсьей не стало порядку
ставаты?»
— «Про то, панове, що стали проклятыи бусурмане христьянъ
братамы называты».

— «Хто жъ тее зачынавъ?»

— «Начынавъ тее проклятый Мазепа...»⁴⁾.

¹⁾ Чубивс. V, 849—850.

²⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 215.

³⁾ Ibidem, I, 51.

⁴⁾ Сборн. украи. пѣсенъ, Максимовича, 1849 г.

Раздумье царей и князей („великымъ дывомъ дывовалы“) изображено въ самомъ процессѣ его выраженія, т. е. въ совѣщаніи ихъ между собою.

Вообще въ думахъ дѣйствующія лица изображаются людьми размышляющими, думающими.

«Ставь Алканъ-паша дороги наныткы пыты-пидпываты,
Сталы умыслы козацьку голову кляшныка розбываты» ...

(Д. о Сам. Кишкѣ)¹⁾

И затѣмъ слѣдуетъ изображеніе самихъ умысловъ. Пѣвецъ любитъ заглянуть въ душу своихъ героевъ:

«Зажурылася Хмельницького сидая голова,
Що пры ёму ни сотныкывъ, ни полковныкывъ нема:
Чась прыходыть умираты,
Никому цорады даты!»²⁾

Такъ начинается дума о смерти Богдана Хмельницкаго.

Мысль о смерти выводитъ пѣвецъ изъ души самого Хмельницкаго. Эта мысль и есть движущая сила всей козацкой рады, которая изображается въ думѣ.

Не всегда спокойно думаютъ герои думъ. Напротивъ того, въ ихъ размышленіяхъ большею частію прорывается горячее чувство. Не всегда спокоенъ и пѣвецъ, изображающій своихъ героевъ. Онъ принимаетъ слишкомъ живое участіе въ судьбѣ ихъ. Онъ радуется, когда они торжествуютъ, и страдаетъ, когда они гибнутъ. То и другое настроеніе заставляеть его отступать отъ обыкновеннаго теченія рѣчи.

Иногда пѣвецъ какъ-будто бы не находитъ словъ для выраженія чувствъ, которыя подавляютъ его героевъ, и потому является невольнo у него тотъ оборотъ рѣчи, который въ учебникахъ риторики извѣстенъ подъ именемъ фигуры *умолчанія*. Вотъ какъ изображаетъ онъ, напримѣръ, смерть въ степи одного изъ трехъ братьевъ, бѣжавшихъ изъ азовской неволи. Измученный бѣглець

«До Осавуръ-могылы прыбувае,
На Осавуръ-могылу зихожае,

¹⁾ Малорус. думы и пѣсни, Лукашевича, 19.

²⁾ Сборн. украин. пѣснѣ Максимовича, 1849, 44.

Тамъ собі безпечно дев'ятого дня спочывокъ мае,
 Дев'ятого дня зъ неба воды—погоды выжыдае».
 На дев'ятий день пришлось ему «на безвидди, на безхлибьи
 погыбаты:

«Дев'ять день, говорить онъ, хлиба въ устахъ не маю
 На безвидди, на безхлибьи погыбаю...
 Тутъ тее промовлявъ»...

Не стало словъ у умирающаго, и пѣвецъ слѣшпитъ къ
 изображенію самага момента смерти:

«Не чорна хмаря налитала,
 Не буйни витры винулы,
 Якъ душа козацька-молодецька зъ тиломъ розлучалась»¹⁾).

Но пѣвецъ не ограничивается внѣшними подробностями
 картины: онъ вводитъ въ нее самого себя, собственное свое
 настроеніе. Тяжело представить ему одинокую смерть козака,
 не оплаканнаго отцемъ и матерью, и вотъ онъ въ другомъ
 вариантѣ той-же думы воспроизводитъ похоронный плачь соб-
 ственной души своей въ жалобномъ кукованьи „сывои зозули“,
 которая

«Прылитала,
 Да у головахъ сидала,
 Да жалибно закувала:
 «Ой голово-голово, козацькая-молодецькая!
 Се жъ ты ни доныла, ни донла,
 А ни хорше не сходила...
 А довелоса валатсы,
 Звиру-птыци на поталу податсы!» ...²⁾).

Вообще въ думахъ мы часто встрѣчаемъ лирическое излія-
 ніе чувствъ самага пѣвца въ формѣ, такъ называемыхъ, *обра-
 щеній*, которыя онъ дѣлаеть или прямо отъ себя, или же отъ
 лица своихъ героевъ. Особенно энергичны обращенія, вызван-
 ныя общей картиной страны, въ которой происходитъ дѣйствіе:

«Земле польска, Украинно подольска!

¹⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 39.

²⁾ Записки юго-западнаго отдѣла географ. общества, I; Матеріалы, 10.

Та вже тому не ричокъ и не два мынае,
Якъ у хрысціянскій землі добра не мае¹⁾.

Такъ обращается пѣвецъ къ странѣ, измученной бѣдствіями войны, чтобы рассказать затѣмъ о новыхъ бѣдствіяхъ, вызванныхъ возстаніемъ козаковъ при Богданѣ Хмельницкомъ.

«Ты, земле турецька,
Виро бусурманська,
Ты, розлуко хрысціянська!
Не одного ты розлучыла зъ отцемъ, зъ матирью,
Або брата зъ сестрою,
Або мужа зъ вирною женою»²⁾.

Здѣсь настроеніе пѣвца высказываютъ томлящіеся на каторгѣ турецкой невольники. Фактическаго содержанія въ этой думѣ нѣтъ. Стонъ невольниковъ—вотъ ея содержаніе, и это не только стонъ, но и проклятіе, обращенное къ ненавистной имъ землѣ турецкой. За проклятіемъ слѣдуетъ молитва, которая произносится отъ лица пѣвца, хотя непосредственно связана она съ проклятіемъ, составляя какъ бы продолженіе рѣчи невольниковъ.

«Вызволь, Господы, невольника зъ неволи
На простыи дороги,
На ясни зорп,
На руській берегъ,
На край неселый,
Мижъ мыръ хрещеный»³⁾.

Глубоко симпатиченъ для пѣвца этотъ *мыръ хрещеный*, этотъ *край веселый*, который называется въ думахъ *русскимъ краемъ*, иногда *козацькою землею*, чаще же всего *славною Україною*.

Но пѣвецъ смотритъ на свою родину печальными глазами. Безконечною гладью разстилаются передъ нимъ *степы шыроки*, по которымъ гуляютъ *витры буйни* или же ползутъ *туманы сыви*. На этихъ степяхъ растутъ *травы зелени* и синѣютъ мо-

¹⁾ Историческія пѣсни малорус. народа, Ант. и Драг. II, 25.

²⁾ Ibidem, I, 89.

³⁾ Ibidem, I, 90, 91.

илы высоки. Озаряются эти степи иногда *пожарами ясными*, и тогда найти траву можно только по берегамъ степныхъ рѣчекъ, вдоль которыхъ тянутся *очереты воздобни* и даже *луги темни*. Перерѣзаны степи *балками глыбокымы* и *байраками зеленымы*, которые покрыты *тернами устымы*. Жители степей *возки сироманьци* да *орлы сызокрыльци*. На этихъ степяхъ происходятъ боевыя схватки козаковъ съ турками и татарами. Вотъ передъ нами козакъ—*нетяга*, по прозванію *Голота*, который

«Не бонься ни огни, ни меча, ни третѣго болота....

На козакови шапка-бырка,

Зверху дирка,

Травою пошыта,

Витромъ пидбыта:

Куды вие—туды и повивае,

Козака молодого прохоложае».

Онъ побѣждаетъ татарина на полѣ *кылымськимъ* и высказываетъ желаніе, что бы оно

«Іпто й зиму зеленило»

за то, что его

«ири нещасливый годьни сподобыло».

Торжествуетъ козакъ, но печальна была бы судьба его, если бы удалось татарину,

«Кывцемъ его у руки взиты,

Да въ городъ Квлюю заиродаты»¹⁾.

Не смерти боится козакъ, а неволи турецкой: только въ неволѣ, среди ежедневныхъ истязаній на каторгѣ, онъ впадаетъ въ уныніе. Тогда онъ умоляетъ сокола *ясною*, чтобы онъ подалъ вѣсть о немъ отцу и матери:

«Передъ воритымы мого батька и матери, говоритъ онъ,
сидь-нады,

Жалибненько прокылы,

Ще моему батькови и матери більшого жалю завдай,

Та нехай мий батько добре дбае,

Скарбы збирае,

Зъ тяжкою неволи турецкою выкупае»²⁾.

¹⁾ Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 17.

²⁾ Историч. пѣсни малорус. народа, Автоп. и Драг. I, 95—96.

Соколь въ думахъ не только вѣстникъ, но и символъ вольной души козацкой. Въ одной думѣ говорится, что молодой соколенокъ попалъ въ неволю: запутали его тамъ въ серебряные путы, а около очей повѣсили дорогой жемчугъ, т. е. окружили всѣми приманками роскоши, что случалось не разъ съ плѣнниками, принимавшими бусурманскую вѣру, и особенно съ плѣнниками. Узналъ объ этомъ старый соколь отъ орла-брата...

«На городъ-царьгородъ налитавъ,
На валу сидавъ,
Жалибно квыльвѣ-проквылявѣ...
То сокола зачувало,
Слутно ся мало,
Головку склоняло
И крылечка опускало».

Чтобы разсѣять его тоску, турки сняли съ него и путы и жемчугъ. Тогда

«Соколъ налитавъ,
Та на крыла взявъ,
Та на високу высоту лидносывѣ...
«Эй, сокола мое, бездолъне, безродне!
Лучше мы будемо по полю лятаты,
Та соби жывности доставаты,
А нижъ у тяжкий неволи, у панивѣ, прожываты:
Эй то жъ то у панивѣ слава, що исты и пыты,
Та тильки неволенъ свить по свиту похолдыты»¹⁾).

Вотъ этотъ *вольный свитъ* и составлялъ для козака приманку, которая влекла его въ *стены широки*. Тамъ онъ дышалъ полною грудью, тамъ онъ сознавалъ свое человѣческое право жить, пока живетъ, пока есть убѣжденіе, что въ жизни не все еще потеряно. Онъ зналъ, что есть у него на родинѣ *отецъ и нянька-стиренька и сестырици-жашибныци, и родыма кривная, сердешная*, которые позаботятся о немъ въ минуту жизни трудную, ибо

Якъ-то бьеться птыця обь птыци,

¹⁾ Записки о южной Руси, Кулиша, I, 18.

А родына обь родыни:

Ой то такъ-то бьется отецъ и маты обь своей кривной дытныи.¹⁾

Зналъ онъ также, что не оставитъ его въ бѣдѣ *товариство кривне и сердцеине*. Съ этимъ *славнымъ, войнымъ людомъ* привыкъ онъ

Чтобы «Неприятеля пидь ноги топтаты»,

«славы-рыцарства достаты,

За впру хрystиянську одностайно статы²⁾,—
а въ часы отдыха

«пыты и гуляты,

Хорошии мысли маты³⁾».

Одною изъ этихъ мыслей, завѣтною мечтою его жизни, было умереть среди этого люда.

Только въ этомъ случаѣ онъ могъ надѣяться, что слава его

«Не впре, не поляже»,

потому, что „лыцарство козацьке всякому роскаже⁴⁾“,—разскажетъ оно о томъ, какъ погибъ козакъ, какъ его похоронили. Утѣшится бѣдная маты, когда узнаетъ, что сына ея *по козацки поховалы*, что сами козаки приготовили и могилу ему,

«Шаблямы, надилкамы суходолъ копалы,

Шанкамы, прыноламы черсть выбиралы,

И могилу насыпалы,

Въ семипядни пыщали грималы,

У сумеркы жалбно выгравалы,

Славу козацьку выхвалялы⁵⁾,—

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Малорус. и червонорусскія думы и пѣсни, Лукашевича, 36.

³⁾ Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 13.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem, 56, 57. „Высока могила“ составляла обычную принадлежность козацкихъ похоронь, о чемъ свидѣтельствуеъ извѣстный стихотворецъ Климентій, жившій въ началѣ XVIII в.:

„Звычай козацькѣ въ тихъ ричахъ бувають,

Же въ поляхъ кладутся и могилы высыпють,

Того ради, же въ войскахъ бывали и въ полю

Изъ неприятелямы на потычкахъ въ бою,

Же бь и по смертехъ щирость ихъ не запомянана,

Дабы хвалебно людымъ честнымъ вспомянана“.

Основа, 1861 г., Январь, 207.

а послѣ похоронъ

«цвиленькымы, сухенькымы шпльськовымы сухарцями помыналы»¹⁾.

Будеть она

«козакамъ хусткы и рушныкы шыты даваты,

По церквямъ и по монастырямъ службы и панахыды нанпматы,

Заразомъ по своему сыновн похоронъ и весилли одбуваты», —

будеть она

«крани платкы кушуваты,

Та лырынкамъ даруваты»²⁾, —

чтобы они сына ея поминали.

Такова была жизнь въ степной Украинѣ, которая ближе лежала къ славному Запорожью—центру борьбы козачества съ мусульманскимъ міромъ. Много было въ этой жизни порывовъ и увлеченій, манила она къ себѣ славою героическихъ подвиговъ, давала она чувству свободы и независимости полное удовлетвореніе. Но недоставало ей прочныхъ устоевъ, культурнаго быта, недоставало той полноты и уютности, которыя бывають плодомъ семейнаго счастья, семейныхъ радостей. Въ самомъ дѣлѣ, мы не видимъ въ думяхъ, такъ называемыхъ, любовныхъ мотивовъ, которые занимають, какъ извѣстно, выдающееся мѣсто въ обыкновенныхъ бытовыхъ пѣсняхъ. Есть у козака сестра и мать, которыя снаряжаютъ его въ походъ, которыя горюють въ разлукѣ съ нимъ, о которыхъ самъ онъ думаетъ въ походѣ. Но никогда не вспоминаетъ онъ о *дивчинѣ*, покинутой имъ въ родномъ селѣ, о любимой женѣ и дѣтяхъ. Не могъ не чувствовать онъ лишенія тѣхъ благъ жизни, которыя достаются въ удѣлъ простымъ смертнымъ, не обладающимъ ни мужествомъ, ни славою героя. Не могъ не чувствовать этого и пѣвецъ, который относился къ семейному очагу съ чувствомъ религіознаго уваженія:

«Де мужъ зъ женою живе-проживае,

Тамъ святий Мыколай на радисть ухжае»³⁾.

На этой семейной канвѣ пѣвецъ строить всю драму козацкой жизни: и борьбу козака съ матерью, которая умоляетъ его остаться дома, и одинокое скитальчество его вдали отъ роду-пле-

¹⁾ Записки прозаик. отдѣла географич. общества, I, 21.

²⁾ Изъ рукописнаго сборника народ. малорус. пѣсень.

³⁾ Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 355.

мени, и неудачи его, если забывалъ онъ *отцеву* и *матчину* молитву, и предсмертныя минуты его жизни, когда онъ просить товарищей своихъ, чтобы они „тило его поховалы, звиру—птыци на поталу не далы“.

Отсюда глубоко скорбный, элегическій тонъ, которымъ пронизаны думы о походахъ козака въ степи. *Жалющи*, плачь составляютъ, такъ сказать, органическую принадлежность самой фразеологии этихъ думъ, въ которыхъ обыкновенно *сестра брату словами промовае, слизно рыдае, козаки жалбно выправають, славу козацьку зыхваляють*.

Тѣ же *жалющи* въ царствѣ птицъ и животныхъ: голубь *жалбно гуде, жалю завдае*, орлы и волки *кылять-прокыляють*. Въ изображеніи природы преобладаютъ суровыя, темныя краски: „*ничка темная, хмары темни, лузъ темный, лисъ темный, туманы сыви, голубъ сывый, кинь вороний и сывый, зозуля сывая и сызая, орелъ сызый, вовкъ сирий, сироманецъ*. Всѣ эти образы входятъ въ составъ сравненій съ явленіями человѣческой жизни, причемъ въ думахъ нерѣдко употребляется, такъ называемое, отрицательное сравненіе, необычное въ бытовыхъ пѣсняхъ:

«Не сыва зозуля закувала,

То вдова (мать) заплакала (или) розговляла»

(Д. о матери-вдовѣ и трехъ сыновьяхъ) ¹⁾.

«Не сызи орлы заклекоталы,

Якъ то бидни невольныкы у тяжкий неволи заплакалы».

(Д. о невольникахъ) ²⁾.

Иногда сравненіе разрастается въ аллегорическое изображение печальнаго событія, появляющагося въ сознаніи лица, о которомъ идетъ рѣчь, сперва въ видѣ смутнаго сновидѣнія, а потомъ со всею очевидностью неумолимой правды. Снится, на примѣръ, вдовѣ сонъ *чудный-пречудный, дивный-предивный*, будто бы спитъ ея въ походѣ женился, *появъ соби туркеню чужо-земку* ³⁾. Она

¹⁾ Народныя южнорус. пѣсни. Метлицкаго, 352.

²⁾ Сборникъ украинскихъ пѣсень, Максимовича, 1849, 10.

³⁾ Малорус. и Червонорус. думы и пѣсни Лукашевича, 45.

«Въ чорному оксамыти ходыть,
 Билымы пидбийкамы пидбыта,
 Сылу грошей мае,
 Лику ихъ не знае,
 Горда, пышна,
 Панщыны не робыть,
 Царевн, королевн голывкы не склоныть».
 (Д. объ Н. Коновчанкѣ) ¹⁾.

Долго не догадывалась вдова о значеніи этого роковаго сна, пока товарищъ ея сына не сказалъ ей горькой правды, что сынъ ея:

«Понявъ соби цанянку—
 У чыстому поли могылу-землянку:
 На могыли травы зелененьки
 И цвты бленьки ²⁾».

Тогда бѣдная мать

«Якъ стояла,
 Такъ ушала,
 Свита божого не ввыдала ³⁾».

Сближеніе смерти съ бракомъ и могилы съ невѣстой или съ женой представляетъ, какъ извѣстно, одно изъ общихъ мѣстъ въ народной поэзіи, какъ великорусской, такъ и малорусской, но въ думахъ оно развито съ такими подробностями, которыя ясно указываютъ на склонность пѣвца находить въ горечи развѣдающаго чувства особаго рода утѣшеніе.

Иное настроеніе встрѣчаемъ мы въ думахъ о борьбѣ козачества съ „ляхами, мостивыми панами“. Широкою историческою кистью изображаетъ пѣвецъ эту братоубійственную борьбу двухъ родственныхъ племенъ, которыя далеко разошлись между собою въ соціальному и религіозному отношеніи,—борьбу двухъ міровоззрѣній, двухъ порядковъ жизни—шляхетско-аристократическаго и народно-демократическаго. „Уже жъ мы теперь, го-

¹⁾ Кіевскій телеграфъ 1873, № 59.

²⁾ Народн. южнорус. пѣсни Метлинскаго, 424.

³⁾ Кіевскій телеграфъ, 1873, № 59.

ворятъ козаки, ни въ чому воли не маемъ“, ибо „*вси шляхы, и торы, и церкви, и рики козацьки жыды зарандовалы, а паны ляхы*

«Велыкую станцію вымышлялы,

Одъ козацькихъ, одъ мужыцькихъ коморъ ключи одбиралы».

(Дума о возстаніи козаковъ послѣ бѣлоцерковскаго мира и объ изгнаніи жидовъ арендарей изъ Украйны) ¹⁾).

Распоряжались они чужимъ добромъ, какъ своимъ собственнымъ, не останавливались даже предъ оскорбленіемъ семейной чести женъ козацкихъ. И вотъ переполнилась чаша терпѣнія народнаго, и пролилась она цѣлыми потоками крови, подмывшими самыя основы польскаго государства.

Во главѣ движенія сталъ, какъ извѣстно, Богданъ Хмельницкій. Онъ обрисованъ въ думахъ, какъ вождь опытный и энергическій. Онъ пишетъ *лысты*, дѣлаетъ воззванія къ народу, даетъ козакамъ *порядки козацьки*. Отношенія его къ козакамъ самыя искреннія и сердечныя: они для него *диты, друзи-небожата* ²⁾, онъ для нихъ *батько козацький* ³⁾. Думу думаетъ онъ тайно отъ всѣхъ:

«Тільки Богъ святий знае,

Що Хмельницький думаетъ-гадае».

(Д. о походѣ въ Молдавію) ⁴⁾,

Но къ замысламъ *батька своего* козаки относятся съ полнымъ довѣріемъ. Они стоятъ предъ нимъ, *якъ малыи диты*. Они обращаются къ нему съ благожеланіями:

«Дай, Господы, щобъ мы зъ твоеи головы пылы и гулялы,

А неприятеля пидъ ноги потопталы,

А виры хрыстиянськои на поталу въ вичный часъ не подалы!

• (Д. о Хмельницкомъ и Барабашѣ) ⁵⁾).

Съ безпощадною жестокостью относится самъ Хмельницкій къ врагамъ своей родины:

¹⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 53, *ibidem*, 56—65; Сборникъ украинскихъ пѣсней Максимовича, 1849, 74.

²⁾ Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 54.

³⁾ Сборникъ украин. пѣсней, Максимовича, 1849 г. 75.

⁴⁾ Украин. народ. пѣсни, Максимовича, 1834 г., 40.

⁵⁾ Историч. пѣсни малорус. нар. Авт. и Драг. II, 15.

«Одъ сна уставайте», приказываетъ онъ козакамъ,
 «Руськый отченашъ чытайте,
 Ляхивъ, мостивыхъ нанивъ, у пень рубайте,
 Кровь пхъ людську у поли зъ жовтымъ пискомъ мпшайте».

(Д. о Хмельницкомъ и Барабашъ) ¹⁾.

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ торжества козацкаго оружія надъ польскимъ въ думахъ о Хмельницкомъ рѣзко пробивается сатирическій тонъ.

Пѣвецъ воспроизводитъ обыденныя сцены жизни, въ которыхъ ярко выступаютъ передъ нами типическія черты поляка и еврея. Тотъ и другой не скрываютъ своего презрѣнія къ козаку, и въ то же время чувствуютъ въ немъ присутствіе бунтующей силы, которая ежеминутно можетъ прорваться неудержимымъ потокомъ. Они подозрительно слѣдятъ за каждымъ его дѣйствіемъ, смутно понимая, что живутъ, такъ сказать, на вулканѣ и дышутъ сгущеннымъ, удушливымъ воздухомъ, который долженъ разразиться грозой... Но вотъ наступила гроза. Сцена быстро измѣняется. Суетливо метаются изъ одного мѣста въ другое евреи: и трусливый *Оврамъ*, у котораго

«Бувъ невеличкий врамъ—

Тильки голки да пылькы—

Що холывъ по за Днипромъ да дурывъ козацкыи жинкы» ²⁾,—

И богомольный Лейба, который «бизыть,

Ажъ жывить дрижыть,

Якъ на школу погляне,

Его сердце жыдивське зивьяпе» ³⁾,—

и *Сруль*, и *Гершико*, и *Шмуль*, и *Ицыкз*, который взялъ свой бычкы, что-бы „кони поганяты

Да одъ пана Хмельныцького утукаты» ⁴⁾.

Проклинають они рабина Мошку за то, что бралъ

«На Вкраини одкупу не потрошку» ⁵⁾.

¹⁾ Народныя южнорусскія пѣсни, Метлицкаго, 938.

²⁾ Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 60.

³⁾ Ibidem, I, 228.

⁴⁾ Историч. пѣсни Антонов. и Драгоман., II, 27.

⁵⁾ Ibidem., II, 28.

Вмѣстѣ съ евреями бѣгутъ и поляки, и они

«Догадыви бувалы,
Уси по лѣсахъ, по куцахъ повтыкалы» ¹⁾

Съ чувствомъ удовлетвореннаго мщенія посылаетъ пѣвецъ въ догонку бѣгущимъ врагамъ язвительное слово упрека и зло-раднаго смѣха.

Но „не всеу поляки, по выраженію позднѣйшаго лѣтописца, жалѣючи утраты Украины, раемъ свѣта польскаго ее наричаху и провозглашаху“ ²⁾. Много разъ потомъ они возвращались назадъ, и снова „счыналися велики войны на Вкраини“ ³⁾, какъ при жизни Хмельницкаго, такъ и по смерти его. Самъ Хмельницкій не рѣшилъ задачи своей во всю ширину требованій, поставленныхъ ему народомъ, — не все добились воли, не все сдѣлались козаками. Изъ среды самаго козацкаго сословія начали выдѣляться *дуки-срѣбляныкы*: это были свои домашніе *пань-ляхы*, которые начали стремиться къ пораженію не только посполства, но и рядоваго козачества. Продолжалась такимъ образомъ жизнь, *смуткамы* и *печальмы* переполненная. Не было въ странѣ силы, которая могла бы разорвать этотъ заколдованный кругъ. гдѣ угнетаемые, опираясь на поддержку, получаемую не изъ народной среды, часто превращались въ угнетателей, сознававшихъ, что центръ тяжести не въ народѣ, а въ постороннихъ вліяніяхъ, враждебныхъ народному идеалу. Самый идеалъ этотъ не былъ поставленъ на почву правоваго порядка, обезпеченнаго матеріальной силой, которой обыкновенно располагаетъ государство.

До 1775 года жила еще запорожская Сѣчь, которая была слабымъ подобіемъ этой матеріальной силы,—и вотъ народъ создаетъ на этой, можно сказать, мнимой величинѣ фантастическій образъ запорожскаго гетмана, защитника бѣдныхъ и угнетенныхъ. Въ жалкомъ видѣ *козака-нетяги* слоняется онъ

¹⁾ Ibidem, II, 112.

²⁾ Лѣтопись Величка, Предисловіе къ I-му т.

³⁾ Историч. пѣсни. Антоновича и Драг. II, 10.

на путяхъ ордынскихъ, въ поляхъ киліимскихъ. Вотъ одинъ разъ приходитъ онъ въ городъ Черкасы, гдѣ была городова я знать, *значныя* козаки, *дуки-срибляныки*. Входитъ онъ въ корчму, а вслѣдъ за нимъ являются и *дуки*. Стали они пить и гулять, насмѣхаясь надъ оборваннымъ козакомъ, а затѣмъ приказываютъ „Настя Горовий, пынбарци степовий“, что-бы она вытолкала *нетяю* „у потылицю зъ хаты“. Слѣдуетъ затѣмъ комическая сцена борьбы шинкаря съ козакомъ, который, повидимому, сознаетъ, что не рыцарское дѣло воевать съ женщиной; поэтому онъ ограничивается только тѣмъ, что

«Козацькымы пятамы у поригъ зачипае,
А козацькымы рукамы за одвирокъ хватае,
Пидъ мысныкомъ голову козацьку-молодецьку ховае».

Потѣшаются *дуки-срибляныки*. Одинъ изъ нихъ—болѣе добродушный

«Изъ кармана людську денежку выймавъ,
Настя кабашний до рукъ отдававъ».

Онъ приказываетъ ей на эту денежку отпустить *козаку-нетяю* хоть плохого пива. Посылаетъ Настя свою *наймычку* за этимъ пивомъ. *Наймычка*, конечно, на сторонѣ *козака-нетяи*. Принесла она изъ погреба добраго пива, но, желая скрыть это отъ хозяйки, она

«Въ свитлицю вхожае,
Свий нисъ геть одъ кышны одвертае,
Будто те пыво вояе».

Выпилъ козакъ пиво и сталъ бушевать:

«Эй вы, ляхове, вражи сынове», говоритъ онъ, «икъ порогу
посувайтесь,

Щобъ було менн, козаку нетяни, де на покути изъ лаптямы систы».

Вынимаетъ козакъ свой кожаный *чересъ* и высыпаетъ на столъ кучу червонцевъ. Сцепы быстро измѣняется, *дуки-срибляныки* предлагаютъ ему угощеніе. Но козакъ, въ отвѣтъ на эту любезность, подходитъ къ окну, отворяетъ форточку и зоветъ своихъ джурь. Прибѣгаютъ джуры и одѣваютъ козака въ богатое гетманское платье:

«Батьку козацькій», говорятъ они,
 «Доки тобі тутъ пустувати?
 Часъ—пора ити на Вкраини батькувати!»

Тогда только догадались *дуки-срибляники*, что это былъ никто иной, какъ самъ „Ганжа Андиберъ, гетманъ запорожський“. Дѣлаются они еще любезнѣе:

«Присунься ты до насъ, кажуть, ближче,
 Поклонимся мы тобі нижче,
 Будемъ радиться, чи гараздъ-добре на славній Украини
 проживати».

Козакъ не пьетъ, а проливаетъ напитки, предложенные ему дуками, *на свои дороги шаты*:

«Эй, шаты мои, шаты!» говоритъ онъ, пийте, гуляйте!
 Не мене шанують, васъ поважають».

Дума заканчивается тѣмъ, что онъ приказываетъ козакамъ своимъ высѣчь передъ окнами корчмы разжирѣвшихъ богачей, что-бы они его

«спомынали
 И до вику намѣтали».

Козаки исполняютъ приказанія гетмана, приговаривая:

«Эй, дуки вы, дуки!
 За вами луги и луки,

Нигде, нашему брату, козаку—нетази, статы коня попасаты»¹⁾.

Рѣшеніе вопроса патріархальное и, во всякомъ случаѣ, неубѣдительное для одной стороны и бесполезное для другой. Представитель безженнаго рыцарства, Ганжа Андиберъ, безъ сомнѣнія, не могъ найти выхода изъ того положенія, въ которомъ находились семейные козаки въ самой Украйнѣ, гдѣ гораздо было труднѣе стоять на высотѣ козацкаго долга,—не могъ онъ, конечно, и *батькувати* на *Вкраини*. Здѣсь *козакиметями* были бессильны въ борьбѣ за свое существованіе. Рано или поздно они должны были раздѣлить участь посполитаго люда, т. е. подчиниться домашнему закрѣпощенію.

¹⁾ Отрывки изъ думы мы привели по тексту, напечатанному въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша т. I, стр. 200—209.

Многіе изъ этихъ *нетягъ* оставляли семью и убогое хозяйство свое и приставали къ войску, чтобы искать счастья, котораго не находили дома. Въ думѣ „о козацкой жизни“ изображается это явленіе, получившее, какъ видно, свои типическія черты въ эпоху разложенія козачества.

„Покидаю тебе“, говоритъ козакъ, обращаясь къ козачкѣ, и прошу тебя, что-бы ты берегла „худоу“. Въ чемъ-же эта „худоу?“

«У комыни ключчи смуга,
А въ запичку кишка муруга»¹⁾.

Выѣхалъ козакъ, не обращая вниманія на отчаянную мольбу жены остаться дома. Не сбылись заклѣтыя ея, чтобы „побыло его въ чыстимъ поли тры недоли“: и добрый конь его не присталъ, и козаковъ онъ догналъ, и козаки его полюбили, и въ курень его пустили, да еще мало того „отаманомъ поставылы“. Казалось-бы, онъ все нашель, чего искалъ. Но тянетъ его къ домашнему очагу. Приѣзжаетъ онъ домой. Оказывается, что козачка

«Чотыри недили хаты не тошыла,
Вона зъ шынку не выходыла»,—
Что «воло его двора нема и кола»,—
Что жена его «горшкомъ воду носыть,
Ополоныкомъ дяты напувае»²⁾

Съ тайнымъ сознаниемъ своей вины выбѣгаетъ козачка на встрѣчу своему мужу, но козакъ

«Ии келепомъ по плечамъ привитае,
Карбачемъ по сыни затынае»³⁾.

Этотъ суровый привѣтъ перенесла козачка безъ огорченія. Въ ожиданіи счастливыхъ дней она угощаетъ козака, а на вопросъ злоязычныхъ сосѣдокъ, что у нея за знаки подъ глазами, она отвѣчаетъ, что пошла она

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1884 г., Декабрь, стр. 640.

²⁾ Ibidem, 641.

³⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, 1, 218.

«въ хливъ, по лучыну,
 Та пидбыла соби очи на ключыну.
 Оттакъ тая возачка добре дбала,
 Свого козака покрывала»¹⁾

Что-же козаекъ? Онъ сидитъ въ корчмѣ, да „медъ-выно
 кругляе,

«Корчму сохваляе:

«Гей корчмо наша, корчмо-княгыне,
 Чомъ въ тоби козацького добра багато гыне?
 И сама еся неопатно ходышь,

И насъ, козакывъ-ветягъ, пидъ случай безъ свытокъ водышь»²⁾).

Въ этихъ словахъ, исполненныхъ ироническаго самообли-
 ченія, мы узнаемъ того-же пѣвца, который воспѣвалъ нѣкогда
 славные дни козачества... Перестроилъ онъ теперь струны
 своей кобзы, чтобы извлечь изъ нея иные тоны, близкіе къ
 отчаянію...

Таково въ общихъ чертахъ поэтическое настроеніе въ на-
 родныхъ малорусскихъ думахъ со всѣми его видоизмѣненіями.
 Свидѣтельствуемъ оно о томъ, что пѣвецъ стоялъ на высотѣ
 народно-національнаго самосознанія, представителемъ котораго
 было въ свое время козачество,—на высотѣ идеаловъ козацкой
 жизни съ ея шумною славою, съ ея недолговѣчной волей и
 измѣнчивой долей. Самое слово *козацкій* для него равнозначи-
 тельно было со словами: *родной, свой*, поэтому онъ употре-
 бляетъ это слово для того, что-бы отличить свое отъ чужаго:
козацкая земля, вира, душа, голова, козацкое тило, козацки
церквы, шляхи, торги, рики. Но, независимо отъ этого козац-
 каго міровоззрѣнія, онъ чувствуетъ въ себѣ способность отзы-
 ваться на всѣ радости и печали козацкой жизни живымъ твор-
 ческимъ словомъ, въ которомъ слышатся самыя разнообразныя и
 притомъ сложныя чувства: есть въ этомъ словѣ всѣ оттѣнки смѣ-
 ха, какъ и всѣ оттѣнки горя, переплетающіеся между собою въ
 самыя разнообразныя сочетанія. Это слово могъ сказать только

¹⁾ Ibidem, 219.

²⁾ Записки о южной Руси, Кулиша, I, 220.

пѣвецъ, усвоившій опредѣленный методъ мысли и чувства, тотъ методъ, который вырабатывается подъ вліяніемъ культурной привычки въ самонаблюденію, къ анализу пережитаго и передуманнаго. Мы думаемъ, что въ распространеніи этой привычки немало важную роль играла южно-русская школа. Внутренніе признаки школьныхъ вліяній въ языкѣ и поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ мы видѣли выше,—теперь уважемъ внѣшнія черты, сближающія думы съ старинными произведеніями южно-русской литературы.

Нельзя не замѣтить въ языкѣ думъ книжныхъ, церковно-славянскихъ элементовъ рѣчи. Они встрѣчаются въ значительномъ изобиліи не только въ поучительныхъ, но и въ историческихъ думахъ.

Во многихъ случаяхъ, напримѣръ, пѣвецъ отступаетъ отъ обычнаго русскаго полногласія, замѣняя слова: *голось, голова, золото, городы*, словами: *гласъ, глава, злато, грады*,—или же прямо употребляетъ церковно-славянскія слова вмѣсто народныхъ: *персть, пражъ, уста, смирение, собрание, возлюбиты, въздыхаты, вкушаты, аще, паче, найпаче* и проч. Даже формы церковно-славянскія нерѣдко онъ предпочитаетъ народнымъ: *одъ суставъ, пидъ нози, будещи, рече*, и т. п.

Желая сохранить церковно-славянскій колоритъ рѣчи, пѣвецъ передѣлываетъ иногда слова такимъ образомъ, что они получаютъ не то книжный, не то народный видъ, напримѣръ: *опрощение, олаты, у руцяхъ, оми*. По поводу послѣдняго слова извѣстный исполнитель думъ Вересай замѣтилъ: „усе одно *вооки*, тильки тутъ не можно такъ казать“¹⁾.

Другой кобзарь, Оедоръ Кононенко, пѣлъ одинъ разъ:

«Шапку изъ головы знимае»,

а въ другой разъ:

«Плыкъ изъ головы знимае»,

но предложилъ записать это послѣднее выраженіе, объясняя первое тѣмъ, что онъ „по простому спивавъ“²⁾.

¹⁾ Записки юго-зап. отдѣла геогр. общества 1873 г., Матеріалы, стр. 13.

²⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 179.

Такимъ образомъ, въ сознаниі позднѣйшихъ кобзарей языкъ думъ не есть обыкновенный, простой языкъ. Безъ сомнѣнія, такъ же смотрѣли на него и древнѣйшіе кобзари въ эпоху созданія самихъ думъ. Можно полагать даже, что въ старину онъ менѣе отшлифованъ былъ въ народномъ духѣ, чѣмъ теперь,—по крайней мѣрѣ, не забыты были въ немъ старинныя слова, забытыя нѣкоторыми позднѣйшими кобзарями ¹⁾. Изъ словъ этого разряда особенно любопытны тѣ, которыя въ самомъ построеніи своемъ представляютъ слѣды творческаго искусства въ сочетаніи церковно-славянскихъ особенностей рѣчи съ народными. Мы разумѣемъ такія сложные слова, какъ *домодержавецъ*, *злоспротывна* (хвыля), *людославне* (Запорожье), *златолави* и *златосыни* (виндякы) и т. п.

Очевидно, подобныя слова могли явиться въ думахъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ особеннаго умственнаго настроенія, которое искало для своего выраженія соотвѣтствующихъ красокъ не только въ народномъ, но и въ книжномъ словѣ. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что творцы думъ были люди отчасти книжные, и что они способны были не только къ усвоенію книжныхъ вліяній, но и къ переработкѣ ихъ въ народномъ духѣ.

Къ тому же выводу приводитъ насъ и наблюденіе надъ построеніемъ предложенія, какъ въ думахъ, такъ и въ старинной малорусской прозѣ. Обычное явленіе въ ней—это постановка глагольныхъ сказуемыхъ въ концѣ предложенія, отчего получается иногда своего рода стихъ, рифмованный такимъ же образомъ, какъ и стихъ думъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

„(Паны) не только на здоровье ихъ (подданныхъ своихъ) *чилимы*, але и вѣру ихъ зломыты *умышлямы*, и власне яко зъ

¹⁾ Поразительный примѣръ забвенія старыхъ словъ встрѣчаемъ мы въ думѣ объ Ивасѣ Коновченко, записанной отъ бандуриста Василя Макуленко, жителя Седневскаго, черн. у. въ 1854 г.: „Изъ дап-годны“ вмѣсто: „изъ день-годны“, „ковыль-горелка“, вмѣсто „оковыта-горилка“, „герція“ вмѣсто „герць“ и т. п. Замѣчательно при этомъ, что одно искаженіе влекло за собою другое: выраженіе „едноралъ полковницкый“ вынудило исполнителя думы исказить прозвище полковника, который называется у него то *Корсунскимъ*, то *Корсицкимъ* для рифмы. Искаженіе языка выразилось слабостью этого варианта думы въ художественномъ отношеніи.

неволныкымы *поступали*, одно податкымы *выдыраючи*, и работы на нихъ *вымышляючи*, за слово въ нѣвечъ *оборочаючи* и *забываючи*, и на Бога не *памятаючи*, и кровь невинную *проливаючи*“.

(Слово о бегдождіи, памятникъ конца XVII в.)¹⁾.

«То ще-то павы-Ляхы,
Мостивни цаны,
По козакахъ и по мужыкахъ стациєю *постали*,
Да великую стацию *вымышлялы*,
Одъ ихъ ключи *поотбиралы*».

(Дума о бѣлоцерковскомъ мирѣ и войнѣ съ поляками)²⁾.

Или: „на той часъ христіане жидовъ *незбожныхъ вынялы*,
иныхъ мечемъ *забіали*, иныхъ въ рѣвахъ *топили* и иныхъ
ишою смертію розмаитою *убили*“.

(Мессія праведный, I. Галтовскаго)³⁾.

«Тодп то козакн... здобу хорошу собп коло жыднвѣ-рандаривѣ *малы*,
На славну Украину *прыбувалы*,
Очертомъ *сидалы*,
Сребро и злато на три части *паѣвалы*».

(Дума о жидовскихъ окупахъ)⁴⁾.

Еще примѣръ:

„Скоро жолнѣре Иродови увойшли у Виѣлеемскій повѣтъ,
заразъ почали чинити по малыхъ дѣточкахъ невинныхъ *отвѣтѣ*:
отъ персей матернихъ *отрывали* да *погубляли*, и розмаитыи имъ
смерти *задавали*.... А дѣточки, яко немовятка будучи, того *не*
знаютѣ, они *доньмаютѣ*, ижъ то зъ ними жарти *маютѣ*, за мечъ
ручкыма *сягаютѣ*, подъ мечъ головки свои *хиляютѣ*, а они, ока-
янныя, головки имъ *истинаютѣ*“.

(Казанья на соборъ пресв. Богородицы по рукоп. 1751 г.)⁵⁾.

«То ще мы, брате, недобре *вчинялы*,
По улицяхъ добрымы *винны мулялы*,

¹⁾ Южнорусск. лѣтописи, изд. Бѣлозерскимъ, 1856 г.

²⁾ Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 52.

³⁾ Изд. Кіевопечерской лавры, 1664 г.

⁴⁾ Записки о южной Руси, Кулиша, I, 63.

⁵⁾ Матеріалы до литер. апокриф. Калитовскаго, 1884 г., стр. 22.

Дитки маленькии киньми *розбывали*,
 Кровь хрыстьянську безневинно *промывали*.
 (Дума о бурѣ на Черномъ морѣ) ¹⁾.

Замѣчательно при этомъ, что глагольная рифма, книжная по своему происхожденію, прочно утвердившись въ народныхъ малорусскихъ думахъ, отсюда уже въ свою очередь оказывала иногда замѣтное вліяніе на языкъ нѣкоторыхъ прозаическихъ произведеній старинной малорусской литературы. Такъ, въ Казань на соборъ Пресв. Богородицы эта рифма стоитъ въ непосредственной связи съ поэтическимъ настроеніемъ автора, которому знакомы были не только стихотворныя произведенія старинной малорусской школы, но и народныя малорусскія думы. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Сумцовъ, что „нѣкоторыя преступленія Ирода въ этомъ Казань напоминаютъ преступленія Алексія Поповича въ думѣ про бурю на черномъ морѣ,—горе родителей обрисовано чертами, сходными съ тѣми, которыя находятся въ невольницѣхъ думахъ“ ²⁾. Отсюда видно, что въ старинной Малороссіи было живое общеніе между школой и народомъ. Много перекрестныхъ путей шло отъ народа къ школѣ, и обратно,—много людей двигалось по этимъ путямъ, внося въ школу народное міровоззрѣніе и вынося изъ нея научныя приемы мысли и рѣчи.

Намъ нужно всмотрѣться въ типическія черты этихъ людей, чтобы выяснитъ для себя условія, среди которыхъ возможно было творчество народныхъ малорусскихъ думъ.

¹⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, т. I, 30.

²⁾ Кіевс. Старина, 1887 г. Сентябрь, 20. Можно встрѣтитъ иногда отраженіе языка думъ даже въ дѣловыхъ бумагахъ. Такъ, въ духовномъ завѣщаніи Я. Лязогуба отъ 1698 г. говорится, чтобы смѣть его Евфимъ „матки своей ни въ чемъ, ховой Боже, не раздражалъ и не *кылячи* повинность синовскую противъ неи оказывалъ, т. е. оную *чтмезь, шановаезъ и поважаезъ*“. (Кіев. Стар. 1882 г., Янв. 106).

II.

Странствующие школьники въ старинной Малороссіи.

По отрывочнымъ статистическимъ даннымъ, удѣлѣвшимъ отъ прошлаго вѣка, можно судить о томъ, какъ широко распространены были народныя школы въ старинной Малороссіи¹⁾. Обыкновенно, вмѣстѣ съ церковью строили и школу: здѣсь жилъ *пань-дьякъ* съ своею дружиною пѣвцовъ и чтецовъ церковныхъ²⁾. Уже изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ не случайнымъ, навѣяннымъ соображеніями, чуждыми народному міровоззрѣнію и народнымъ симпатіямъ.

Остановимся на этомъ явленіи со стороны внутренней связи его съ умственною и нравственною жизнію малорусскаго народа.

Нужно замѣтить прежде всего, что дьякъ занималъ свое положеніе не по сословному происхожденію своему изъ духовнаго званія, а по должности, которая доступна была для всѣхъ сословій³⁾. И однако же это было лице немаловажное въ при-

1) Основа, 1862 г., Май, статья А. Лазаревского: „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в.“—Журналъ Мин. Нар. Просв. 1864 г., Январь, статья Сухомлинова: „Училища и народное образованіе въ черниг. губ.“—Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., ст. Крыжановскаго: „Очерки быта малорусскаго сельскаго духовенства“.—Украинская старина, Данилевскаго, 1864 г., „Харьковскія народныя школы 1732—1863 г.“—Земскій сборникъ черниг. губ., ст. Ефименка: „Народное образованіе въ черниг. губ.“.

2) Черн. Епарх. Вѣд., 1865 г., 340. Еще до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Малороссіи дома, гдѣ живутъ церковнослужители, называются школами.

3) Только въ 1771 г. кievскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы кандидатами на должность дьяка были исключительно дѣти лицъ духовнаго званія, а въ 1778 г. при томъ же митрополитѣ введены были въ церковныя приходы такъ называемыя *штаты*, по которымъ полагалось при

ходѣ. При одной церкви могло быть два и даже три священника, но всегда былъ одинъ только дякъ, избранный громадою за *добрый мазь*, за надлежащее знаніе службъ церковныхъ и умѣнье вести ихъ благолѣпно и благочинно. Этого мало. Отъ дяка требовались таланты педагога, потому что онъ самъ долженъ былъ заниматься обученіемъ помощниковъ своихъ при исполненіи службъ церковныхъ. Какъ учитель школы, онъ назывался *пань-бакаляръ*, а какъ начальникъ ея—*пань-директоръ*.

Въ чемъ же заключалось его *бакалярство*? Кого, чему и какъ училъ дякъ?

Училъ онъ *молодиковъ школьныхъ*, какъ жившихъ въ школѣ, такъ и приходившихъ въ нее. Жили въ школѣ безпріютные сироты, которымъ некуда было дѣваться, приходили—дѣти козаковъ и посполитыхъ, людей богатыхъ и бѣдныхъ. Въ известной вертепной драмѣ Климы и жена его—люди бѣдные, но это не мѣшало имъ посылать своего сына въ школу, при чемъ за трудъ бакаляра расплачиваются они вмѣсто денегъ свиньей. Этотъ живой гонораръ, какъ дяку, такъ и всѣмъ обитателямъ школы, пришелся по вкусу:—„Ци, ирци, фѣртикъ Иванецъ“, восклицаетъ дякъ, обращаясь къ одному изъ школяровъ, очевидно, сожителю своему,

«Спишы сюды зпло,
Клымій сотворывъ намъ честь,
Давъ свыняче тило».

Когда свинья была унесена, дякъ обращается къ Климу съ благодарственной рѣчью:

«Обреченную вашу жертву, говоритъ онъ, съ благодарностію
пріемлемъ»

И выю вамъ облемлемъ!»

одномъ священникѣ два, при двухъ—четыре, при трехъ—шесть причетниковъ. Съ того времени выдающееся положеніе дяка въ приходѣ начало все болѣе и болѣе служить (Руковод. для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 49, 79—80). Что касается до заштатныхъ церковниковъ, то въ 1788 году Екатерина II предписала обратить ихъ въ военную службу при черноморскомъ адмиралтействѣ. О переселеніи ихъ въ Повороссійскій край, см. любопытную замѣтку П. Иванова въ „Кіевск. Старинѣ“ 1891 г., Май.

Прослезился Климъ отъ такой торжественной учтивости *письменною* человекѣка¹⁾).

Какъ видно, голодное житье было въ школѣ — особенно для молодиковъ школьныхъ, но оно скрашивалось надеждой, которую въ душѣ лелеялъ каждый изъ нихъ, со временемъ сдѣлаться дякомъ, а потомъ, по меткому выраженію народному, *выдряпаться и на попа*²⁾). Нужно было только усвоить всю премудрость школьную, которая начиналась обыкновенно съ изученія *грамѣтки* (букваря) и расширялась по мѣрѣ изученія *псалтыря* и *часослѣвца* — основныхъ богослужебныхъ книгъ, подготовлявшихъ молодика въ практическому заявленію своихъ способностей и познаній предъ всею громадою — на клиросѣ, въ церкви. Нужно было также изучить всѣ напѣвы церковные — восемь гласовъ на „Господи, воззвахъ“, восемь гласовъ на „Богъ Господь явился намъ“ и столько же гласовъ на ирмосы, да сверхъ того, изучить пѣніе *самогласное*, т. е. тѣ же псалмы и ирмосы на свой собственный голосъ, и *подобное*, т. е. пѣніе двойнаго текста на одинъ и тотъ же гласъ³⁾).

Не легка была эта наука. Многіе такъ и оставались *молодиками* на всю жизнь, исполняя низшія причетническія обязанности при церкви⁴⁾. Особенно трудно было изученіе *грамѣтки*. Сопровождалось оно обычными въ старинной школѣ *наказаніями по тѣлу*. Какъ былъ горекъ этотъ *корень ученія*, можно видѣть изъ одной шуточной вирши, которая сохранилась въ народномъ пересказѣ до настоящаго времени.

«Казавъ мени бакаляръ промовыты: «Азь, Азь!»

А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци: «разъ, разъ!»

Крыкнувъ же винъ у друге: «А ну, кажы: Букы!»

Ой ще жъ бо я не вымовывъ—понавъ въ ёго руки.

Крыкнувъ дали въ третій разъ, що бъ вымовывъ: «Виде!»

¹⁾ Малорус. вертепъ, Г. Галагана, „Кіев. Стар.“, 1882 г. Октябрь, 35—36.

²⁾ Руководство для сельскихъ пастырей, 1861 г., № 39, 138.

³⁾ Украинск. старина, Данилевскаго, стр. 297.

⁴⁾ Въ спискѣ церковниковъ отъ 1765 г., находившихся въ г. Прилукѣ, показаны въ числѣ *молодиковъ* школьныхъ лица разныхъ возрастовъ отъ 12 до 39 лѣтъ. См. Архивные отрывки для исторіи полтавск. епархіи, А. Лазаревскаго, Вып. I, 1887 г.

А вже жь ёго жвава рука по чупрыни иде.
 Ой якъ сказавъ у четверте: «вымовляй: жывите!»
 «Ну-те-жъ, хлопци, заразъ ёго на лавку кладите!»
 И просывся, и молився, а ще бильшь зляквся,
 Бо задалы таку хлосту, що й свита зцурався...¹⁾

Въ субботу, обыкновенно, *промовлялы* всѣ молодежи школьные передъ паномъ бакаляромъ то, что было выучено въ теченіе недѣли: кто изъ нихъ не твердъ былъ въ познаніяхъ, тотъ получалъ *суботника*. Чуть не до нашихъ дней исполнялось это старинное правило, обозначенное еще въ XVI в. въ уставѣ лужской братской школы, гдѣ говорится, что по субботамъ „дидаскаль маєть дѣтямъ и памятного не боронити, по чаши школьной испити“²⁾).

Однимъ словомъ, школа была суровая...

И однако же народъ предпочиталъ ее такъ называемымъ народнымъ училищамъ, которыя въ концѣ прошлаго вѣка Екатерина II начала заводить въ Малороссіи. Давно уже выяснено, что главная причина нерасположенія народа къ этимъ училищамъ заключалась въ бюрократическомъ характерѣ ихъ: они были разсадниками мелкаго чиновничества и всякаго рода канцелярскихъ сутягъ и ябедниковъ, которые были несимпатичны для народа³⁾. Въ свою очередь мы скажемъ, что въ новыхъ училищахъ народъ не нашелъ удовлетворенія своимъ церковно-общественнымъ потребностямъ, которыя заключались не въ одной грамотности, приспособленной къ церковному богослуженію, но и въ усвоеніи навыковъ и вкусовъ, можно сказать, эстетическихъ и даже отчасти литературныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы грубою ошибкой сводить все образовательное значеніе старинной малорусской школы только къ граматкѣ, псалтирю и часловцу...

Мы имѣли возможность пересмотрѣть не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ прошломъ и въ началѣ настоя-

¹⁾ Старосъ. Бандуриста, Н. Загревскаго, 1866 г., 122.

²⁾ Акты, издан. времен. комиссіей, I, 108.

³⁾ Жур. Мин. Нар. Просв., Январь, 1864 г., Сухомлиновъ „Училища и народное образованіе въ черв. губ.“, 9, 39.

щаго вѣка и предназначенныхъ для практическаго употребленія въ школѣ и внѣ школы. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу всякаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встрѣчаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого матеріала, по нашему мнѣнію, должно служить основой для разъясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ приемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ народной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Считаемъ необходимымъ прежде всего возстановить для себя отжившій образъ людей, которые занимались составленіемъ школьныхъ сборниковъ, удовлетворявшихъ, какъ видно, литературному вкусу и нравственнымъ потребностямъ своего времени.

Это были старинные *студен* высшихъ латинскихъ школъ и странствующіе дьяки, которые носили въ народѣ характерное прозваніе *мандрованныхъ* дьяковъ. Тѣ и другіе назывались также *пиворъзами*—полагать надобно—по особенному пристрастію ихъ къ употребленію пива.

Извѣстно, что въ старину и высшая школа въ краѣ, Академія кievская, не обезпечена была отъ нужды и голоданія. Содержалась она на доходы съ имѣній братскаго монастыря да на добротныя подаванія съ кievскихъ и повѣтовыхъ обывателей¹⁾. Сборъ этихъ подаваній организованъ былъ посредствомъ такъ называемыхъ *конгрегацій*, но пользовались этимъ сборомъ только немногіе *студен*, жившіе въ самомъ братствѣ, большая же часть бѣдняковъ, приходившихъ въ братскія школы со стороны, должна была промышлять сама о себѣ. Лучшіе изъ нихъ поступали на *кондицію* въ дома шляхетныхъ людей

¹⁾ Первый жалованный окладъ Академіи положенъ грамотою царей Петра и Иоанна Алексѣевичей въ 1694 г. Повелѣно было отпустить изъ кievской казны на Академію, которая въ то время называлась еще Коллегіей, по 50 р. денгами и по 50 четвертей хлѣба. Затѣмъ это содержаніе постепенно увеличивалось и дошло чрезъ столѣтіе въ 1797 году до 12 тысячъ рублей въ годъ. (Описаніе Кіева, Загрескаго I 162).

въ качествѣ домашнихъ наставниковъ, которые носили въ то время солидный титулъ *инспекторовъ*. Остальная братія тѣснилась по церковноприходскимъ школамъ, получая отъ прихожанъ скудное вознагражденіе пищею и дровами. По неволѣ приходилось добывать средства къ жизни испрошеніемъ подаеній. Цѣлыми толпами ходили по улицамъ города *миркачі*, получившіе это названіе отъ перваго слова пѣсни, въ которой выражались благожеланія домохозяевамъ за милостыню. Въ праздники Рождества и Воскресенія Христова они являлись въ дома обывателей съ поздравительными виршами и праздничными кантами. Когда же наступало время лѣтнихъ каникулъ, безпріютные бѣдняки расходились по всему краю съ разными запасами школьной мудрости, чтобы собрать какіе-нибудь денежные запасы на учебное время года. Это были своего рода хожденія въ народъ—такъ называемыя—*этециии*, послѣ которыхъ кіевская Академія не досчитывалась многихъ питомцевъ своихъ. Одни изъ нихъ увлекались обстановкою сельской жизни, о которой мечтали еще въ школѣ.

«Любезно село!» говорится въ одной рукописи прошлаго вѣка,
 «Когда увижу твои сладчайшія стравы—
 Капусту, горохъ, рѣпу, бобъ, въ салѣ варены?
 О вечери щасливіи! О ночѣ блаженнѣ!»¹⁾

Подъ вліяніемъ этой обстановки они затягивались глубже и глубже въ тину повседневной жизни, утѣшая себя мыслию, что наука не составляетъ ихъ призванія. Есть любопытная *приказка* въ той же рукописи, изображающая это настроеніе:

«Не пнишь, что тебѣ не дано отъ Бога:
 Безъ Бога, знаешь, ниже до порога.
 Если не рожденъ, не сунься въ науку:
 Ахъ, многи черезъ то въ вѣчну впали муку!
 Не многихъ мати породила къ школѣ.
 Хоть ли блаженъ быть?
 Будь смѣть въ твоей долѣ»²⁾.

¹⁾ Рукоп. Кієво-Михайлов. монастыря, № 1752.

²⁾ Ibidem.

Могіне изъ *эпентовъ* томились жаждою приключеній и исчезали безслѣдно на „славномъ Запорожьѣ“, слагая головы свои въ тревожной жизни войсковаго братства. Болѣе счастливые изъ нихъ находили тамъ же свое призваніе въ *каламартъ* войсковаго писаря. Не мало было и такихъ, которые съ дерзновенною душею переступали черезъ порогъ панскаго дома въ качествѣ вольныхъ людей, а потомъ сами не знали, какъ вырваться на волю¹⁾. Но главнымъ убѣжищемъ для всѣхъ странствующихъ школьниковъ была сельская школа. „Школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный“, гласитъ старинная народная пословица²⁾. Здѣсь бросали якорь утомленные странники на болѣе или менѣе продолжительное время. Иные оставались въ приходѣ навсегда въ качествѣ дьяковъ или же помощниковъ мѣстнаго дьяка. Другіе шли дальше, постепенно усваивая привычку къ бродячей жизни, исполненной всякихъ тревоженій и зоключеній. Нужно сказать, впрочемъ, что и весь посполитый людъ въ то время тоже пользовался правомъ вольнаго перехода отъ одного пана къ другому до самаго закрѣпощенія крестьянъ. Всѣ искали счастья въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, кромѣ тѣхъ, которые посредствомъ урядовъ и другихъ привилегированныхъ положеній получали возможность свить себѣ теплое и прочное гнѣздо. Понятно, что и кочеванье школьниковъ изъ одной школы въ другую не могло казаться тогда явленіемъ страннымъ или же постороннимъ. Такъ, изъ самыхъ условій жизни выработалась въ старинной Малороссіи своего рода передвижная школа изъ бродячихъ школьниковъ, которые быстро превращались въ мандрованныхъ дьяковъ³⁾.

¹⁾ Украинск. старина, Давилевскаго, 298—299.

²⁾ Украинскіи приказки, Номиса, стр. 119.

³⁾ Случалось иногда, что видъ странствующаго школьника принимали на себя люди, желавшіе избѣжать опасности или же уйти отъ бѣды. Въ Лѣтописи Величка есть любопытное извѣстіе о противникѣ Дорошенка, гетманѣ Стрѣвскомъ. Онъ былъ разбитъ однимъ изъ отрядовъ войскъ Дорошенка и „отъ настольшея ему тогда бѣды, самъ и тамъ тулячиися, спаслъ гоноръ свой гетманскій титуломъ школярскимъ“. (т. II, 224).

Чтобы познакомиться съ бытомъ и нравами этихъ людей, остановимся на автобіографіи одного изъ нихъ, Ильи Турчиновскаго, который „по школамъ волочилъ“ въ первой четверти прошлаго вѣка ¹⁾).

Турчиновскій былъ сынъ березанскаго сотника, учился сперва въ мѣстной березанской школѣ, а потомъ въ низшихъ классахъ кievской Академіи, откуда взятъ былъ матерью домой для помощи въ хозяйствѣ и „за домашнею суетою всего позабиль“—и вотъ онъ началъ странствовать „для повиданія болѣе свѣта и ученія“. Сперва онъ состоялъ писаремъ дворовымъ при сотникѣ синявскомъ Мандрикѣ, а затѣмъ отправился съ двумя подобными себѣ искателями приключеній въ г. Могилевъ-Литовскій. На дорогѣ произошла между ними ссора. Спутники его—„лютые Диоклитіане“, какъ онъ говоритъ, чуть было не убили его, но ограничились тѣмъ, что отобрали у него деньги. Въ пограничномъ селѣ Поповой Горѣ принять онъ былъ „до половины дяковской“ и пріютился въ приходской школѣ, но „лютые Диоклитіане“ донесли на него сотнику компанейскому, который стоялъ въ томъ селѣ, что Турчиновскій по дорогѣ дяковъ въ школахъ обижалъ, книги и деньги у нихъ похищалъ, поэтому тою же дорогою они возвращаться назадъ не могутъ. Сотникъ велѣлъ отобрать у него деньги, книжки и одежду и забить въ колодки, какъ вора, а за отобранныя вещи приказалъ шинкаркѣ подать судьямъ и тѣмъ „лютымъ Диоклитіанамъ“ меду. Начался шумный пиръ съ пѣніемъ, заставляли пѣть и осужденнаго: „еднакъ я,—говоритъ Турчиновскій,—хочай и покушался спѣвать, но за обліаніемъ слезъ не могъ и гласу отвести“. Отъ шума и гама пирующихъ проснулся атаманъ компанейскій, который въ это время спалъ на печи. Оказалось, что это былъ давній знакомый отца Турчиновскаго. Дѣло приняло иной оборотъ. Турчиновскаго распросили, какъ слѣдуетъ, возвратили ему все имущество его, а клеветниковъ забили въ колодки на цѣлыя сутки. Мало того—

¹⁾ Рукопись первой половины XVIII в., начатая на вѣ „Кievской Старинѣ“, 1885 г., Февраль.

сотникъ компанейскій оставилъ его при себѣ писаремъ. Но не таковъ былъ Турчиновскій, чтобы усидѣть на одномъ мѣстѣ. Отпросился онъ у сотника въ Могилевъ „для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія“. Перезимовалъ онъ въ Могилевѣ въ школѣ при покровской церкви, а весною поступилъ въ іезуитскую школу. Случайно услышалъ пѣніе его православный епископъ въ церкви Преображенія Господня и, узнавъ, что пѣвецъ былъ православный, пригласилъ его въ должность пѣвческую. Іезуиты прогнали его отъ себя, какъ схизматика. И на новомъ мѣстѣ не обошлось безъ приключеній. Поссорился онъ съ регентомъ архіерейскаго хора, который, зlobствуя на него, во время всенощной на Свѣтлое Воскресеніе Христова „пхнулъ его изъ хоръ черезъ желѣзные балясы“. „Летѣлъ я, говоритъ Турчиновскій, изъ хоръ на доль, и ежели бы не потрапилъ на женскія главы, то бы о камень мрамуръ разбился. И многимъ женамъ повреждены были главы, а единой старусѣ и вся глава сломилась, якая у три дня и умерла“.—Регентъ, боясь гнѣва архіерейскаго, принялъ католическую вѣру и продолжалъ преслѣдовать Турчиновскаго. „Бѣгая того зла“, отпросился онъ у архіерея съ двумя пѣвчими въ г. Шкловъ, гдѣ пристроился въ качествѣ регента при монастырѣ Благовѣщенія. Прожилъ онъ здѣсь четыре года. Но и тутъ, по обыкновенію, нашлись враги у него. Одинъ разъ вмѣстѣ съ какими-то странствующими двумя студентами изъ Кіева на Свѣтлое Воскресеніе „выправилъ“ онъ „діалогъ зъ интермедію, на явій многолюдствіе благочестивыхъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовъ, и доменѣканъ, и жидовъ“. Мѣстный органистъ доминиканскаго вляштора, по наущенію католическаго духовенства, пригласилъ его до „органовъ спѣвать“. Турчиновскій отказался, не смотря на приказаніе губернатора. За это органистъ съ замковыми драгунами избилъ его до полусмерти. Пришлось лѣчиться отъ побоевъ, но по выздоровленіи обиженный съ своими пѣвчими засталъ „того органѣсту въ ночное время въ шинку и отреванъжевалъ ему такожь кіями и шаблями“..... Послѣ этого происшествія нельзя уже было оставаться въ Шкловѣ, поэтому Турчиновскій,

„забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ“. На дорогѣ судно наскочило на корчу, пловцы едва спаслись, благодаря прибрежнымъ рыбакамъ, а имущество ихъ вмѣстѣ съ судномъ затонуло. Добрались они кой-какъ до Чернигова. Здѣсь два спутника Турчиновскаго поступили на службу къ архіерею Радіону Жураковскому, а самъ Турчиновскій вмѣстѣ съ остальными четырьмя пѣвчими пріютился по просьбѣ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба въ Седневѣ въ качествѣ дьячка. Жилъ онъ тамъ цѣлый годъ, чтобы заработать на одежду и, „мало пріодѣвшись“, прибылъ на свою родину, гдѣ засталъ еще въ живыхъ отца, и мать, и всѣхъ родныхъ своихъ. „Въ дому мало поживши“, направился онъ въ Переяславль, гдѣ и принятъ былъ регентомъ въ „катедру“. Въ 1718 году женился и въ томъ же году епископомъ переяславскимъ Кирилломъ Шумлянскимъ рукоположенъ за заслуги пѣвческія въ священники на родину, въ м. Березань.—Такъ окончилась дьяческая карьера Турчиновскаго, который, вслѣдствіе безповойнаго нрава своего, претерпѣвалъ не мало всякихъ бѣдъ и въ должности священника.

Отдѣляя то, что относится къ личнымъ качествамъ самаго Турчиновскаго, не можемъ не признать въ немъ одного изъ типичныхъ представителей *мандрованныхъ* дьяковъ. Всѣ они, какъ и Турчиновскій, отличались въ большей или меньшей степени продерзостью нрава и отвагой, управляемой голодомъ и выносливостью въ испытаніяхъ всякаго рода. Въ дополненіе къ этимъ чертамъ занимающаго насъ типа приводимъ отрывки изъ одной интерлюдіи Довгалева, нигдѣ еще не напечатанной, по рукописи первой половины прошлаго вѣка¹⁾.

Начинается интерлюдія монологомъ одного пиворѣза, который размышляетъ о томъ, куда бы ему „приодягшись мало“ помандровать—въ Березну или въ Коропъ. Плѣняетъ его градъ Коропъ, гдѣ всякіе

«користы бивають», куда

«И соборніи нашѣ учащаютъ,

¹⁾ Рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря, 1736 года, № 1710.

Всѣмъ той камень, прибѣжище зайцемъ и маты,
 Гдѣ братія животъ свой жаждетъ скончевати.
 Камо и азъ шествую алчній, жадній пити,
 Да животъ мой въ градѣ томъ могу кончити,—
 Въ немъ-же мы отъ дѣтскихъ лѣтъ крилиествовали
 И по шагу изъ диму рокового брали.
 И тамъ насъ братія соборнѣйша знаетъ,
 Только туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
 Подъ нашу милость, даби клиру сопрячтити,
 И соборъ мижъ братію добре утвердити.
 Не только жъ мы умѣемъ кивромъ управлять,
 Но можемъ еще куншти разніе писати.

Является другой пиворѣзъ. Завязывается между ними разговоръ. Мы бывало, говорить новыи пришелецъ,

«Якъ колись на мѣсцѣ бывали,
 То до мене всѣ странни въ школу приходжали,
 Ми бывало всіого по достатку маемъ,
 И хто прійдетъ къ намъ въ школу, любезно вгощаемъ:
 Велие быше число у насъ горѣлицъ,
 Полни чванцы текущы зъ подъ трубной криницы,
 И всего, слава Богу, быше по достатку,
 Що у людей, то и въ насъ—всякого статку,—
 Да и теперъ богати: маемъ воли и телицы,
 Иже купно мандрують по стѣнѣ къ трубницѣ».

«Не хвалѣтсь,

отвѣчаетъ своему собрату первый пиворѣзъ,

«бо и мы блощичного роду,
 Маемо по достатку и всякого плоду,
 Доволствуемъ же зѣло, что хлѣба нѣ куса,
 Все ходячи по школѣ справляемо труса,
 Потрисшы кучерамы, да спаты лѣгаемъ,
 А уставши раненко, бражку подшываемъ».

Собесѣдники затѣмъ спрашиваютъ другъ друга, откуда кто идетъ. Первый говоритъ, что идетъ онъ „зъ Середной Буди“, что хотѣлъ бы пойти въ Березну, но боится,

«бо построивъ штуки,
 «Такъ щобъ не понастися протононѣ въ руны».

Рѣшаются они вмѣстѣ идти въ Коропѣ, излюбленный городъ пиворѣзовъ, но чтобы „добре залѣцятись“, находятъ нужнымъ снять портреты другъ съ друга:

«Напередъ мене зволте вмаіюваты,
 А потомъ мы важецѣ будемъ рисовати».

Въ это время приходитъ къ нимъ мужикъ съ вопросомъ:

«Скажѣть, панове деки, мудріи вы люде,
 Чи Кавель Кавеля вбивъ, кому брехня буде,
 Чи минѣ-бъ то съ кумомъ, чи моему свату:
 Все не даеъ просвѣтку—дай же его кату!»
 —«Не бойся онагрику¹⁾,—отвѣчаетъ ему одинъ пиворѣзъ,—кума побѣдяши,
 Аще на горѣлицу шага положиши».
 —«Мы тобѣ, пане дяче,—говоритъ мужикъ,—
 и всіого цотроху
 Дамо крупѣвъ и солы, пшона и гороху».

Пиворѣзы готовятъ затѣмъ къ снятію портретовъ. Захотѣлось и мужику, чтобы и съ него сняли портретъ.

«Добре,—отвѣчаетъ ему первый пиворѣзъ,—
 мы служить охочѣ,
 Отмалюемъ усіого, толко заллющъ очн».

Мужикъ закрываетъ глаза, а нашъ любитель „штукъ“ вымазываетъ ему краской все лице, при чемъ товарищъ его высказываетъ сожалѣніе, что маляръ

«не залпнѣвъ ему рота,
 Якъ пѣйде до громады да войту искаже,
 Той намъ кіями ктитарь пекарню помаже».

¹⁾ Онагръ—asinus ferus.

Не обоблась эта проказа нашимъ пиворѣзамъ даромъ. Собрались въ школу пріатели наивнаго мужика, чтобы проучить проказниковъ.

«Гледи лишъ, Тарасе,—говорить одинъ изъ мужиковъ,
 «да стань отъ порога,
 То мы легкобитовѣ припиляемъ рога,
 И іонъ, . . . синъ, поднявъ смѣхъ зъ нашего брата.
 Коли бъ що добре такн, а то шарапата».

Сцена оканчивается посрамленіемъ пиворѣзовъ: „забиваютъ,—говорятъ они убѣгая,—нищету нашу и печаль нашу... Обійдоша мя псы мнози... Жезлъ твой и палица твоя та мя утѣшиста... О Бозѣ моемъ прелѣзу стѣну... Сонмъ лукавихъ обдержаша мя“...

Картина, очевидно, снятая съ натуры. Дѣйствія въ ней мало, но типы обрисованы выпукло и ярко. Пиворѣзы стоятъ передъ нами, какъ живые. Нѣсколько они подходятъ къ той категоріи людей, которыхъ въ наше время обыкновенно называютъ неудачниками. Изъ школы они не вынесли законченныхъ знаній и пустились по свѣту промышлять обрывками науки, которая въ цѣломъ своемъ составѣ была для нихъ, „яко темная вода во облацѣхъ воздушныхъ“. Съ этими обрывками они появлялись въ народъ и озирали его съ высоты своего школярскаго величія. Лучше всего выразилъ это настроеніе въ виршахъ своихъ монахъ Климентій, современникъ Турчиновскаго, человекъ тоже пиворѣзнаго типа:

«Въ простого мужика простый есть обычай,
 А въ письменнаго особый, политичный звычай»¹⁾.

Не симпатиченъ для насъ этотъ „звычай“—въ безцѣльной игрѣ жизнью строить всякія „штуки“, рисоваться передъ народною толпой въ качествѣ удалыхъ, добрыхъ молодецвъ,

¹⁾ Основа, 1861 г., Январь, 176.

„залицаться“ съ поселянами посредствомъ портретовъ, конечно, за невозможностію имѣть при себѣ фотографическія карточки нашего времени. Не симпатична для насъ эта полупьяная и даже совсѣмъ пьяная удаль, подогрѣваемая убѣжденіемъ, что можно въ худшемъ случаѣ спрятать концы въ воду и избѣжать надлежащаго возмездія.

Тѣмъ не менѣе возмездіе, какъ видимъ мы изъ интермедіи Довгалевскаго, было возможно. Въ народѣ, тогда еще незакрѣпощенномъ, сохранялось чувство человѣческаго достоинства:

«Що се тобѣ, Артюше, сталося такее,

говорить пріятель мужика, надъ которымъ пошутили пиворѣзы,

Що жъ мы въ перше изъ роду видимо отъ сее.

Що такъ отъ легкодуха терпѣтимуць люде?

Едже, якъ не выбемо, то изъ насъ смѣхъ буде».

Мы должны понимать слово „въ перше“ для даннаго случая въ той мѣстности, гдѣ случилось это происшествіе, но полагать надобно, что и въ другихъ мѣстахъ оно вызвало бы тѣ же прискорбныя для пиворѣзовъ послѣдствія. При этомъ нужно еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что—такъ или иначе—а все-же пиворѣзы состояли въ матеріальной зависимости отъ того самаго мужика, которому они любили, какъ говорится, пустить пыль въ глаза, поэтому они не могли давать полной воли дурнымъ привычкамъ своимъ. Напротивъ того, въ собственныхъ интересахъ своихъ они должны были выдвигать передъ нимъ лучшія качества свои—не столько научныя познанія, которыя у нихъ были скудны, сколько литературныя и вообще художественныя вкусы и навыки. Мы видимъ изъ интермедіи, что они умѣютъ и рисовать, и куншты разные писать и, конечно, церковныя пѣсни и канты разные распѣвать. Все это шло на потребу сельскаго люда для удовлетворенія, главнымъ образомъ, его религіознаго чувства. Но такъ

какъ это чувство непосредственно сливалось съ поэтическимъ міровоззрѣніемъ народа, съ бытовыми подробностями его жизни,—то для насъ сдѣлается совершенно яснымъ, почему весь этотъ пиворѣзный людъ пользовался поддержкой и даже симпатіями народа. По крайней мѣрѣ, въ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ сердитыхъ нотъ, вызванныхъ недостатками и слабостями пиворѣзовъ. Есть пѣсни о дьякахъ, изображающія нѣкоторыя неудачныя похождения ихъ въ область женской красоты, но онѣ сложены въ добродушно шутивомъ тонѣ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ, — не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ котораго немислимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея.

Нужно сказать, впрочемъ, къ чести пиворѣзовъ, что они сами расположены были къ сознанію собственныхъ своихъ недостатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Любили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьныхъ сборникахъ прошлаго вѣка нерѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства. Комизмъ этихъ обращеній усиливается литературной формой ихъ, обусловленной спеціальнымъ занятіемъ пиворѣзовъ: это именно форма обычныхъ церковныхъ чтеній и пѣснопѣній. Въ одной рукописи церковно-археологическаго музея при кievской Академіи мы нашли не малое количество такого рода произведеній подъ слѣдующими заглавіями: „Правило увѣщательное пияницамъ, пѣваемое не въ церквахъ, но в школахъ“; „Отъ посланія бахусоваго къ пиворѣзамъ чтеніе“; „Отъ притчей пиворѣза Березовскаго чтеніе“; „Синавсаръ на память пияницамъ о избрѣтении горѣлки“; сверхъ этого—пѣсни на разные ирмосы, тропари и кондаки. Приводимъ для образца одинъ изъ кондаковъ, гласъ пятый:

«Радуйтеса, пиворѣзы, и пакы реку: радуйтеса! Се радости день приспѣваетъ, день, глаголю, правника рождественскаго збли-

жется! Востаните убо отъ ложей своихъ и воспріймѣте всякъ по своему художеству орудія, содѣлайте вертени, склейте звѣзду, составте партесы, — егда же станете по улицахъ со звукомъ бродить, пщуще сивухи, пріймутъ васъ козаки во кровы своя¹⁾.

Пиворѣзнымъ настроеніемъ вѣетъ отъ этого кондака, поэтому мы и думаемъ, что онъ могъ быть составленъ въ средѣ самихъ пиворѣзовъ или же въ средѣ людей пиворѣзнаго происхожденія. Мы разумѣемъ осѣдлыхъ дьяковъ, въ составъ которыхъ входили многіе пиворѣзы, бѣжавшіе изъ латинскихъ школъ. Постепенно сливаясь съ народною массою, они превращались такимъ образомъ изъ *латинниковъ* въ *псалтирниковъ* и относились уже отрицательно къ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ“ юмористическаго содержанія на тему о томъ, что „стоитъ латина, привязана пидъ тиномъ“ и т. п. Такова, напримѣръ, полувирша, полупѣсня: „Бувъ Грыцько мудрый родомъ зъ Коломны“. Нерѣдко встрѣчается она въ школьныхъ сборникахъ XVIII в., даже и теперь еще не позабыта въ народѣ. Выступаетъ этотъ Грыцько передъ нами, какъ „мудрый“ *латинникъ*, который такъ „учився добре на філософїи“, что на шестнадцатомъ году уже и „псалтырку знавъ“. Вотъ приходитъ онъ домой. Отецъ приглашаетъ къ себѣ пастуховъ, чтобы они его „запытали и, що знае, спробували“. Пастухи люди скромные: они чувствуютъ себя въ неловкомъ положенїи, „бо винъ філософъ“. Присмотрѣвшись ближе къ этому „філософу“, они осмѣливаются сказать ему, что и „мы ту латыну знаемъ, толко тебе ся питаемъ, якъ-то по латынѣ женуть въ поле свынѣ, скажи ты намъ“. Взявъ Грыцько книжку и „пишовъ до хлива, ставъ у кутеу съ презентію, мовить свинямъ орацію: алянтусъ, свинянтусъ, згрязантусъ травантусъ на стерниску“. Голодная свинья бросилась къ дверямъ и разбѣжалась. Тогда „батько Грыцьва зачуприну: а за що ты, скурвый сыну“, выругалъ свиней и разог-

¹⁾ Рукоп. Церковно-Археолог. музея при Кіевск. Академіи № 151.

наль ихъ. Видить Грыцько, „що не жарты, забравъ въ торбу торбу усѣ карты, далѣ Грыцько — въ обѣ ноги, мановкомъ безъ дороги, рукамы махае, писенку складае самъ о соби“¹⁾).

Таковы были люди, подвизавшіеся на церковно-педагогическомъ поприщѣ въ старинной Малороссіи. Мы видѣли, что они далеко не свободны были отъ разныхъ нравственныхъ недостатковъ, отчасти неизбѣжныхъ въ томъ положеніи, которое они занимали: безъ кормила и руля шли они на встрѣчу всѣмъ случайностямъ жизни, „не ощущая на хребтахъ своихъ, какъ говорится въ одной сатирѣ на пиворѣзовъ, отягощенія торбъ, бездѣльными шпаргалами наполненныхъ“²⁾. Въ виду этой обстановки нашихъ старинныхъ педагоговъ, мы не беремъ на себя смѣлости въ рѣшительномъ тонѣ осуждать ихъ съ точки зрѣнія современныхъ намъ этическихъ требованій отъ народнаго учителя. Знаемъ мы, что и въ то время могли смотрѣть на нихъ съ укоризной люди, которые учились въ тѣхъ же латинскихъ школахъ, но, благодаря своимъ талантамъ и счастью, проложили себѣ болѣе широкій путь въ жизни. Возрѣнія этихъ людей, тоже не безгрѣшныхъ въ разныхъ иныхъ отношеніяхъ, меньше всего могутъ служить надежной точкой опоры для оцѣнки мелкихъ дѣятелей просвѣщенія, которые довольствовались убогою и скромною долей сельскихъ бакаляровъ, и потому не оставили послѣ себя громкихъ именъ, отмѣченныхъ въ исторіи края. Между тѣмъ въ нихъ-то, по нашему мнѣнію, и заключалась вся сила просвѣтительнаго движенія, начатаго по инициативѣ народа и не отрывавшагося въ старину отъ народной почвы. Это взаимодѣйствіе народныхъ и книжныхъ вліяній, въ связи съ подвижнымъ составомъ старинной малорусской школы, многое объясняетъ намъ, какъ въ міровозрѣніи малорусскаго

¹⁾ Рукописный Сборн. XVIII в. Кибальчича, списанный Нейманомъ.

²⁾ Рукоп. Церковно-Археолог. Музея при кievск. Акад. № 151.

народа, такъ и въ поэтическомъ выраженіи этого міровоззрѣнія.

Обратимся теперь къ самому содержанію „бездѣльныхъ шаргаловъ“, которые служили для *молодиковъ* старинной нашей школы лакомой приправой къ изученію грамѣтки, псалтиря и часловца.

III.

Старинныя малорусскія вирши.

Еще въ первой половинѣ XVII вѣка Кириллъ Транквиліонъ-Ставровецкій предназначалъ свое „Перло многоцѣнное“ для студентовъ, которые, по его мнѣнію, могли „съ той книги святой избирати вѣрші на свою потребу и творити зъ нихъ ораціи rozmaитыи часу потребы своей, хочъ и на комедіяхъ духовныхъ“¹⁾. Сами студенты соревновали другъ съ другомъ въ стихотворномъ искусствѣ, или, какъ тогда говорили, въ „поетицкомъ художествѣ“. Оно считалось самымъ рѣшительнымъ признакомъ литературнаго образованія, обязательнымъ для письменнаго чловѣка, учившагося въ латинскихъ школахъ. Оно входило, такъ сказать, въ самый обиходъ жизни, какъ служебное орудіе разнообразныхъ задачъ ея, не имѣвшихъ большею частью ничего общаго съ поэзіей. Плодомъ этого школьнаго воззрѣнія на „поетицкое художество“ была громадная литература южнорусскихъ виршей, написанныхъ въ XVII и XVIII вв. и предназначенныхъ какъ бы для того, чтобы утонуть въ пучинѣ забвенія. И въ самомъ дѣлѣ, отъ нихъ не осталось, по видимому, ничего, кромѣ глухаго упоминанія въ учебникахъ литературы, что нѣкогда процвѣталъ въ школахъ и сей родъ поэзіи.

Не станемъ и мы извлекать изъ рукописей и старопечатныхъ книгъ всего виршеваго матеріала, созданнаго особенными вкусами и потребностями схоластической мысли. Мы обратимъ исключительное вниманіе только на тѣ вирши, которыя находятся въ соприкосновеніи съ народнымъ самочувствіемъ, съ народною

¹⁾ Перло многоцѣнное, ч. I, стр. 1, 2-е изд. (въ Могилевѣ), 1699 г.

самодѣятельностью въ области поэтического творчества. Многія изъ нихъ вошли въ составъ, такъ называемыхъ, духовныхъ стиховъ и сохранились до настоящаго времени въ полународной, въ полувнижной формѣ. Отсюда распространилось ихъ вліяніе и на другія сферы народной поэзіи семейнаго и общественно-бытоваго содержанія. Затрогивая самыя интимныя стороны народной мысли и чувства, онѣ содѣйствовали установленію основнаго тона, который звучитъ въ народной малорусской поэзіи. Мы разумѣемъ то настроеніе ея, которое выражается въ оригинальномъ сліяніи скорби и смѣха, безграничной вѣры и безпощаднаго сомнѣнія. Въ настоящемъ очеркѣ мы поставили для себя задачей выяснить это настроеніе, на сколько оно проявляется въ виршахъ, чтобы найти такимъ образомъ исходную точку къ приблизительному рѣшенію вопроса о происхожденіи и поэтической редакціи народныхъ малорусскихъ думъ.

Мы остановимся прежде всего на виршахъ нравоучительнаго содержанія, затѣмъ перейдемъ къ виршамъ правоописательнаго содержанія. Первыя носили названіе *псалмъ*, вторыя—*кантовъ*, хотя оба эти названія не были безусловно обязательны для виршей того и другаго рода. Не мало правоописательныхъ виршей существуетъ также въ видѣ школьныхъ интермедій. Обзоръ виршеваго матеріала мы закончимъ виршами историческаго содержанія.

Вирши нравоучительнаго содержанія.

Что такое жизнь человѣческая? Что означаетъ смѣна однихъ порядковъ и явленій ея другими? Въ чемъ заключается добро и зло ея? Совпадаетъ-ли первое съ идеей счастья, а послѣднее съ идеей несчастія? Чего долженъ желать человѣкъ, къ чему долженъ стремиться онъ?

Все это старые вопросы, на которые есть и готовые отвѣты, но въ этихъ отвѣтахъ всегда есть также индивидуальная примѣсь, или-же то психическое *нѣчто*, которое накапливается цѣлымъ рядомъ поколѣній и составляетъ этнической признакъ, отличающій одну народность отъ другой. *Нѣчто* это есть и въ виршахъ нраво-

воучительнаго содержанія, безъ сомнѣнія, потому что составители ихъ были люди, выходящіе изъ народа и не терявшіе бытовыхъ связей съ нимъ. Конечно, выражаются они въ своихъ виршахъ, какъ люди *письменные*, но думаютъ и чувствуютъ, какъ люди народные. Смотрятъ они на жизнь съ высоты религіозно-философскаго отрицанія, въ которомъ есть добрая доля пессимизма, свойственнаго міровоззрѣнію малорусскаго народа. Но на днѣ этого пессимизма лежитъ нѣжное участіе къ людямъ, оторваннымъ отъ родной семьи, заброшеннымъ и обездоленнымъ. Это пессимизмъ украинскій, проникнутый сентиментальнымъ настроеніемъ.

Жизнь и смерть, смерть и жизнь, только иная, загробная, лучшая, — вотъ та естественная смѣна идей, въ которой выражается мысль вѣрующаго человѣка. Смерть есть моментъ освобожденія духа нашего отъ оковъ плоти, поэтому спокойно взираетъ на смерть тотъ человѣкъ, который думаетъ о вѣчности. Напротивъ того, боится смерти тотъ, кто увлечается земными наслажденіями и радостями.

На эту тему написано множество виршей въ XVII и XVIII вв. Самая древняя изъ нихъ и въ то-же время самая полная принадлежитъ тому-же Кириллу Транквилліону-Ставропедскому. Онъ помѣстилъ ее въ своемъ „Перлѣ многоцѣнномъ“ подъ заглавіемъ: „Лѣкарство роскошникамъ того свѣта—пѣснь вдячная при банкетахъ панскихъ“. — Поется эта пѣснь отъ лица покойника-пана, который застигнутъ былъ смертью внезапно. „Где мои нынѣ, восклицаетъ онъ, замки коштовные, мурованы, а шкатули, злотомъ нафасованы? Где мои пресвѣтлы, златотканны шаты, рыси, соболе, кармазины и дорогие шкарлаты?“ Горько сѣтуетъ онъ, что „неподѣване“ смерть „зъ всего“ его „обнажила и межи смродливими трупы положила“. „Пріятелѣ мои“, продолжаетъ онъ, „далеко отъ мене стали и носы свои предъ смрадомъ моимъ позатикали. Вчера въ дому моемъ было гоине веселье, музиковъ играня, а спѣваковъ веселое спѣване, и на трубахъ мѣдяныхъ выкрикане, скоки, танцѣ, веселое плясаня,—вина наливай, выпивай, проливай,—столы мои сладкими покормы покрытіи, гости мои и пріятелѣ—персоны знаменитіи, а нынѣ мене все доброе и весе-

лое минуло, слава и богатство на вѣки ушло.—Во цвѣтѣ молодости умеръ панъ, и ничего больше не осталось ему въ утѣшеніе, какъ только бесплодное сознаніе, что смерть могущественнѣе жизни, что она „на всѣхъ мечъ свой лютой обнажила“.—„Где нынѣ“, восклицаетъ онъ, „тиранове неужитыи и князи на землѣ знаменитыи,—где нынѣ воинове горделивыи и мучителѣ невиннычъ злосливый?“ „Ты, обращается онъ къ смерти, съ премудрыхъ филозофовъ смѣховиско строишь, у главѣ ихъ, где свѣтлая премудрость столицу свою мѣла и въ ней почивала, тамъ нынѣ тылько смродливая пустка зостала... Ты риторскій языкъ сладкоглаголивый безгласіемъ связуешь и предъ многими его показуешь, яко нѣмого болвана“¹⁾...

Много *риторскаю языка* въ этой пространной виршѣ. Она есть какъ-бы голосъ съ того свѣта,—конечно, болѣе громкій, чѣмъ молчаливыя дѣянія всемогущей смерти.—Для насъ важенъ этотъ голосъ по разнообразію мотивовъ, которые слышатся въ немъ и которые въ другихъ виршахъ развиваются отдѣльно. Это—мысли о скоротечности жизни, о тщетѣ благъ міра сего и, наконецъ, о всемогуществѣ смерти.

Послѣдняя мысль слабо развита въ другихъ виршахъ и въ духовныхъ стихахъ виршеваго происхожденія. Смерть въ этихъ послѣднихъ обрисована кратко: она „страшна вельми собою, лютымъ огнемъ наполнена и отъ лица возстраждена“²⁾. Гораздо рельефнѣе выступаетъ образъ ея въ извѣстномъ сказаніи о прѣнни живота съ смертію, которое встрѣтилось намъ въ одной изъ рукописей XVIII в. Малорусскій текстъ сказанія, по всей вѣроятности, составленъ по одной изъ польскихъ редакцій его западно-европейскаго происхожденія³⁾.

Зато первыя двѣ мысли подробно развиваются, какъ въ виршахъ, такъ и въ духовныхъ стихахъ.

Въ Богогласникѣ подъ № 227 помѣщена вирша, озаглавленная такъ: „Жаль надъ злѣ иждивеннымъ временемъ житія“⁴⁾.

¹⁾ Перло многоцѣнное, ч. II, стр. 149.

²⁾ Стихъ, записанный В. П. Горленкомъ въ Лохвицѣ отъ лярника Кравченка.

³⁾ Рукопись церковно-археологич. музея при кіевс. дух. академіи, β, 52.

⁴⁾ Мы пользовались сравнительно позднимъ изданіемъ Богогласника—1825 г. Вирши, напечатанныя въ этомъ изданіи, подправлены и подновлены: онѣ, какъ

Нерѣдко встрѣчается она и въ рукописныхъ сборникахъ конца прошлаго вѣка. Въ ней высказываются сѣтованія на внезапное появленіе смерти въ тѣ годы жизни человѣка, когда онъ вкусилъ уже отъ чаши наслажденій, но не допилъ ее до дна.

«Ахъ, ушли мон лѣта,
Какъ вихоръ съ круга свѣта»,

такъ начинается эта вирша,

«Толко такъ мнѣ пдалося»,
Что одиный день прожилось».

Страшная гостя приказываетъ человѣку идти въ далекую дорогу, „на тотъ свѣтъ до Бога“.

«Съ чемъ же тамъ я появлюся,
вопрошаетъ онъ самого себя,
Чимъ я Богу прислужуся?
Ны свѣтила, ны кадила,
Все то смерть распорошила!»

Однако же, по нѣкоторомъ раздумьи, находитъ онъ, что смерть тутъ ни при чемъ, что самъ онъ виноватъ въ своей судьбѣ. Убаюкивалъ онъ себя мыслию, что „не часъ еще“ ему умирати,

«Треба вѣку доживати», —

что

«Старость будетъ на тое,
Чтобы дѣлать все благое».

И вотъ онъ

«Старости не дождался,
И на тотъ свѣтъ не прыбрался»¹⁾.

сказано въ предисловіи. предлагаются „аки свѣдь, иними смаками утворенная и наново приготвенная, аки одежда обветшавшая, перешита же и обновлена, или аки потемневное серебро, искушено же огнемъ и очищено седмерицею“. Поэтому мы будемъ пользоваться преимущественно рукописными сборниками конца прошлаго вѣка, обращаясь къ Богогласнику только въ тѣхъ случаяхъ, когда текстъ виршей въ рукописяхъ представляетъ явные слѣды искаженія. Многія вирши, отличенныя именами авторовъ, могли быть сочинены вновь почтаевскими базиліанами для изданія 1825 г., поэтому онѣ совсѣмъ не войдутъ въ наше обозрѣніе.

¹⁾ Сборникъ Квбальчича, № 53: „Пѣсь о покаяннѣ“. См. также Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, Головацкаго, ч. III, отд. I, 285.

Въ записяхъ этой вирши отъ лирниковъ—тѣ же мысли и тотъ же тонъ, только нравоученіе короче и языкъ, конечно, чище ¹⁾).

Не мало есть также виршей, написанныхъ на тему „*omnia vanitas*“. Самая распространенная изъ нихъ та, которая начинается словами: „Кажуть люде, що я умру“... Она помѣщена въ Богогласникѣ подѣ № 236 и тоже довольно часто встрѣчается въ старинныхъ спискахъ. Главный мотивъ ея, какъ и въ виршахъ Транквилліона, заключается въ противоположеніи между жизнію здѣсь и тамъ, за гробомъ.

«Зостанется сребро и злато, дорогіе шаты,
А вже жь мѣнѣ изъ собою нѣчого не взяти!
А хотий бымъ взялъ изъ собою, тамъ того не треба,
Садженъ землѣ, четири дощкы, спасенія з неба» ²⁾).

Въ народной обработкѣ эта вирша отличается особенною задумчивостію тона ³⁾).

Но вотъ—окончилось земное существованіе человѣка. „Простите мя“, говоритъ онъ словами одной вирши, разставаясь съ жизнію, „братья милая и други,

Поля, холми и дубрави, зеленіе луги:
Вже жь мѣнѣ по васъ не гуляти,
Вже прийшолъ часъ мнѣ помирати» ⁴⁾).

Что-же ожидаетъ его тамъ въ первыя минуты загробной жизни, въ томъ переходномъ состояніи, когда душа его не нашла еще для себя опредѣленнаго положенія?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ вирша, помѣщенная въ Богогласникѣ подѣ № 235 и начинающаяся словами: „Егда душа отъ тѣла разлучается“. Рассказывается въ ней о томъ, какъ появилась грѣшная душа въ воздушныхъ мытарствахъ. Видитъ

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1883 г., Февраль, 468.

²⁾ Сборникъ Кибальчича, № 51: „Пѣснь о покаяннѣ“. См. также Народныя пѣсни, Головацкаго, ч. III, отд. 1, 286.

³⁾ Народныя южнорус. пѣсни, Метлинскаго, 371. См. также „Кіевс. Старина“, 1889 г., Февраль, Сборникъ Ищенко, 1780—82 г.

⁴⁾ Рукопись церковно-арх. музея при кіевс. академіи, № 489.

она тамъ своего ангела-хранителя, кается въ своихъ прегрѣшеніяхъ и умоляетъ о защитѣ. Но это было уже позднее раскаяніе: „о человѣче, говоритъ ему ангелъ, собиралъ еси въ семь мирѣ не по мѣрѣ,

Сокривалъ еси себѣ богатство,
Затворялъ еси свои врати предъ сироты,
Втратилъ еси царство» ¹⁾).

Объ этомъ разсказывается въ духовномъ стихѣ нѣсколько иначе.—„Изъ Кыева, изъ Ерусалыма, видтиль ишло тры черныченъкы“—одна съ крестомъ, другая съ евангеліемъ, третья съ кадильницей. Встрѣчаетъ ихъ Божья матеръ и спрашиваетъ ихъ, гдѣ онѣ были, и что видѣли. Отвѣчаютъ онѣ ей, что были онѣ въ Кіевѣ и видѣли,

«Якъ душа зъ тиломъ роставалася,
Роставалася, та й позналася:
Чомъ-же ты, тило, чомъ не терпило,
Постивъ не постыло? Чомъ-же ты, душе, ведили не чтыла?
Будешъ же ты, тило, въ сырий земли приты,
А ты будешъ, душе, у огни гориты» ²⁾).

Далѣе слѣдуетъ въ виршахъ картина страшнаго суда. Въ Богогласникѣ она изображена подъ №№ 35, 36, 37, 239, 242. Не мало есть и духовныхъ стиховъ о страшномъ судѣ ³⁾. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ясно отражается вліяніе извѣстныхъ апокрифическихъ „Вопросовъ Іоанна Богослова Господу на Оаворской горѣ“. Вотъ одинъ изъ этихъ стиховъ, болѣе выразительный и, сколько намъ извѣстно, нигдѣ еще не напечатанный:

«Страшный судъ наступить,
Хто добре заробыть, той царства доступить...

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Труды этнографическо-статистич. экспедиціи, Чубинскаго, т. I, 149—151. Въ виршахъ и стихахъ о грѣшной и праведной душѣ послѣ разлуки ея съ тѣломъ отразилось вліяніе извѣстнаго „Слова о видѣніи ап. Павла“. (См. Сумцова, „Очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказ. и пѣсенъ“, „Кіевс. Старина, 1887 г., Ноябрь, 423.

³⁾ Метлинс., Народн. южнор. пѣсни, 272. Чубинс., Труды экспедиціи, 1 т., 220. Записки Юго-запад. отдѣла географич. общества, Матеріалы, 24, 31. „Кіевс. Старина“, 1889 г., Сентябрь, 694.

А впадутъ зори зъ высокаго неба,
 Займется море й глубоки крыныци,
 А зарвутся витры—а дуже буйныи,
 А позносятся горы, що будуть ривныи.
 Затрубыть ангель въ ангельскую трубу:
 «Вставайте, умерши, до страшнаго суду!»
 Ой якъ прыйшла жъ душа та до своего тила:
 Гришный чоловіче, здайся зъ своего дила!
 Ой на Сафатовий долини, ой тамъ будуть люде,
 Тамъ прытельство витатыся буде:
 Ой братъ изъ сестрою, а мужъ изъ жоною,
 А сынъ зъ батькомъ, а маты зъ дочкою.
 А сынъ видъ батька розлученый буде,
 А маты зъ дочкою роздлена буде,
 Що дочка заробить, тамъ маты не буде.
 Ой по ливий стороны будуть еретыкы стояты,
 Ой тамъ будуть душамъ смолы индаваты,
 А по правий стороны будуть ангелы стояты:
 Ой не пийте смоли, диждитесь воды!
 Хто смолы нашьется, той въ некло ивержется,
 Хто воды диждеться, въ раю зостанеться!»¹⁾

Отдѣльныхъ изображеній райа и ада нѣтъ ни въ виршахъ, ни въ духовныхъ стихахъ. Встрѣчаются въ тѣхъ и другихъ разрозненныя указанія на адскія мученія, ожидающія грѣшниковъ на томъ свѣтѣ. Для насъ важны въ данномъ случаѣ народныя представленія о грѣхахъ, которые достойны адскихъ мученій. Любопытны въ этомъ отношеніи старинныя картины страшнаго суда, которыя до недавняго времени на югѣ Россіи составляли обычную принадлежность церковныхъ папертей. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кievской академіи есть нѣсколько такихъ картинъ, изображающихъ рай и адъ. Три изъ нихъ довольно значительнаго размѣра, не менѣе трехъ аршинъ въ длину (отъ верху до низу) и почти столько-же въ ширину. Лучше другихъ изъ этихъ трехъ сохранилась та, которая написана грубою кистью деревенскаго маляра и соста-

¹⁾ Записано въ с. Калюсигѣ, уицѣ у. подольской губ.

вляла собственность одной изъ сельскихъ церквей волынской губерніи.

Вотъ ея содержаніе.

На самомъ верху изображенъ Спаситель, предъ которымъ стоятъ съ правой стороны Богоматерь, съ лѣвой Іоаннъ Креститель, а за ними съ обѣихъ сторонъ ветхозавѣтные праведники, наслаждающіеся лицезрѣніемъ божественнаго судіи. Во второмъ ряду по срединѣ изображено евангеліе, раскрытое на страницѣ: „приидите, благословенніи отца моего“... Надъ евангеліемъ крестъ, по сторонамъ евангелія два ангела, трубящіе въ трубы, по ту и по другую сторону—праведники новозавѣтные. Въ третьемъ ряду по обѣимъ сторонамъ наоя, на которомъ лежитъ евангеліе, изображено возстаніе изъ гробовъ: тутъ есть и сцена исповѣди предъ церковью, при чемъ дьяволъ искушаетъ исповѣдающагося,—и фигура человѣка, лежащаго въ постели, съ надписью: *мнива до церкви*, котораго дьяволъ тащитъ въ адъ,—и смерть съ косою, къ ней приближается ангель съ мечемъ и дьяволъ съ рукописаніемъ.—Въ четвертомъ ряду, на самой срединѣ протянута изъ облаковъ рука, которая держитъ вѣсы: на правой чашкѣ вѣсовъ душа праведнаго человѣка; вѣсы поднялись вверхъ; на коромысло ихъ съ лѣвой стороны взобралась черная мышь, а дьяволы вцѣпились въ лѣвую чашку вѣсовъ. Подъ вѣсами въ колесницѣ, запряженной дьяволами, сидитъ человѣкъ съ надписаніемъ: *судія неправдивій*; дьяволы тащатъ его въ адъ. Съ правой стороны вѣсовъ изображены Адамъ и Ева подъ яблоней, на которой извивается змѣй. Ближе къ вѣсамъ лица оправданныхъ душъ. Съ лѣвой стороны вѣсовъ толпа евреевъ, предъ которой сидитъ дьяволъ, спустивши ноги въ бездну адскую. Положеніе евреевъ довольно затруднительное, ибо рай далеко отъ нихъ—въ нижнемъ углу картины, на правой сторонѣ вѣсовъ. Какъ они дойдутъ туда? И дойдутъ-ли, не смотря на предводительство Моисея, который, впрочемъ, изображенъ дважды—здѣсь, въ четвертомъ ряду, и въ первомъ ряду, въ числѣ ветхозавѣтныхъ праведниковъ? Вопросы эти художникъ оставилъ открытыми... Въ пятомъ ряду съ правой стороны изображенъ рай въ видѣ зданія, предъ ко-

торымъ стоять оправданныя души, а предъ ними ап. Петръ, протягивающій ключъ къ дверямъ рай. Съ лѣвой стороны—разверстая пасть ада, въ которую дьяволы погоняютъ души грѣшниковъ, изображенныя въ два ряда по группамъ. Надъ первой группой перваго ряда надпись: *клеветникъ*, надъ второй—*вѣдма*, надъ третьей—*наложница*. Надъ первой группой втораго ряда надпись: *чаровникъ*, надъ второй—*закрутка*, надъ третьей—*жито краде*, надъ четвертой—*кравецъ*, надъ пятой—*ткачъ*, надъ шестой—*мельникъ*. Каждая группа нарисована съ принадлежностями ремесла своего. Еще лѣвѣе—многое множество грѣшныхъ душъ стремглавъ низвергается въ адъ. Въ самомъ низу картины, подъ адомъ, помѣщено нѣсколько бытовыхъ сценъ съ соответствующими надписями. Сцена первая: группа состоитъ изъ четырехъ лицъ: на скрипкѣ играетъ музыкантъ, двѣ дѣвicy стоятъ въ парѣ, сбоку дьяволъ прикасается къ одной изъ нихъ когтистою рукою. Вверху надпись: *Дьяволъ леститъ до танцевъ*. Сцена вторая: подъ деревомъ стоитъ женщина и отдаетъ дьяволу своего ребенка. Вверху надпись: *Та що дити тратила*. Сцена третья: по другую сторону того-же дерева крестьянинъ въ лаптяхъ собирается лѣзть на дерево, дьяволъ ему помогаетъ. Вверху надпись: *Пчели краде*. Сцена четвертая: дьяволъ тащитъ въ адъ тачку, въ которой сидятъ мужчина и женщина въ намткѣ. Вверху надпись: *Кумъ и кума*.

Замѣчательно, что всѣ почти грѣшники, изображенные на этой картинѣ, обречены на адскія мученія главнымъ образомъ за правонарушенія общественнаго свойства. Что касается до обрядово-религіозныхъ и семейныхъ преступленій, то они не обрисованы здѣсь съ надлежащими подробностями, поэтому для дополненія картины мы должны обратиться къ произведеніямъ народной поэзіи, въ которыхъ съ бѣльшей ясностью выражены религіозныя воззрѣнія на семью, проникавшія въ народное сознаніе путемъ школьныхъ вліяній.—Изъ многого выбираемъ немногое.

Такъ, въ одной галицкой колядкѣ рѣшается вопросъ: „Чому жъ такъ нема, якъ було давно?“—и затѣмъ изображаются отступленія отъ старины въ слѣдующемъ видѣ:

«Свѣтамъ Ныколамъ пыва не варятъ,
 Свѣтамъ Рождествамъ службы не служатъ,
 Свѣтамъ Водорцамъ свичи не сучать.
 Ой бо вже давно, якъ правды нема,
 Бо вже си цари повоёвали,
 А царь на царя вийсько збирае,
 А братъ на брата мечемъ махае,
 Ой бо сынъ витця до права тягне,
 Донька на матирь гнивь пиднимае,
 Ой бо кумъ кума зводять зъ розума,
 Сусидь сусида збавляе хлиба»¹⁾.

Основная мысль этой колядки выражена въ словахъ: „ой бо вже давно, якъ правды нема“. Мы имѣемъ предъ собою идеаль въ прошедшемъ, когда свято соблюдались порядки церковно-религіозные, семейные и общественные. Что-же было душой этихъ порядковъ? Иными словами, въ чемъ заключается по народнымъ представленіямъ идея правды?

Глубоко трогательный отвѣтъ на эти вопросы находимъ мы въ извѣстномъ духовномъ стихѣ о правдѣ.

Древнѣйшій вариантъ этого стиха, по нашему мнѣнію, тотъ, который начинается напомниманіемъ о смерти:

«Ой горе, горе на симъ свѣти жыты,
 Боронь, Боже, смерты, буде Богъ судыты!»²⁾.

Рѣчь идетъ далѣе объ отреченіи близкихъ людей отъ безсильнаго и больнаго челоуѣка:

«Якъ чоловикъ здоровъ, всякый его любыть,
 Якъ лыха годына, родына одступыть».

По всему видно, что стихъ этотъ предназначенъ былъ для людей, которые извѣдали на опытѣ всю горечь жизни и подъ конецъ ея пришли къ разочарованію въ самыхъ дорогихъ надеждахъ и симпатіяхъ своихъ.

¹⁾ Головацкій, Народныя пѣсни, ч. II, стр. 21.

²⁾ Записки юго-зап. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 23. — „Києв-Старина, 1883, Февраль, 469.

«Ой якъ тяжко-важко каминна лупаты»,
грустно продолжаетъ пѣвецъ,

«Ой такъ тяжко-важко дитей годуваты:
Бо старая нянька дитки годувала,
Дитки годувала, ночи не доспала.
А тепера дитки на те не вважуютъ,
Беруть отца-няньку, пидъ ноги вныжуютъ.
Бо теперь на свити така выйшла кара,
Що по всему свиту то вже есть неправда.
Бо тепера правда стонть край порога,
А тая неправда сыдыть кинець стола.
Бо тепера правду бьютъ та ругаютъ,
А тую неправду трункомъ напуваютъ.
Бо тепера правда сыдыть у темныци,
А тая неправда у панпвѣ въ свитлыци.
Бо тепера правда скривъ закрыта,
Тильки есть прымыта—на хрести прыбыта»¹⁾.

Къ такимъ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ пѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнью „отцовъ и дѣтей“. Другой вариантъ того-же стиха начинается именно съ этихъ обобщеній:

«Нема въ свити правды!... Правды не зискаты,
А звывла неправда теперь правдоваты!
Що вже теперь правда слезамы рыдае,
А тая неправда зъ панамы гулае.
Чы ты жъ, свята правда, умерла, чы ты заключена,
А чы ты, *маты ридна*, одъ насъ одреченна?
Нема въ свити правды!... Правды не зискаты!
Тильки въ свити правды, що ридный отець та маты».

Далѣе слѣдуетъ картина сиротской жизни, безъ отца и матери. Жалѣеть сирота, что не далъ ей Богъ орлиныхъ крыльевъ, а то бы она полетѣла „до отца, до няньки“. О трудностяхъ воспитанія дѣтей нѣтъ ни слова,—нѣтъ и жалобы на неблагодарность дѣтей. Пѣвецъ рѣзко переходитъ къ изображенію раздоровъ между младшими членами семьи:

¹⁾ Киевс. Старица, 1889, Сентябрь, 683.

«Уже жь кнєць вєку и кь намъ прыблжжвси,
 Хочь ридного брата теперь стережыси,—
 Бо винь хочь и ридный братъ, то правды не мие,
 Винь тильки устами, якъ перама, вие.
 Изъ нымъ у судъ стати—правды не зиськаты,
 Тильки срибломъ-златомъ судью насыщаты».

Заканчиваєть пѣвецъ свой скорбный стихъ ободряющимъ
 воззваніємъ:

«Самъ Господь есть правда,
 Сокрушитъ неправду,
 Сумыритъ гордыню,
 Вознесетъ святыню!»¹⁾.

По смыслу того и другого варианта оказывается, что „нема правды“ даже въ интимномъ мірѣ семейныхъ отноше-
 ній.—Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что подрываются
 эти отношенія не отцами, а дѣтьми, которые родителей своихъ
 не уважаютъ и сами между собою не ладятъ. Только одно ро-
 дительское чувство, а именно чувство матери, остается неиз-
 мѣнно прочнымъ въ этомъ волнующемся морѣ вражды, которая
 подъ именемъ неправды царствуетъ въ мірѣ.

«А нема цвиту найповнишого надъ тую макивочку,—
 Да нема жь роду найвирнишого надъ тую матиночку»,

говорится въ одной пѣснѣ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, по народнымъ
 представленіямъ мать есть символъ всепрощающей любви и
 безконечнаго самоотверженія. Она есть сама правда—такъ же
 вѣчно страдающая, какъ и та святая правда, которая была
 „на хрести прыбыта“, поэтому и въ разбираемыхъ нами сти-
 хахъ правда называется *матерью ридною*, а мать въ свою оче-
 редь *правдою вирною*. Итакъ, правда есть ничто иное, какъ
 любовь, воплощенная въ лицѣ матери на землѣ, въ лицѣ Го-
 спода Бога на небѣ. Это, можно сказать, религиозное воззрѣніе
 на мать вылилось въ пѣсняхъ малорусскихъ съ такою силою и

¹⁾ Кієвс. Старина, 1883, Августъ, 769—770.

²⁾ Лисенко, Збірникъ, вып. II, № 33.

страстностію, що нельзя ни слухать, но даже читать ихъ равнодушно.

«Ой матинко, вышенько,
Що безъ тебе дышенько!
Що тебе жъ ни кунты,
А ни заслужты,
Що безъ тебе, ненько мой,
Горе въ свити жыты!
Що уже-жъ я й ходыла,
Уже жъ я й служыла,
Та не найшла тип ненькы,
Що мене родыла ¹⁾.
«Маты наша, маты» ,

поется въ другой пѣснѣ,

«де намъ тебе взыты?
Маларивъ нанаты, матирь змалюваты,
Поставыты матирь на божнычокъ въ хати...
На божнычокъ глянупу, то матирь сиомъянупу,
Назадъ обернупу, слезами залюся,
На бикъ оглянупу, рукавомъ утруса!» ²⁾

Женскія роли въ семьѣ пѣсня распредѣляетъ такъ:

«Жинка для совиту, теща для привиту,
Матинка ридна—лучче всего свиту» ³⁾.
(Вона)» родыла й болила,

присовокупляетъ другая пѣсня,

страдала, вымрала,
Кровь прольвала, смертовъкы бажала» ⁴⁾.

Теперь для насъ совершенно понятно, почему оскорбленіе отца и матери считается въ народной малорусской поэзіи величайшимъ преступленіемъ.

¹⁾ Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V. стр. 552, № 154.

²⁾ Лисенко, Збірникъ, вым. I, № 23.

³⁾ Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V. стр. 459, № 29.

⁴⁾ Метлинскій, Народныя южворус. пѣсни, 242.

«Кого Богъ любить, того ѿ награждае,
А за отца и за матку сынъ Божій караетъ¹⁾».

На этомъ мотивѣ построена прекрасная народная дума о вдовѣ и ея сыновьяхъ. Имѣла вдова

«трехъ сыновъ,
Якъ соколивъ:
Вона ихъ змалку годовала,
Зросту, славы, памѣты, спрожытку сподивала».

Оженились сыновья и, какъ видно, по наущенію женъ своихъ прогнали мать изъ дому:

«Не сына зозуля закувала,
Якъ бидна вдова изъ своего дому выступала,
За слизамы свѣту божого не выдала».

Принялъ ее къ себѣ добрый человѣкъ, „близькій сусида“,—и вотъ на старости лѣтъ пришлось ей жить у чужихъ людей.

«Стали люде тее зачуваты,
Стали вдовыченькивъ на смихъ шидниматы».

По другимъ вариантамъ обрушились на нихъ всякія несчастія: „не ставъ имъ Господь ни въ чимъ помагаты“. Тогда сознали они тяжкій грѣхъ свой и пошли на чужой дворъ просить прощенія у матери.

«Боже мий мылий, Боже мий еднний,
Поможы ты мени сини диты опрощаты!»

Возвратилась она въ домъ свой, а вмѣстѣ съ тѣмъ

«Ставъ и Богъ, выдымо, имъ во всямъ помагаты».
«Тогда жъ то воны одынъ до одного стыха словами промовляли:
«Гляньте, браття!
Правду святе письмо свидчыть, высвидчае,

¹⁾ Кобзарь Вересай далъ этому стиху такое названіе: „Пісня, що по нещастю живучи на свѣти спивають“. Зап. юго-зап. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 24.

На всякій часъ моление покаже:
 Который чоловнкъ отца своего, матирь штыть, поважае,
 Тому Богъ на всякій часъ помагае¹⁾.

Мы понимаемъ, что идеальныя черты матери далеко не всегда могли совпадать съ дѣйствительностію, но для насъ важенъ поэтическій замысль—воспользоваться опытомъ жизни, чтобы создать въ образѣ матери нравственную силу, которая есть ничто иное, какъ сила любви, возстановляющей между людьми святую правду. Собственно говоря, это не есть сознательно поставленная формула жизни, выработанная на почвѣ правовыхъ или политическихъ отношеній. Но положительно можно сказать, что въ поэтическомъ настроеніи, которое мы подвергаемъ анализу, немаловажное значеніе имѣли земледѣльческія формы быта, въ которыхъ жилъ и донинѣ живетъ малорусскій народъ. По самому существу своему формы эти требуютъ больше труда, чѣмъ капитала, въ которомъ нуждаются преимущественно коллективныя предпріятія, осуществляемыя въ коопераціи многихъ рабочихъ силъ, не связанныхъ между собою узами кровнаго родства. Отсюда—индивидуально-семейное начало составляетъ основу земледѣльческаго труда,—отсюда же индивидуальная свобода дѣйствій, которая приводитъ къ разногласіямъ. На этой почвѣ семейнаго индивидуализма единственной точкой опоры являлась идея любви въ лицѣ матери. За оскорбленіе этой беззавѣтной любви караетъ Господь, какъ за нарушеніе правды, надъ которой торжествуетъ неправда, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Весьма можетъ быть, что это міровоззрѣніе развивалось въ малорусскомъ народѣ по мѣрѣ неудачъ его въ общественно-политической жизни. Но, оставляя область гаданій, считаемъ нужнымъ установить то положеніе, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, вся народная этика сводится главнымъ образомъ къ такъ называемой семейной морали, основанной на чувствѣ родства, на взаимной

¹⁾ Содержаніе этой думы передано по четыремъ вариантамъ, помѣщеннымъ у Метлянскаго, Народн. южпорус. пѣсни, 345—354.

симпатіи людей, близкихъ между собою по крови. Союзъ этихъ людей называется *родомъ, родыною*. При всей дробимости родовъ, т. е. семействъ въ дѣйствительной жизни, родство въ поэтическихъ представленіяхъ малорусскаго народа составляетъ своего рода культъ, можетъ быть, поддерживаемый самою этою дробимостію. Нужно испытать горькимъ опытомъ всю тяжесть единоличной борьбы за существованіе, безъ поддержки близкихъ людей, чтобы прильнуть страстной мечтой въ этимъ самымъ людямъ, чтобы сознать всю незамѣнимость ихъ въ посторонней или чужой средѣ.

«Хочь по шыю въ воду, та до своего роду»,
говорится въ одной пѣснѣ,

«Хочь и обмочуся, въ роду обсушуся,
Таки зъ своимъ родомъ та новыдаюся»¹⁾.

И однако же привычка жить на свой страхъ, жить личною жизнію, остается во всей своей силѣ. Это одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыя нерѣдко совмѣщаются, какъ въ одномъ и томъ же лицѣ, такъ и въ цѣломъ народѣ,—одно изъ тѣхъ психическихъ раздвоеній, которыя служатъ источникомъ тревогъ и душевныхъ страданій. Отсюда эта тоскливая нота, проходящая чрезъ всю поэзію народную семейнаго содержанія. Чувство неудовлетворенности, неполноты счастья, составляетъ господствующую стихію ея.

Тѣмъ же чувствомъ проникнуты и вирши, съ которыми появлялись въ народъ представители школы.

Безъ сомнѣнія, реальною основой этихъ виршей была личная судьба самихъ виршеписателей, которые въ свитальческой жизни своей находили достаточно поводовъ къ жалобамъ на тяжелое положеніе свое.

«Эй то якъ—то мени, маты, не хотлося бѣ у чужий
стороны пробуваты!

Будуть мене люде знаты,
Будуть мене прышельцемъ называты», — ²⁾

¹⁾ Чубинскій, Труды экспедиціи, т. V, 474.

²⁾ Записки югозапад. отд. географич. общества, т. I, Матеріалы, 14.

говорить въ одной думѣ козакъ своей матери, отъѣзжая изъ родительскаго дома. По народнымъ понятіямъ, *хазяйскій сынъ*, *отецкый сынъ* пользуется полными правами гражданства въ своемъ околоткѣ, а *пришелецъ* есть лице загадочное: сегодня онъ здѣсь, а завтра тамъ,—для него не обязательно считаться съ мѣстными интересами, съ „поговоромъ и славою“ той среды, въ которой онъ очутился. Изъ такихъ-то *пришельцевъ* и состояла школьная братія, предлагавшая свои вирши народу. Неудивительно поэтому, если она въ этихъ виршахъ выражала тоску по родинѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда кому-нибудь изъ ея состава удавалось на чужой сторонѣ пристроиться недурно.

«Отче, отче, прибудь ко мнѣ»,
говорится въ одной виршѣ,
«Увесели сердце во мнѣ, —
Прибудь, отче, на бракъ къ сыну,
Увиждь жену, мнѣ любиму».

Въ подобныхъ выраженіяхъ идутъ дальше обращенія къ матери и сестрамъ:

«Прибудте днесь, не смутѣтси,
Се бо братъ вашъ весельтси»¹⁾.

Еще тяжелѣе становилась жизнь на чужой сторонѣ, когда умирали близкіе люди на родинѣ.

«Тяжко та важко чоловпковн въ чужий чужынн,
На чужий сторонн,
Безъ отця, безъ ненькы, безъ сердешного роду пробуваты»²⁾.

Та же мысль на разные лады развивается во многихъ виршахъ.

«Я, сырота, блукаюся»,
говорится въ одной изъ нихъ,

¹⁾ Сборникъ Кобальчича, № 64.

²⁾ Метляискій, Народн. южнорус. пѣсни, 357.

«родыны не маю,
 На чужыні пробуваю і вкы свей тэрыю.
 Ой якъ орелъ по-надъ поле повитремъ носыцца,
 Такъ сырога на чужыні съ плачомъ веселыцца.
 А якъ цяжко каменевы по водзі плываты,
 Такъ сыроты на чужыні горе пробуваты»¹⁾.

Обычное содержаніе сиротскихъ виршей — жалобы на враговъ:

«Що я кому виноваты, за що погыбаю?
 Нѣгде отъ злыхъ чловѣкъ спокою не маю,
 Ненавидяць, гоняць, бьютъ, живцемъ пожыраютъ,
 Якъ истребы на бедную птицу напладаютъ,
 Нѣ скрыцца не могу, нѣ явно прожыты,
 Явно гоняць, тайно бьютъ, подкладуюць сѣты,
 Лютымъ огнемъ, яростію палаютъ безъ мѣры,
 Метаются на мене, якъ люте звѣры,
 А що кому за вина, якая прычына?
 За то гоняць, за то бьютъ, що я сиротына»²⁾.

Ближе къ народному настроенію стоить псалма, распѣваемая и теперь лирниками и извѣстная подъ названіемъ „Сыритка“. Начинается она размышленіемъ о происхожденіи сиротства:

«Дивная годына на свиты настала:
 Не пдна сыритка безъ мамы zostалась,
 Отець лару знайде, буде въ лары жыты,
 Нещасны сыроты пидуть пречъ службыты».

Вотъ пошла сирота „по свиту блукаты“. Встрѣчаетъ ее самъ Господь Богъ и спрашиваетъ ее, куда идетъ она?— „Иду, говоритъ сирота, матери шукаты“.— Не найдешь ты своей матери, отвѣчаетъ ей Господь Богъ, „спочиваетъ вона въ гроби“. Приходитъ сирота на могилу матери своей и, рыдая, жалуется

¹⁾ Голованкій, Народныя пѣсни, ч. I, 376. Его-же ч. III, отд. 1, 313. Есть эта вирша и въ рук. церковно-археологич. музея при кiev. акад. № 489, но въ искаженномъ видѣ.

²⁾ Рукопись церковно-археологич. музея, № 489. Сборникъ Кибальчыча № 66. См. также Головац, Народн. пѣсни, ч. I, 357, Чубинс. Труды экспедиціи, V, 448.

ей на свое житье горькое. Совѣтуетъ ей мать обратиться къ мачехѣ, чтобы она ей „сорочку сшыла и головоньку змыла“. Мачеха, какъ мачеха, во всемъ отказала бѣдной сиротѣ, да еще и „по сусидахъ ни обсудыла“. Такая ужъ доля сироты:

«Хощь сирота робыть, робота нїи ни защо,
Все говорятъ люде: сирота ледащо».

Заканчивается эта трогательная псалма изображеніемъ блаженства сироты въ раю и мученій злой мачехи въ аду¹⁾.

Не мало есть въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ другихъ подобныхъ псалмъ, въ которыхъ выражаются горестныя чувства людей „бездольныхъ и безщасныхъ“. Цѣлый вѣкъ свой они искали счастья и, вопреки завѣту евангельскому: „ищите и обряцете“, нигдѣ не находили его, можетъ быть, потому что не всегда искали его тамъ, гдѣ слѣдуетъ²⁾. Въ объясненіи этихъ неудачъ составители псалмъ слѣдуютъ отчасти стариннымъ представленіямъ народнымъ о доброй и злой долѣ, при чемъ та и другая дается человѣку при его рожденіи³⁾. Поэтому

«Хто на семъ свѣтѣ без долѣ вродился,
Тому свѣтъ марне, якъ коломъ точился.
Лѣта плинуть марне, якъ бистрие рѣчки,
Часи молодие, якъ з дожджу потоки,
Все то марне минаеть»⁴⁾.

По видимому, нечего гоняться за вѣтромъ въ полѣ, т. е. добиваться того, что одинъ только разъ дается человѣку, и чего въ другой разъ получить уже нельзя. Такое признаніе мы

¹⁾ Кіевс. Старина, 1889 г. Сентябрь, 685. Головац. Народн. пѣсни, ч. III, отд. 1, 272.

²⁾ Сюда относится псалма въ сборникѣ Кибальчича подъ № 63, а также у Головац., Народныя пѣсни, ч. III, 1, 83, у Чубанс., Труды экспедиціи, т. V, 476, № 62.

³⁾ Метлинс., Народныя южнорус. пѣсни, 108, 144, 278.

⁴⁾ Кіевская Старина, 1889 г., Мартъ. Эта псалма подъ заглавіемъ „Пѣснь о свѣтѣ“ напечатана здѣсь по галицкой рукописи, помѣченной 1751 годомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы видѣли во Львовѣ, у каноника о. Антонія Петрушевича, школьный сборникъ, списанный въ 1783 г. Здѣсь сочинителемъ этой псалмы названъ вѣето Падальскій. Въ томъ же сборникѣ есть любопытная „Пѣснь моральна о плачливомъ ставѣ нашего студента“, которой, къ сожалѣнію, мы не успѣли списать.

постоянно встрѣчаемъ въ псалмахъ,—и однако же составители ихъ неумоимо ищутъ доли или-же, въ крайнемъ случаѣ, сожалѣютъ, что орлиныхъ крыльевъ для этихъ поисковъ не имѣютъ. Конечно, они не соединяли съ словомъ *доля* мифическихъ представлений, отчасти и донинѣ живущихъ въ народѣ. Для нихъ *доля* была простымъ олицетвореніемъ случайнаго сдѣянія благоприятныхъ обстоятельствъ. Стоя на этой болѣе рациональной почвѣ, они воображали, что каждый человѣкъ до известной степени есть самъ для себя доля, что источникъ счастья заключается во внутреннемъ самоудовлетвореніи труждающагося и притомъ честнаго человѣка. Эта мысль пробивается въ нѣкоторыхъ псалмахъ въ видѣ поздняго раскаянія въ собственныхъ ошибкахъ:

«Годи вамъ шумны, зелены лугы!
 Годи млиты сердцю моему зъ несносноу тугы!
 Якъ цвѣты прекрасныи скоро одцвѣтають,
 То такъ насъ молодыи лѣта скоро покидають.
 Проишли лѣта скоро, якъ быстрыи рѣки,
 А я живу нынѣ нещастни черезъ уси вики.
 Виють витры въ степу—запрету не мають:
 Идутъ мысли въ день и въ ноци—спокою не дають.
 Старость моя й жызность! Не могу терпѣти,
 Що я не выивъ молодыми лѣтамы владѣти».

Какъ на выходъ изъ этого положенія, псалма указываетъ на удаленіе отъ міра, на бѣгство „въ темныи лугы, въ степы и въ пустыни“¹⁾.

Такихъ бѣглецовъ было много въ старинной Малороссіи. Одни изъ нихъ стремились въ запорожскую Сѣчь, которая становилась для нихъ матерью, а „Велькій лугъ — батькомъ“. Другіе направлялись въ степи и въ дикія поля, на которыхъ можно было при счастья и отвагѣ поразить врага и отнять у него богатую добычу. Были, наконецъ, и такіе, которые уходили отъ тревогъ жизни въ пустыни, чаще—въ монастыри, какъ говорится объ этомъ въ одной задушевной псалмѣ:

¹⁾ Кіевская Старина, 1882 г. Августъ, 281. Есть эта псалма и въ сборникѣ церк. арх. Музея при кіевск. акад. № 489.

«Не пиду у мырь,
 Пиду въ монастырь,
 Щобъ душу спасти,
 Щобъ Господь простывъ»¹⁾.

Таковы въ общихъ чертахъ правоучительные мотивы, широко развитые въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ и вполне совпадающіе съ народнымъ міровоззрѣніемъ. Для насъ важнѣе всего въ данномъ случаѣ документально убѣдиться въ томъ, что старинная малорусская школа принимала живое и непосредственное участіе въ выработкѣ этого міровоззрѣнія.

Вирши правоописательнаго содержанія.

Мы не знаемъ точно и опредѣленно, какова была этика нашихъ предковъ въ дохристіанскую эпоху, но изъ предыдущаго очерка мы достаточно могли убѣдиться въ ея христіанскихъ особенностяхъ, которыя выступаютъ ярко въ виршахъ правоучительнаго содержанія, созданныхъ южнорусской школой въ XVII и XVIII вѣкахъ. Тѣ же особенности мы встрѣчаемъ и въ правоописательныхъ виршахъ, не смотря на то, что онѣ отличаются развязностью тона, новидимому, не сомнѣстимой съ серьезнымъ содержаніемъ ихъ. Мы разумѣемъ главнымъ образомъ, такъ называемыя, рождественскія и воскресенскія вирши, въ которыхъ лица и событія евангельской исторіи воспроизводятся въ непосредственной связи съ обстановкой народной малорусской жизни,—въ духѣ и тонѣ наивныхъ разсказовъ, проникнутыхъ юмористическимъ настроеніемъ.

Сколько намъ извѣстно, первая по времени рождественская вирша написана была знаменитымъ лексикографомъ и типографомъ Памвою Берындою. Напечатана она была въ Львовѣ въ 1616 году и посвящена епископу львовскому Іереміи Тисаровскому.

«Пріймъ»,

говорить составитель ея,

¹⁾ Метлинскій, Народныя южнорус. пѣсни, 372.

«о Архіерею великій, значный,
 Яко в речахъ не похибне дѣльный и бачый,
 За коладоу и щодрый днѣ книжечкѣ тоую,
 Котораа то презъ дѣтокъ декламована
 И для оутѣхи на днѣ тотъ з друеѣ выдана»¹⁾.

Ясно изъ этихъ словъ, что рождественскія вирши, какъ и колядскія пѣсни, произошли изъ обряднаго славленія, которое началомъ своимъ восходитъ къ старинѣ незапамятной. Безъ сомнѣнія, гораздо раньше того времени, когда написалъ виршу свою Памва Берында, христіанскіе мотивы начали проникать въ колядованье, но можно сказать съ увѣренностью, что только въ эпоху южнорусскаго просвѣщенія эти мотивы разработаны были систематическимъ образомъ. Подъ вліяніемъ стародавняго обряда представители школы слагали разные вирши, которыя произносились *молодыками школьными*, какъ поздравительные стихи въ дни праздниковъ. Чѣмъ ближе стояли эти вирши къ моменту происхожденія своего, чѣмъ выше была богословская ученость составителей ихъ, тѣмъ больше заключалось въ нихъ риторическаго пафоса и тяжеловѣсныхъ, книжныхъ формъ рѣчи. Таковы, между прочимъ, по содержанію и формѣ своей и вирши Памвы Берынды,—таковы-же и рождественскія вирши Кирилла-Транквиліона-Ставровецкаго, напечатанныя въ его „Перлѣ многоцѣнномъ“²⁾. Многія изъ нихъ такъ и остались на ступени школьнаго велерѣчія, не тронутаго прикосновеніемъ народной мысли. Другія пошли дальше, но остановились на полъдорогѣ отъ школы къ народу. Есть, наконецъ, вирши, или переработанныя народомъ, или же написанныя въ народномъ вкусѣ самими бакалярами сельскими, ближе стоявшими къ народу, чѣмъ ученые латинскихъ школъ. Можно полагать даже, что нѣкоторыя вирши составлены младшими обитателями сельскихъ школъ или же получили въ ихъ средѣ окончательную отдѣлку. Таковы, на примѣръ, граціозныя поздравленія, произносимыя дѣтьми младшаго возраста и теперь не позабытыя:

¹⁾ Импер. публич. бібліотеки церковнослав. отд. I, 8, № 12.

²⁾ Перло многоцѣнное, 2-е изд. (въ Могилевѣ), 1699 г.

«Я малый нахолокъ,
Родывся въ вивлорокъ,
А въ середу рано
Мене въ школу дано.
Иду зъ школы—плачу
И свита не бачу,
Очи протыраю,
На карманъ позыраю,
Вась съ праздникомъ поздоровляю».

Или же:

«Я маленька дивочка,
Якъ у поля квиточка,
Бильшь ничего не знаю,
Тильки азъ да буквы...
Пожалуйте мени грошыкъ у руки»¹⁾.

Чтобы получить *праздниковое*, нужно было, какъ видно изъ этого наивнаго лепета, кое-что смыслить въ школьныхъ наукахъ:

«Дарма, що я малый,
А въ церкви бувавъ
И обо вснмъ чувавъ:
Оце и вамъ звищаю
И съ праздникомъ Хрыстовымъ поздоровляю»²⁾.

Колядованье служило такимъ образомъ прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для подростяющей молодежи.

«Папе господару»,
говорится въ одной колядкѣ,
«Мы твоего двору не мынаемо,
Вставай съ постели, одчыный двери,
Прыйде до тебе Дива Мариа,
Дива Мариа и Святый Мыколай:

¹⁾ Чубяис. III, 435.

²⁾ Безсонова „Калики перехожіе“, вып. IV, 47.

Сиде Миколай у конець стола
 Книгы чытаты, тебе пытаты,
 Чы навчаешь ты диты малии
 Богу молыться, старшымъ корыться?
 Дива Марія стане пытаты,
 Чы навчаешь ты диты малии
 Книгы чытаты, въ церковь ходыты,
 Свите Рождество празныкомъ чытыты,
 Батька, матинку вирне любыты?»¹⁾

Но молодость имѣетъ свои права, — да и задачи нравственнаго свойства, отмѣченныя въ приведенной нами колядѣ, вовсе не требуютъ покаянія и слезъ—особенно въ дни праздничные. Поэтому неудивительно, если мы встрѣчаемъ во многихъ виршахъ свѣтлое, жизнерадостное настроеніе, сопровождаемое шуткой.

«Слава Богу»,

говорится въ одной старинной виршѣ,

«того ми тенера дождались,
 Що за шесть недѣль съ ковбасою опать повидались!
 Я-жь казавъ: шутка, що позавчора свинѣ галасали!
 Ажь то люди якъ святамъ все ковбаси дбали,
 Лишь почули, що Рѣздво вже не за горами,
 Не скотѣли болшь сидѣти над огѣрками,
 Заразь стали шататись мижъ скоромнымъ крамомъ:
 То зъ гусми, то съ курми, то зъ битимъ товаромъ»²⁾.

Оканчивается вирша обычнымъ поздравленіемъ хозяина и выраженіемъ всякихъ благожеланій ему.

То-же настроеніе мы видимъ и въ колядкахъ виршеваго происхожденія. Оно совпадало съ извѣстнымъ расположеніемъ малорусскаго народа къ юмору. Что касается до слагателей виршей, то, обладая большимъ или меньшимъ знаніемъ церковно-славянскаго языка, они имѣли полную возможность гово-

¹⁾ Чубинс. III, 384—385.

²⁾ Кіевс. Старина, 1889 г., Январь, 242.

рить о матеріяхъ неважныхъ церковно-славянскою рѣчью, и наоборотъ, о важныхъ матеріяхъ рѣчью простонародною, и такимъ образомъ въ самой двухсторонности литературнаго стиля по отношенію къ предметамъ различнаго свойства они находили всѣ краски для пародіи и шутки. Но, чтобы воспользоваться этими красками, нужно было имѣть тотъ особенный складъ души, который выражается въ стремленіи сблизить противоположное и разъединять сходное. Это и есть психическая основа юмора, которою проникнуты праздничныя вирши и соотвѣтствующія имъ колядскія пѣсни.

Со стороны содержанія своего эти вирши представляютъ нѣсколько основныхъ темъ.

Первая тема—догматическаго характера: это грѣхопаденіе прародителей, какъ причина воплощенія Сына Божія.

Мы имѣемъ двѣ редакціи виршей, написанныхъ на эту тему. Одна—болѣе книжная, другая—народная.

Въ книжной редакціи рассказывается библейская исторія близко къ подлиннику—о томъ, какъ Богъ п^б сотвореніи прародителей поселилъ ихъ въ раю, какъ „врагъ злосливый и не жичливый сталъ Еву намовляти“, чтобы она вкусила отъ древа познанія добра и зла, а Ева—Адама, какъ смущены они были, познавши себя нагими, какъ проклялъ Богъ змія. Заканчивается вирша картиной изгнанія прародителей изъ рая:

«Богъ зъ раю сходитъ,
Ангель приходитъ,
Гнѣвъ Божій объявляе,
Грозно гукаетъ,
Мечемъ дмухаетъ,
Изъ раю вигоняеть» ¹⁾.

Въ народной редакціи эта вирша представляетъ логически законченное рѣшеніе вопроса, поставленнаго въ самомъ началѣ

¹⁾ Сборникъ Кибальчича № 49. Есть эта вирша и въ рукописномъ сборникѣ церковно-археологич. музея при кievс. Академіи, № 252. Болѣе обстоятельный вариантъ, соединяющій начало съ концемъ, т. е. грѣхопаденіе прародителей съ рождествомъ Спасителя, и въ то же время пропитанный апокрифическими сказаніями объ изгнаніи Адама и Евы изъ рая, напечатанъ недавно въ иолбрьской кн. Кіевс. Старины за 1891 г., стр. 274.

ея: „чого прийшовъ до насъ самъ Богъ?“ Разказъ починається ab ovo. Задумаль Сатана „зривнятися зъ Богомъ“ и былъ низверженъ за это съ неба. Тогда „зайшовъ винъ зъ иншого краю“, приглашаетъ въ гости Адама, и самъ является у него въ раю въ качествѣ гостя. Обычай гостепрѣмства, какъ видно, не моложе библейскаго рая. Но печальны были плоды этого гостепрѣмства: „Адамъ яблука вкусывъ“. Въ этихъ трехъ словахъ разказана вся сцена искушенія. За то ближайшія послѣдствія этого событія воспроизведены подробно. Дѣло представлено такъ, что Адамъ, искушаемый дьяволомъ, выпилъ лишнее. Проснулся онъ на другой день, а товариць съ него „и сорочку знявъ“. Приходить Богъ къ нему и спрашиваетъ, куда онъ дѣвалъ сорочку.—„Не знаю, десь вчора загубывъ“, отвѣчаетъ Адамъ. „Отъ-такъ ты доглядаешъ гаю“, говорить ему Богъ, какъ добрый хозяинъ своему наймиту, „пишовъ же вонъ, поганый, зъ раю!“ Наказана и Ева не тѣмъ, что въ болѣзняхъ раждать будетъ чада свои, но тѣмъ, что будетъ она „прясты“,—„а щобъ не смила яблукъ красты“, говорить Богъ, „такъ я Адамови нагайку давъ“. Самъ искушитель низвергнутъ въ пекло, „де огонь горить“. А чтобы одѣть Адама и Еву, Богъ „родывся самъ“.

«Родывсь Хрыстось»,

заканчивается вирша,

«Адамъ гуляе

Е нова свытка и кожухъ,
И Ева въ плахти пожожае,
И зновъ радие духъ.
Теперь и въ вась жупаны повп,
Бо вы Адамови ридня...
Такъ будьте жъ зъ праздыкомъ здорови,
Гуляйте, пийте, хочъ-що дня!»¹⁾

Дѣйствія Адама въ этой виршѣ мотивированы обстановкой народнаго праздника: вся бѣда не въ Евѣ, а въ самомъ Адамѣ,

¹⁾ Киев. Старина, 1882 г., Ноябрь, 398. Вирша эта записана учителемъ купянского духовнаго училища, В. Лавровскимъ; въ сожалѣнію, неизвѣстно, отъ кого и когда.

въ его невоздержаніи. Затѣмъ—чувство стыда понято не въ его психическихъ основаніяхъ, а въ простѣйшей формѣ совершившагося факта: нѣтъ у Адама сорочки. Наклонъ мысли таковой, что она отказывается представить себѣ полноту райскаго блаженства безъ „доброи одежи“. Христось и родился для того, чтобы одѣть Адама и всѣхъ потомковъ его. И всѣ одѣты по праздничному: есть причина для радости и веселья.

Нѣсколько иначе разсказывается о грѣхонаденіи Адама и Евы въ другой подобной виршѣ. Умѣлъ Адамъ прекрасно играть на сопилкѣ,—

«Що було якъ заграє,
Такъ ажъ дерево скакає».

Одинъ разъ заснулъ Адамъ

«пидъ кустамы,
А сопилку положивъ безнечно пидъ головами».

Подкрался къ нему змій и

«Вывравъ пыжъ изъ сопилки.
Кинеться Адамъ,—ажъ дирочки тильки:
Свысь, свысь! Ажъ не грає,
Тилько сыпуть, а голосу не має».

А между тѣмъ утромъ онъ долженъ былъ игрой своей „Богу на-добрыдень дати“. Посылаетъ Богъ ангеловъ за Адамомъ. Оказывается, что испортилась Адамова сопилка.

«Постий же ты, козаче»,
говорить Богъ,

«Я зъ тобою подумаю поступить иначе»...

За небрежность въ обращеніи съ сопилкой Адамъ вмѣстѣ съ Евой былъ изгнанъ изъ рая. Съ того времени

«Стала смерть надъ людьми старшыноваты,
Стала вона зъ янцыболотомъ въ одну цѣль стрѣляты,
Ставъ людъ вѣянуть, якъ у зимку свеела,
Поробылися кобзалки до самого пекла.
Первый Каинъ пидскобзнувся, а за нимъ други,
Стали вже й добри люде кобзаться, а не тильки зли».

И вотъ Богъ для спасенія людей посылаетъ въ міръ сына своего¹⁾).

Нельзя не отмѣтить въ этой виршѣ наивнаго представленія о музыкальныхъ способностяхъ Адама, который и созданъ былъ, повидимому, не для одного наблюденія за раемъ, но и для артистическихъ занятій, предназначенныхъ для самаго Бога. Усвоена ли была эта фабула со стороны, или же самостоятельно создана, во всякомъ случаѣ это находится въ полномъ согласіи съ музыкальными склонностями малорусскаго народа, въ средѣ котораго она была обработана.

Не мало есть рождественскихъ виршей, написанныхъ на историческія темы—о поклоненіи родившемуся Спасителю пастырей и царей, о встрѣчѣ царей съ Иродомъ, объ избіеніи младенцевъ. Каждая изъ этихъ темъ разрабатывается то отдѣльно, то въ соединеніи съ другими темами.

Пастухи въ виршахъ изображаются дѣтьми природы и родной обстановки украинскаго быта. Разъ,—говоритъ одинъ изъ этихъ пастуховъ, пасли мы стадо овецъ:

«Кормокъ прыдавси зелененькій,
Булы кошары готовеньки,
Прывилия для всего було».

Подъ вечеръ два пастуха остались при стадѣ, а остальные три

«Пошли у вербняжокъ,
Бо недалеко бувъ лужокъ».

Замѣтили и тѣ, и другіе, что небо краснѣетъ, „да ще не такъ, якъ на морозъ“. Въ это время прибѣгаетъ Явтухъ, который оставался при стадѣ, съ извѣстіемъ, что въ кошарѣ появился воръ. Бросились всѣ они къ стаду и видятъ, что

«въ кошари съ края вѣ край шагае
Таке вельке, ще й лигае,
Не чоловикъ, а бачця, схоже».

Оказалось, что это былъ „янголь божий“, который приказалъ имъ идти къ Виолеуму „въ станю“:

¹⁾ Изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго автору.

«Тамъ е»,
сказалъ имъ Ангелъ,

«маленькое дытятко,

Отдайте ему се ягнятко:
Оце въ сю ничъ Хрыстось родывся,
Сынъ Божый зъ Дивы воплотывся».

„Не довго тутъ мы раховалысь“, продолжаетъ раскащикъ,
«Пишлы въ кошару до овецъ,
Ягня, що лучше, те й пиймалось».

Яркій свѣтъ осіялъ ихъ „въ стани“, а затѣмъ, когда пришли они въ себя, то упали на колѣни и принесли убогій даръ свой „пани“—матери божьей:

«Прыймы ты», сказали они, «от-се ягнятко,
Щобъ не голодне було твое дытятко».

Замѣтили они, что

«Била тиен пани
Стоявъ у жовтому жупани
Старый, сиденькый чоловікъ,
Якъ будьто проживъ другый выкъ».

Это былъ Іосифъ, который

«трохы поворчавшы,
На ухо пани щось шептавшы»,

сказалъ имъ:

«Идите у мырѣ и повидайте,
Що се родывся Божый сынъ».

Пошли пастухи съ вѣстью этой по своимъ домамъ:

«Хто вправо, а хто вливо взявъ,
А я», заканчиваетъ раскащикъ, «оце до васъ понавъ,
Щобъ васъ съ Риздвомъ поздоровляты»¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ виршахъ поздравленіе пастуховъ принимаетъ размѣры необыкновенные. На сцену является цѣлая толпа

¹⁾ Варша записана въ харьковской губерніи отъ Н. М. Полторацкаго. Основа, 1862 г., Іюль, 41—42.

сельской молодежи, которая суетливо бѣжитъ къ родившемуся Спасителю не съ одними пастушескими дарами, но со всякими яствами и питіями, обычными въ праздничное время.

«Першій Никита, самъ Бога вѣта»,
говорится въ одной старинной виршѣ,

«Самко з Юхимомъ, своимъ побратимомъ,
Скоро прибѣгли, заразы запѣли.
Якимъ из Яцькомъ, а третимъ Мацькомъ,
Несли барана до Христа-пана.
Илипъ з Маваромъ пшли тамъ з даромъ,
Два хлѣба взяли, Богу отдали.
Гаврило в вѣчку ослови сѣчку,
А Стахъ волови принесъ полови.
Данпо по морозѣ въ драбистумъ возѣ
Привпзъ горѣлки чтири барилки.
А тамъ у дверецъ тютюня и перець
Хима стояла и продавала.
Андрей и Демко прибѣгъ рихленько,
Перцю тежъ мѣрку всиравъ в горѣлку.
А една Дося сиекла пороса,
Нимъ Бога взрѣла, пороса зрѣла.
Граецъ ажъ мило въ дуду Кирило,
А ти, Матѣю, грай у трубѣю»¹⁾.

Вариантъ этой вирши съ пригѣвами: „Аллилуя, Господи помилуй!“ существуетъ въ видѣ колядки²⁾, но такъ какъ этихъ пригѣвовъ нѣтъ въ старинномъ текстѣ, приведенномъ нами выше, то можно заключить отсюда, что въ первоначальной редакціи эта вирша предназначалась для произношенія, а не для пѣнія. Иногда, впрочемъ, и вирши-колядки съ прибавкой въ самомъ концѣ привѣтствія отъ лица поздравляющаго передѣльвались въ вирши-орачіи. Въ этомъ взаимодѣйствіи вліяній

¹⁾ Рукопись церковно-архолог. музея при кievс. Академіи, списокъ второй половины прошлаго вѣка. Въ такомъ же родѣ вирши съ ироническими выходками на счетъ Литвиновъ (Бѣлорусовъ) помѣщены у Безсонова, „Калина перехожіе“, IV № 257. См. также у Чубинскаго, Труды экспед., т. III, № 100. вар. Б.

²⁾ Чубинс. III, стр. 381, № 104.

одного типа виршей на другой заключается причина отклоненій ихъ въ ту или другую сторону. Нельзя не замѣтить, однакоже, что гораздо чаще подвергались этимъ отклоненіямъ въ сторону виршей-ораціей вирши-колядки. Рѣшительнымъ признакомъ преобладающаго вліянія первыхъ на послѣднія служитъ перемѣна тона ихъ — серьезнаго на шуточный тонъ, который господствуетъ въ виршахъ-ораціяхъ¹⁾. Вотъ въ этомъ тонѣ и заключается правоописательная сила виршей-ораціей, которая даетъ имъ значеніе матеріала, обязательнаго для изученія быта и нравовъ старинной Малороссіи. Это своего рода эпосъ, обнаженный отъ всѣхъ условныхъ формъ церковной лирики, которою изобилуютъ вирши-колядки, — эпосъ старинныхъ малорусскихъ нравовъ, перенесенныхъ въ болѣе отдаленную—евангельскую или даже библейскую старину. Съ научной точки зрѣнія нравы эти, каковы бы они ни были, представляютъ такой же интересъ, какъ и всякія историческія лица и событія. Понятно поэтому, почему мы указываемъ на вирши-колядки только мимоходомъ, не извлекая изъ нихъ того, что въ усиленной дозѣ имѣется въ виршахъ-ораціяхъ.

Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ виршахъ, рассказъ идетъ далѣе о царяхъ, пришедшихъ на поклоненіе родившемуся Спасителю міра. По непрерывности событій этотъ рассказъ соединяется болѣею частью съ рассказомъ о встрѣчѣ ихъ съ Иродомъ, объ избіеніи младенцевъ, о судьбѣ самаго Ирода.

Въ одной виршѣ-ораціи говорится, что цари пришли въ Вилеемъ съ востока.

«Дары поклалы и поздравляли
Понысьменськи, звысока».

Предъ нами уже—не пастухи съ ихъ наивнымъ простодушіемъ, а знатные и мудрые люди. Принимаетъ ихъ Іосифъ, по видимому съ болѣею любезностью, чѣмъ пастуховъ:

«Сидайте жъ у насъ»,

¹⁾ Нѣкоторыя вирши-колядки представляютъ ничто иное, какъ слегка видоизмѣненный текстъ церковныхъ пѣсней; таковы, напримѣръ, вирши, помѣщенные у Безсонова, т. IV, подъ №№ 60, 273, 278.

говорить онъ имъ,

«Мы почаствуемъ васъ,
Чымъ Богъ намъ давъ».

Послѣ угощенія цари заснули, а во снѣ ангель повелѣлъ имъ иною дорогою идти домой, чтобы Иродъ не узналъ, гдѣ родился Спаситель. Иродъ ждалъ царей и не дождался. На этомъ обрывается вирша ¹⁾).

Въ другой болѣе обширной редакціи этой вирши продолжается разсказъ объ Иродѣ, который созвалъ „мудрыхъ мудрецовъ, свитскихъ панъ-отцовъ“, чтобы они ему „сказали и прослѣбезували, де Хрыстось родиться мавъ“. Тѣ указали на Вифлеемъ. Впечатлѣніе этого отвѣта передается въ виршѣ съ патологическими подробностями: долго стоялъ Иродъ *безъ ума*,

«Дереть руками, скрегоче зубами,
А речи зовсимъ нема».

Затѣмъ вырвалось у него роковое повелѣніе избивать младенцевъ. За это беззаконіе, за неповинно пролитую дѣтскую кровь, Богъ посылаетъ на Ирода кару:

«По грудяхъ болячки, по сыни чырячен..
Ковтуны въ чуби стали..
Пидъ очыма позеленило,
Пидъ носомъ почорнило,
Якъ у собаки пидъ хвостомъ.
Ризачка до пуна докучала,
Дуже въ животи бурчало..
Ликаривъ призывалы,
Пластырь клалы»...

Ничто не помогло. Сгинулъ Иродъ, „дьявольський гайдамака“:

«Не вмивъ хлиба исты,
Пропавъ безъ висты,
Якъ у ярмарку собака»...

Такъ ему и слѣдуетъ... „А мы“, такъ заканчивается вирша, „звеселимся, Христу-Рождеству и Божеству поклонимся“ ¹⁾).

¹⁾ Терещенко, „Быть русскаго народа“, ч. 7, 68–69. Отсюда перепечатана эта вирша у Безсонова, см. „Калики перехожіе“, IV, 27.

²⁾ Киевская Старина, 1888, Январь, 278. Записана эта вирша отъ Гулака-Артемовскаго омоло 1848 года.

Вирши-колядки о царяхъ и объ Иродѣ не отличаются художественностью, за исключеніемъ тѣхъ колядокъ, въ которыхъ цари даютъ имя родившемуся Спасителю, а также немногихъ колядокъ, въ которыхъ изображается горе матерей послѣ избіенія младенцевъ:

«Ой есть Иродъ, есть проклятый,
Сына своего не пускае,
Малыхъ дитокъ выбывае,
Голымъ мечемъ вырубаетъ,
Кровь невинну проливае ..
Плаче ненька и рыдае...
Годи, маты, вже рыдаты,
Малыхъ дитокъ вже немає»¹⁾...

Тема, какъ мы знаемъ, излюбленная въ малорусской народной поэзіи. Безумная жестокость Ирода глубоко напечатлѣлась въ сознаниі малорусскаго народа, который не мало видѣлъ Иродовъ въ родной землѣ своей въ лицѣ враговъ-иноплеменниковъ—такихъ, напримѣръ, какъ Татары и Турки. Отсюда ведутъ свою исторію извѣстныя выраженія: „Иродивъ сынъ“, „Иродового сына дытына“...

Есть еще одна рождественская вирша, едва-ли не лучшая въ художественномъ отношеніи. Она изображаетъ всеобщую радость по поводу рожденія Спасителя. Основной мотивъ этой вирши въ неразработанномъ видѣ мы нашли въ одной старинной рукописи прошлаго вѣка. Повидимому, это вирша колядка:

«Солнце и мѣсяць весело играютъ,
Гори и холми радость въ себѣ мають,
Поля и дуброви
Хвалять Бога вси готови,
И вси чловѣци днесъ весело скачуть,
А зліе души вси во адѣ плачуть.
А ти, Аароне, старій чловѣче,
Сподобилеси жпть въ небѣ вѣчне,

¹⁾ Чубаис.Ш, стр. 359, № 87, вар. Б.

Же Богъ-Месія

Съ твоего жезла возсія.

А ти, Давиде, своя гусли строй, строй,

Грай весело, а Бога си бой, бой,

Возграй, восклицай, велимъ гласомъ викричай!»¹⁾

Вирша-орація начинается изображеніемъ праздничнаго торжества между людьми:

«Бабы, диды цыво-меды, горилку варешу
Кухлыкомъ пьють, съ кнышами трутъ свынну печену,
Хлопци, дивкы навпередкы бигають индъ хаткы,
И якъ вовкы, або свынкы, скыргъчуть колядки.
Паны, кунци, славни кравци, шынкарство, мпщане
Объ симъ Ряздвн уся въ нови убрались жупаны».

Тутъ есть все: разные возрасты и сословія обитателей Малороссіи, пища и одежда ихъ. Живая, бытовая картинка эта замыкается олицетвореніемъ матери-земли:

«Маты-земля уся гули и, взявшысь у боки,
Писни гука, бье гошакъ въ пидкивки шыроки».

Торжествуютъ и ангелы на небѣ: „въ долони бьють, писни гудуть“. Глядя на это всеобщее ликование,

«Старенькый Бигъ на стилъ излигъ и самъ соби дума:
«Праздникъ душамъ, тильки Адамъ изъ Евою рюма».

Тяжело ему видѣть эту неполноту міроваго счастья: „важно здыхнувь“ онъ и приказалъ архангелу Гавріилу написать въ адъ къ праотцамъ, что Христось родился. Небесный посланникъ на этотъ разъ оказался искуснымъ писаремъ: тотчасъ досталъ онъ „папиръ и черныло“ и написалъ измученному Адаму длинное посланіе съ отрадною вѣстью, что онъ вмѣстѣ съ потомствомъ своимъ „изъ пекла спасеться“. Съ характерными приемами медленнаго и флегматическаго украинца читаетъ Адамъ посланіе отъ Бога: предварительно онъ „надивъ сирякъ, на лавку сивъ да и надивъ на нисъ окуляры“... Ожилъ Адамъ, какъ только окончилъ чтеніе:

¹⁾ Рукопись церк.-археологич. музея при кievс. Академіи, № 252.

«Якъ прочытавъ, Еви сказавъ: «давай варенухы!»

Подкрѣпившись изрядно, онъ съ соблюденіемъ всѣхъ подобающихъ церемоній

«Зъ гири знима капелюху,
 На пень же ставъ тай прочытавъ той лысть всимъ до слуху,
 И увесь тутъ загудивъ людъ, мовъ литомъ ти бджолы,
 Беруть жиннокъ, ведутъ въ танокъ, затыкавши полы.
 Тии бычка, ти козачка, ти горлыцю скачуть,
 Сами-жъ стари, сыди въ шатри, одъ радости плачуть.
 Пророкъ Давыдъ тамъ-же сыдыть и въ кобзу играе,
 Писню святу Спасу-Хрысту зъ исалтыри чытае.
 Чорнявый Хамъ сыдыть тежъ тамъ и рже въ сонилку,
 Самъ добре пье и всимъ дае квартовъ горилку.
 Куци чорты, мовъ ти хорты голоднии, скиглатъ,
 Лапы грызуть, що понавъ рвуть, скрутылысь и пинять.
 Суцига-смерть соби жъ верть-верть и лицъ-лицъ кистеками.
 Смерте, вгаймусь!..
 Нашъ Богъ-Хрыстось чортивъ, якъ ось, подавить ногою,
 Зъ твоныхъ кистокъ, смерте, трисокъ наробыть и гною,
 Всихъ васъ у прахъ потре и шляхъ намъ зробыть до раю.
 Сымъ я Хрыстомъ, паны, зъ Риздвомъ васъ поздоровляю»¹⁾.

Мы не имѣемъ серьезныхъ основаній отказывать нашимъ предкамъ въ набожности религиозной. Борьба за вѣру отцевъ, за „благочестіе“, какъ говорили въ старину, наполняетъ много страницъ въ исторіи малорусскаго народа. И нужно сказать еще, что борьбу эту вела не одна простонародная масса; не отставали отъ общаго дѣла всѣ слои малорусскаго общества, не исключая, конечно, и тѣхъ, изъ которыхъ происходили сочинители праздничныхъ виршей. И однако-же мы не видимъ въ этихъ виршахъ церковной регламентаціи и соотвѣтствующей выдержанности. Напротивъ того, мы видимъ въ нихъ совершенно сво-

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1882 г., Декабрь, 624—626. Сообщилъ С. И. Пономаревъ безъ означенія мѣста и времени записи. Варіантъ той-же вирши, но безъ конца списанъ въ 1888 г. въ Кролевец. у. со словъ А. А. Пороховской; см. „Кіевс. Старина“, 1889 г., Январь 234. Въ нашемъ распоряженіи есть тоже два списка этой вирши, сравнительно недавніе.

бодное и, можно сказать, смѣлое обращеніе съ сюжетами, которые составляютъ святыню христіанскаго вѣрующаго чувства. Можно-ли сказать безъ всякихъ колебаній, что въ нихъ нѣтъ этого чувства? Намъ кажется прежде всего, что въ нихъ есть особенное чувство, именно чувство мѣры, которое управляетъ мыслями писателя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ, какъ говорится въ народѣ, „не передать кути меду“. Въ оцѣнкѣ этого чувства, въ соображеніяхъ о томъ, на сколько и какъ соблюдено оно, конечно, могутъ быть разные точки зрѣнія. Но, по нашему мнѣнію, за исключеніемъ вымышленныхъ подробностей, взятыхъ изъ живой жизни, во всѣхъ приведенныхъ нами виршахъ севозь реальную и даже, повидимому, грубую оболочку проглядываетъ тотъ идеализмъ религіозный, который далекъ былъ отъ развѣдающаго скептическаго настроенія и который не боится свободнаго слова, такъ какъ почиваетъ онъ на глубокой увѣренности въ самомъ себѣ, въ собственной природѣ своей. Оттого и святые, выступающіе въ виршахъ, говоря и дѣйствуя въ духѣ и тонѣ праздничнаго всенароднаго настроенія, производятъ впечатлѣніе людей симпатичныхъ по своему нравственному настроенію, понятому въ смыслѣ идеи, а не въ смыслѣ обряда. Напротивъ того, дьяволъ и послѣдователи его внушаютъ полнѣйшее отвращеніе именно вслѣдствіе отсутствія въ натурѣ ихъ нравственной основы. Мы понимаемъ, что тѣ и другіе поставлены въ кругъ человѣческихъ отношеній, на почву живой, текущей дѣйствительности съ ея заурядными стремленіями и тревоженіями, но мы не видимъ въ то-же время принципиальнаго разногласія въ изображеніи этихъ лицъ съ основной идеей, завѣщанной библейскимъ или евангельскимъ ученіемъ. Мы не можемъ требовать отъ нашихъ виршей того, что составляетъ необходимую принадлежность церковныхъ пѣснопѣній. Мы можемъ судить объ нихъ только лишь со стороны ихъ поэтическаго достоинства, со стороны поэтическаго метода въ изображеніи религіозныхъ понятій. Въ этомъ отношеніи онѣ удовлетворяютъ не только общимъ условіямъ поэтическаго творчества, но и тому основному требованію его, которое заключается въ соблюденіи индивидуальныхъ особенностей, свойствен-

ныхъ творящей силѣ. Если бы намъ предложили, наконецъ, въ немногихъ словахъ назвать эти индивидуальныя особенности, то мы сказали-бы, что въ праздничныхъ малорусскихъ виршахъ, и именно въ виршахъ-ораціяхъ, мы видимъ оригинальное сочетаніе элементовъ неоднородныхъ — юмористическаго замысла и простодушно-наивнаго чувства.

На воскресенскихъ виршахъ мы не будемъ долго останавливаться. Онѣ развиваютъ только одну тему, достаточно развитую въ послѣдней рождественской виршѣ, именно мысль объ „избавленіи отъ вечнаго плена нашего“, какъ говорится въ одной виршѣ, т. е., объ изведеніи Спасителемъ праведныхъ душъ изъ ада. Начинается эта вирша рассказомъ о встрѣчѣ Іуды съ Люциперомъ во адѣ. Радъ Люциперъ дорогому гостю и принимаетъ его, какъ союзника своего:

«Теперь же я», говоритъ онъ,—

«позволяю зъ собою сыдти,

И яже азъ иію чашу, то й ты будешъ пыты».

Онъ надѣется, что посланные имъ бѣсы приведутъ въ адъ и Спасителя. Между тѣмъ бѣсы извѣщаютъ Люципера, что приближается къ аду воскресшій истинный Богъ въ сопровожденіи ангеловъ, которые поютъ ему пѣснь славы. „Що тамъ за царь славы“? восклицаетъ Люциперъ и хочетъ не пустить Спасителя на небо. Другіе бѣсы совѣтуютъ ему оставить этотъ планъ:

«Хиба жъ ты», говорятъ они,

«не знаешъ? Якъ винъ сюда прыде,

То весь собранный нами народъ изъ пекла выйде».

Вотъ наконецъ является въ аду Спаситель. Божественный свѣтъ осіялъ мрачныя пучины ада. Спаситель приказываетъ Адаму, чтобы онъ самъ выходилъ изъ ада, не оставляя ни одной праведной души, кромѣ Каина и Соломона, который можетъ „крипко-дуже мудроваты“. Люциперъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что ему достался мудрѣйшій человекъ, но Соломонъ не замедлилъ поспорить съ Люциперомъ, за что бѣсы изгоняютъ его изъ ада. Такъ-то и Соломонъ изъ пекла „вымудровався“¹⁾.

¹⁾ Основа, 1862 г. № 6, стр. 49—53. Вирша эта записана отъ И. М. Полторацкаго въ харьковской губерніи.

Въ другихъ воскресенскихъ виршахъ рѣчь идетъ о томъ же, только подробнѣе нарисована сцена исхода ветхозавѣтныхъ праведниковъ изъ ада и самое водвореніе ихъ въ рай. Въ видѣ предисловія къ одной изъ этихъ виршей, вполнѣ народной по языку, разсказывается о томъ, какъ Марія встрѣтилась съ воскресшимъ Спасителемъ, какъ жида подкупили стражу, чтобы она сказала Пилату, будто бы Христа кто-то укралъ изъ гроба:

«А Хрыстось бувъ на роботѣ,
 Попалывъ соби чоботы,
 Повплъ пекло погасывъ
 И Адама воскресывъ».

Уже въ аду начинаютъ догадываться праведники о радостномъ событіи: Моисей

«Прыбигъ швидче къ Аарону
 Зробить справку по закону:
 Чы прыйшла година та,
 Чы выйшли лица Хрыста?
 Ааронъ очкы надивъ
 И въ быблію поглядывъ».

Догадался и дьяволъ, что Хрыстось воскресъ, и потому
 «Злякався, затрусывъ увесь».

Но вотъ приближается Хрыстось къ аду, рассыпались стѣны ада, спрашиваетъ Хрыстось дьявола:

«Де старенька баба Ева?»

Помѣшала дьяволъ кочергою въ пеклѣ, выпла Ева съ обгорѣлыми плечами, а за нею и Адамъ,

«Ажъ Хрыстось злякався самъ».

Ступайте, говоритъ онъ имъ, въ рай! Побѣжали пратцы, какъ малыя дѣти:

«Ева на вси жылы брала,
 А Адамъ ажъ употывъ,
 Попередъ усихъ летывъ».

Затѣмъ одинъ за другимъ выходятъ Ной, Іафеть, Авраамъ,

«Руднй богатырь Самсонъ,
 Що бувъ вельми ласъ на сонъ,
 Наробывъ винъ въ цекли трусу,
 Крыкнувъ Навину Иусу,
 Щобъ винъ сонце придержавъ:
 Адъ затрасса, задрожавъ».

Прибѣгають праведники къ дверямъ рая. Здѣсь

«Премудрый Соломонъ
 Задзвонивъ у райскый дзвонъ».

Зовуть всѣхъ на обѣдъ:

«Туть послали вси за стиль,
 Подали и хлѣбъ, и сль,
 Кожному по чарци пыва.
 Наробывъ Давидъ тутъ дыва,
 Прударывъ въ гусли такъ,
 Що ппшовъ скакаты усякъ».

Въ танцахъ принимаютъ участіе ветхозавѣтныя женщины: Сарра, Рахиль, Лія, Ревека, Сусанна и Эсфирь.

Грубо поняты въ этой виршѣ наслажденія праведныхъ въ раю, но точкой исхода въ перенесеніи земныхъ наслажденій на небо было, конечно, представленіе о псалмопѣвцѣ Давидѣ, который и въ живописи церковной является съ гуслими. Въ Симоновской псалтири (до 1280 г.) мы видимъ изображеніе Давида съ гуслими въ цѣлой толпѣ музыкантовъ, которые играютъ на самыхъ разнообразныхъ инструментахъ¹⁾. А гдѣ игра, тамъ и пляска, по наивному убѣжденію народа.

Особенный интересъ представляютъ заключительныя слова этой вирши:

«Не здывуй, святыи Владыко,
 Може, для тебе и дыко,
 Що я виршъ таку сказывъ,
 Да и писанкы не изывъ.
 Не доладня ваша мова,

¹⁾ Изъ бібліотеки Хлудова. (См. Сборникъ изображеній святыхъ съ X по XV в. Архим. Амфилохія, 1885 г., л. 17-й).

Да не збрешемъ мы ни слова,
Хоть и сердце розверны,
То не найдешь тамъ брехни.
Ты, Всевидецъ и Творецъ,
Висы начало й конецъ ¹⁾».

Очевидно изъ этихъ словъ, что вирши юмористическаго содержанія, и притомъ на чисто народномъ языкѣ, произносились даже предъ высокопоставленными лицами. По преданію, одну изъ такихъ виршей въ день праздника Пасхи говорили черноморцы свѣтлѣйшему князю Потемкину ²⁾. Повидимому, обычай этотъ интересовалъ не только молодежь, но и взрослыхъ людей, занимавшихъ солидное общественное положеніе. Такъ можно думать, между прочимъ, и на основаніи содержанія одного изъ вариантовъ черноморской вирши, въ которой рѣшительно и прямо высказываются desiderata посполи-таго люда. Какъ только воскресъ Спаситель, говорится въ заключительныхъ строкахъ вирши,

«Заразъ тая середь рая свобода засила,
Туть тышына, вси старшына не мае къ нмъ дила;
Туть синуга, вийть-пьянюга, вже не докучае,
И въ пидводу туть изъ роду нхто не хапае.
Вси подублы, що ихъ скублы, сиськин нахалы,
Подеречи, колотнечи вси уже пропалы.
Утикъ куражъ, здырства нема жъ, пропалы вси драчи,
Счезло лыхо, жывуть тыхо, не дають подачи» ³⁾.

Какъ бы то ни было, только отъ правоописательныхъ виршей не далекъ былъ уже переходъ и къ поэтическимъ произведеніямъ чисто общественнаго содержанія. Объ этомъ свидѣтельствуется одно изъ этихъ произведеній, уцѣлѣвшее отъ

¹⁾ Киевская Старина, 1888 г., № 1 й, 279—282. Записана эта вирша въ сороковыхъ годахъ Н. М. Звониковымъ отъ мѣщанина кievскаго Плекунa. Мы помѣстили содержаніе ея по списку болѣе полному, относящемуся къ тому-же времени.

²⁾ Сводный списокъ этой вирши по рукописямъ А. А. Скальговскаго и Н. В. Гоголя помѣщенъ въ „Кievской Старинѣ“, 1882 г., Апрель.

³⁾ Ibidem, 1882 г. Сентябрь. Вариантъ этой вирши см. Терещенко, „Битъ рус. народа“, ч. 6, стр. 112—115;—кievс. Епарх. Вѣд. 1877 г., № 7.

XVIII в. въ позднѣйшемъ спискѣ. Мы разумѣемъ стихотворную легенду о пекельномъ Маркѣ ¹⁾, который

«Бувъ ледарь завзятый,
 Батька й матирь не поважавъ,
 А все тильки пывъ та гулявъ;
 На улыцю до дивчатъ першымъ поспивався,
 А у церкви послиднимъ зоставався,
 Щобъ мерщій можна було втикаты,
 Якъ ницъ на выходъ почне благословляты;
 Зъ чужымы жинкамы женыхався,
 Та старыхъ людей цурався,
 За его буйною головою
 Не було никому спокою».

Одинъ разъ говѣлъ онъ и причастился. Въ этотъ моментъ, когда еще не успѣлъ онъ натворить новыхъ грѣховъ, явился къ нему апостоль Петръ во снѣ и приказалъ ему освободить изъ пекла козаковъ, которыхъ бѣсы старались задержать въ пеклѣ всякими приманками:

«Жиннокъ понапускалы,
 Щобъ козакывъ на нови грихы скушалаы.
 вже де-яки почалаы женыхаться,
 Щобъ у пекли на выкъ позостаться.
 А нишыхъ стала горилкою частуваты,
 Щобъ тильки спасення пересталаы прохаты.
 «Будешъ мени зъ пекла», говоритъ апостоль, «ко-
 закывъ вызволяты,
 Та у рай заставы видчыняты».

Исчезло видѣніе, и Марко очутился въ пеклѣ. Началъ онъ, какъ говоритъ народная пословица, „товѣтысь по пеклу“ и окончилъ миссію свою съ полнымъ успѣхомъ: освободилъ онъ всѣхъ козаковъ.

«Сто литъ пекло пустовало»,

¹⁾ Ibidem. 1885 г., Августъ. Легенда записана въ Тенчнискій станицѣ Черноморскаго войска съ козака 76 лѣтъ, Вакула Губы, въ 1835 г.

такъ заканчивается легенда,

«И такъ було бѣ и пропало,
 Та козакы почалы грѣшыты,
 Та Госнода гнѣвыты.
 Зѣ сего упать чорты понаплодылысь,
 Та пекло почалы робыты,
 Щобѣ де було козацькымъ грѣхамъ жыты»...

Много было грѣховъ этихъ, не мало и добродѣтелей. Для знакомства съ тѣми и другими остановимся на діалогахъ и интермедіяхъ, которыя тоже входятъ въ составъ виршевой литературы, созданной старинной малорусской школой.

Центромъ настоящаго нашего очерка мы избрали вертепную драму, въ которой правоописательный элементъ выступаетъ въ сценическомъ представленіи, какъ главная сила, управляющая словами и поступками дѣйствующихъ лицъ.

Собственно говоря, сюжетъ вертепной драмы одинъ и тотъ же у всѣхъ европейскихъ народовъ, поэтому не въ неметъ заключается главный интересъ ея, а въ своеобразной обработкѣ его и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, подсказанныхъ самою жизнію. Съ этой стороны малорусскій вертепъ есть явленіе вполне самостоятельное.

Не беремса сулить о томъ, когда появился онъ въ южной Руси¹⁾. Можно полагать только, что тексту вертепной драмы предшествовали отдѣльныя пьесы, то въ видѣ обычныхъ народныхъ пѣсенъ, то въ видѣ виршей-колядокъ или виршей-ораций, то, наконецъ, въ видѣ всякаго рода діалоговъ, которые въ старинной малорусской школѣ были самою любимой формой виршеваго творчества. Иногда вирши на Рождество и на Воскресеніе Христова, предназначаемыя для произнесенія нѣсколькими лицами, имѣли діалогическую форму²⁾. Иногда діалогомъ называлась бесѣда въ стихахъ богословскаго содержа-

¹⁾ Athenaeum Крашевскаго, 1843 г. Odział 3. Одинъ изъ сотрудниковъ этого журнала видѣлъ въ с. Ставищахъ ящикъ съ надписью: „1591 года сооруженъ“ Другой экземпляръ онъ видѣлъ съ надписью отъ 1633 года.

²⁾ Таковы, на примѣръ, рождественскія вирши Памвы Бернды и Кирилла Транквиліона: первая пронаосилась семью отроками, вторая — пятью.

нія ¹⁾). Такое же названіе носить одна изъ древнѣйшихъ южно-русскихъ мистерій о страстяхъ Христовыхъ ¹⁾). Есть, наконецъ, діалоги чисто бытоваго содержанія. Отъ позднѣйшаго времени, не ранѣе какъ отъ второй половины XVIII вѣка, мы имѣемъ попытку перевести вирши о пастухахъ въ діалогъ, который имѣетъ видъ вступительной сцены къ какой-то рождественской драмѣ. Мы разумѣемъ „Діалогъ пастырей“, въ которомъ два пастуха, управившись съ хозяйствомъ, богословствуютъ навзвунѣ Рождества въ простонародномъ тонѣ. Они вспоминаютъ о грѣхопадѣніи прародителей, ожидая, что имѣющій родиться Спаситель міра „дѣдыкамъ дастъ доброго часа“ ²⁾). Къ тому же разряду діалоговъ относится „Воскресенскіе стихи“, изъ которыхъ нѣкоторые отрывки приводятся ниже. Съ діалогами этого рода, которые ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ интермедій, безъ сомнѣнія, находилась въ тѣсной связи вертепная драма. Могла быть она составлена въ первой половинѣ XVIII вѣка и даже раньше, но въ первоначальной редакціи она намъ неизвѣстна ³⁾). Думаемъ только, что съ перваго момента своего появленія она подвергалась позднѣйшимъ видоизмѣненіямъ, причѣмъ въ основной текстъ драмы могли быть внесены пьесы болѣе древнія, чѣмъ самая драма. Однимъ словомъ, вертепная драма шла по тому же пути коллективной обработки, какъ и устный произведенія народной поэзіи. Приблизительно можно отнести современный намъ текстъ ея къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія ⁴⁾).

¹⁾ Таковъ, напримѣръ, „Банкетъ духовный“, помѣщенный въ апрѣльской книжкѣ Кіевской Старины за 1892 г.

²⁾ Кіевская Старина, 1891 г., Апрѣль.

³⁾ Рукопись церковно-археологическаго музея при кіевской Академіи, I. III, 8. 10.

⁴⁾ Сохранилась она въ двухъ спискахъ: по одному изъ нихъ напечатана въ сборникѣ Н. И. Маркевича: „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ“, Кіевъ, 1860 г. Подробный пересказъ другаго списка, принадлежавшаго Г. П. Галагану, имъ самимъ составленный, помѣщенъ въ Кіевской Старинѣ за 1862 г., Октябрь.

⁵⁾ Объ этомъ мы имѣемъ положительное свидѣтельство Г. П. Галагана: „по разсказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, говоритъ онъ, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Впрочемъ, ихъ представленіе принято было съ большиною

Мы не будем останавливаться на первой части Вертепа, такъ какъ вся она есть ничто иное, какъ драматизированное воспроизведеніе того матеріала, съ которымъ познакомились мы въ рождественскихъ виршахъ. Ни одной новой правоописательной черты не прибавляетъ она къ извѣстнымъ намъ лицамъ, дѣйствующимъ въ виршахъ.

Совсѣмъ не то представляетъ намъ вторая часть вертепа, въ которой выступаетъ предъ нами цѣлый рядъ лицъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни и обрисованныхъ выпукло и ярко.

Вообще говоря, вся эта вторая часть есть изображеніе радости по поводу рожденія Спасителя,—только въ виршахъ радуются вмѣстѣ съ людьми и праведники, тогда какъ на сценѣ Вертепа радуются простые смертные, люди разныхъ возрастовъ, сословій и народностей. Это и есть нить, соединяющая въ одно цѣлое всѣ эти веселыя группы, выступающія одна за другой на сцену.

Мы будемъ всматриваться въ эти группы подъ угломъ тѣхъ свѣтовыхъ впечатлѣній, которыя производятъ главныя дѣйствующія лица, какъ представители мѣстной жизни. Лица эти — крестьянинъ, козакъ и запорожець. — Для дополненія вертепныхъ сценъ мы будемъ пользоваться соотвѣтствующими подробностями изъ діалоговъ и интермедій.

Съ крестьяниномъ вертепной драмы мы уже отчасти знакомы: это Клима и жена его. Все хозяйство ихъ заключается въ свиньѣ и козѣ. У Клима нѣтъ денегъ, чтобы заплатить дьяку за обученіе его сына,—вотъ онъ и отдаетъ ему не безъ хитрости свинью, у которой „ребра такъ и свитаться“¹⁾. Въ первой интермедіи Георгія Конисскаго мы видимъ на сценѣ мужика, повидимому хлѣбороба зажиточнаго. Онъ наслаждается созерцаніемъ уродившей нивы, сомнѣваясь, чтобы *мудрогели*

сочувствіемъ, потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время страствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, при чемъ бурсаки передали вертепный текстъ и цѣлое пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ“. Кіевская Старина, 1882 г., Октябрь.

¹⁾ Отрывки изъ вертепной драмы мы будемъ приводить по согирынскому тексту Г. П. Галагана. Текстъ г. Марковича намъ кажется позднѣйшимъ.

больше его понимали въ хлѣборобствѣ. Рисуетъ онъ жите-
бытье свое, исчисляетъ повинности и нужды свои:

«Треба и на правенты, тулко б зъ того дбаты,
И себе б то самого зъ детми годоваты» ¹⁾.

Если бѣдный Климычъ несетъ расходы на школу, то тѣмъ
паче состоятельный хозяинъ:

«Треба», говоритъ онъ, «и роковщину, щю школу зучае,
Треба жъ и тымъ, щю миркають щю-небудь уткнуты».

Неизвѣстно, отчего обѣднѣлъ Климычъ, по собственной-ли
винѣ или отъ насилій панскихъ. Вообще онъ не поставленъ
въ сферу социальныхъ отношеній, оттого черты его недоста-
точно ясны и выразительны. Бросается въ глаза только его
добродушный юморъ. Когда не стало у него и козы по соб-
ственной винѣ его, то онъ утѣшаетъ себя такъ: „понесу жъ
ии (козу) до дому, та отдамъ собакамъ шкуру, а изъ мняса
справлю жинци кожухъ“.

Въ такомъ-же освѣщеніи выступаютъ предъ нами кресты-
яне и въ другихъ интермедіяхъ. Въ одной изъ нихъ мирно
бесѣдуютъ между собою два почтенные отца семейства—Жов-
ридь и Онопрій. Оба они жалуются на продолжительность и
тяжесть великаго поста. Въ ироническомъ тонѣ хвалятъ они
своихъ женъ за то, что онѣ мастерски готовятъ кашу
и соломаху. „Якъ наймось, говоритъ Жовридь, соломахи въ
смакъ съ березовымъ сокомъ, то хто черевомъ повзе, а иншій
и бокомъ“. Не нравится имъ и то, что отецъ духовный

Загадуе по тижнямъ до церкви ходиты,
Та ще рано и вечеръ поклоны быты,
А що бъ люльки потягты, табаки понюхать, того
не дай Боже,
Та вже то винъ выдумаетъ, чого и негоже».

¹⁾ Отрывки изъ интерлюдіи Г. Конисскаго приводимъ по списку съ руко-
писи церковно-археологич. музея при кievской Академіи по описанію этихъ руко-
писей № 659 и 664. По той же рукописи интерлюдіи Конисскаго напечатаны
въ „Древней и Новой Россіи“, 1878 г., Ноябрь.

Единственное утѣшеніе остается имъ, что скоро „Великдень“. Только что подумали они „про те Ряздво, що роблять паску“, какъ вдругъ прибѣгаетъ сынъ Онопрія Педь и извѣщаетъ отца, что видѣлъ онъ, какъ на закатѣ солнца вѣхалъ къ нимъ въ деревню давно ожидаемый „Великдень“. По наружному виду это былъ

«челядинъ гречный,

Волю въ іого не похужѣ; та и визъ валечный,
 На іому чекминь, якъ снѣгъ, шапка выгилярка,
 У черчатымъ поясѣ, хустка въ бока гарна,
 Въ поливяныхъ чоботяхъ, штаны тузенковѣ,
 Червоная застѣжка и чоботы нови,
 Въ рукахъ іого червоная короговка мас,
 Ковбасою винъ стихенька волю поганье».

Обрадованные этою вѣстью, Жовридь и Онопрій помышляютъ уже о томъ, чтобы приступить къ „розговинамъ“. Въ это время появляется Педоря, жена Онопрія, и проситъ ихъ, чтобы они помогли ей вынуть изъ печи паску. Говоритъ она, что

«Вже и кочергою, и заступомъ довбала,
 Та ничого не вражу, дужа до череня пристала.
 Охъ, тамъ же то була—вдаласа,
 Що якъ сажала въ пичь, то на сажинь тяглася».

Оказалось, что пасха нигуда не годится „ни къ людямъ, ни къ Богу“. Такая же неудача постигла Педорю въ приготовленіи и другихъ пасхальныхъ яствъ—поросенка и яиць. Наступило разочарованіе полное.

«А що бъ же ты», говоритъ Онопрій своей женѣ, «индѣ царскій вѣнецъ не пидійшла, шевлюго проклята,
 Се жъ ты наробила, що не знатыmemo свята».

Отъ этой живой бытовой картинки вѣтъ наивною простотою нравовъ, которые и теперь еще не исчезли въ мало-русской деревнѣ. Тѣ же святочные сцены происходятъ въ нашей современной сельской обстановкѣ, тотъ же благодушный ропоть мужей на торопливое „поранье“ женъ передъ сватками,

тотъ же юморъ, тѣ же рѣчи, за исключеніемъ, можетъ быть, *пивопръзной* фантазіи, создавшей образъ „Великоднѣ“, ѣдущаго на возѣ „рыжими волами“, которые едва „тянутъ ноги за ногами“¹⁾.

Иногда въ интерлюдіяхъ сельскій обыватель является со-всѣмъ недалекимъ и недогадливымъ человѣкомъ. Такъ, во второй рождественской интерлюдіи М. Довгалевскаго одинъ крестьянинъ рассказываетъ двумъ собесѣдникамъ своимъ сонъ и призываетъ къ себѣ бабу, которая отгадываетъ сонъ въ благопріятномъ смыслѣ. Цыганка подслушала разговоръ о чудесномъ снѣ и рассказала сновидцу о томъ, что ему снилось, вытянувъ при этомъ у него изъ-за пазухи хустку: „о се жъ, братци“, восклицаетъ онъ: „цыганка якая из-лиха, на память до слова беретъ з торби, якъ з мѣха!“²⁾.

Какъ бы для того, чтобы рѣзче отгнать медленность и неповоротливость крестьянина, поставленъ рядомъ съ нимъ проворный, юркій цыганъ. Вѣчно голодный бродяга, онъ живетъ кузнечнымъ ремесломъ, а жена его ворожбою. Скудные заработки свои они восполняютъ обманомъ и воровствомъ.

«Чомъ, цыгане, не орешъ?»

спрашиваетъ цыганка своего мужа въ вертепной пѣснѣ.

«Бо не маю плуга», отвѣчаетъ онъ,

«Тильки въ мене плужка,

За полсомъ пужка».

— «Чомъ, цыганко, не прядешъ?»

спрашиваетъ онъ свою жену.

«Бо не вмю прлсты», отвѣчаетъ она:

Изъ-за гню выглядаю,

Щобъ сорочку вкрасты».

¹⁾ Рукописный сборникъ, принадлежавшій въ 1817 году какому-то семинаристу, студенту риторіи. Изъ лубенскаго архива Е. Н. Скаржинской. № хр. кат. 2346.

²⁾ Отрывки изъ интерлюдій М. Довгалевскаго приводимъ по рукописи 1736 года, хранящейся въ бібліотекѣ Києво-Михайловскаго монастыря подъ № 1710.

Впрочемъ, къ цыгану относится крестьянинъ безъ особаго озлобленія: онъ видитъ въ немъ дитя природы, повинующееся ей слѣпымъ инстинктамъ,—зло, столь же неизбежное въ жизни, какъ и разрушительныя стихіи природы. Этотъ взглядъ на цыгана лежитъ въ основаніи шутливаго, беззлобнаго настроенія, выражающагося въ народныхъ сказкахъ о цыганахъ; тотъ же взглядъ господствуетъ и въ драматическихъ сценахъ вертепа и интерлюдій, въ которыхъ появляются цыгане.

Не то положеніе занимаетъ въ нихъ еврей. Это уже хищникъ сознательный, поэтому въ изображеніи его замѣтна добрая доля сатирической желчи, которая обнаруживается въ томъ, между прочимъ, что въ сценахъ столкновенія цыгана съ евреемъ всегда дается предпочтеніе торжеству перваго надъ послѣднимъ, а не наоборотъ, причемъ посрамленіе еврея подчеркивается съ особеннымъ удовольствіемъ. Такъ, въ пятой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго рассказывается о томъ, что у еврея украли кобылу. Горюетъ онъ, припоминая добрыя качества своей кобылы:

«Сцо така вѣсна я та була кобила,
Вона, якъ цоловѣкъ, то такъ говорила.
А взе якъ дома, то з оранды не вѣдбита,
Медъ, горѣлку и пиво умѣеть було пити».

Боятся онъ показаться передъ женой и покупаетъ при посредствѣ Грека у какого-то Волоха кобылу, которая „такъ, якъ тая, хвостомъ кивае“. Это была его собственная кобыла, которой онъ не узналъ. Является цыганъ, союзникъ Грека и Волоха, укравшихъ кобылу:

«Бачу, говсритъ онъ, що и жида вже конѣ волочать,
Тилко бѣднихъ цыганъ злодѣйствомъ порочать».

Съ угрозою отбираетъ онъ у еврея свое добро. Такимъ образомъ еврей вдвойнѣ одураченъ: потерялъ онъ свою кобылу, да еще и деньги за нее заплатилъ.

Съ высоты величія смотритъ еврей на міръ Божій. Онъ глубоко убѣжденъ, что его племени принадлежитъ великое бу-

дущее. Міровоззрѣніе это выражено въ немногихъ словахъ вертепной драмы:

«Явреевъ, говоритъ онъ, самъ Богъ засписцавъ,
 За огненнымъ стовпомъ ихъ ховавъ,
 Сце друге цудо винъ лудсе взробифъ,
 Якъ у Цорному морю все вийско затошифъ.
 Мойсей, Аронъ, Давидъ—вони жъ пакъ насъ святни,
 Озидали-зъ Меснаса и тии,
 Винъ пакъ якъ прыйде,
 Кругомъ насъ обийде
 И сказе такъ:
 «Цесни явреи! Я царь васъ,
 Теперь и свить весь насъ!»

Чтобы осуществить эту мечту, еврей по неодолимому влеченію природы весь погруженъ въ мелочи жизни, которая ведутъ къ наживѣ. Во второй воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго дьяволъ даетъ ему, какъ своему подданному, заповѣдь такого рода:

«Яждь вся, яже суть въ мпрѣ, яже держить море,
 А хлѣба не яждь, за что будетъ тебѣ горе».

Еврей размышляетъ, что дьяволъ хочетъ обмануть его, „що бъ з свѣта зогнати“.

«А я таки не хоцу, сцобъ іому служити,
 А я такп все буду тутъ орандовати,
 Горѣлку, медъ и пиво буду продавати,
 Або по ярмаркахъ произдзатись буду
 З одного да на другій с тимъ, цого не збуду».

Онъ рѣшаетъ пожертвовать одной только свиной. Въ это время является цыганъ:

«А ти, старе заткало, сцо тутъ поробляешъ»,
 спрашиваетъ онъ,

«Чи витришки продаешъ, чи кѣнми мѣняешъ?»
 — «Я бо не того роду, отвѣчаетъ еврей, сцобъ
 кѣнми мѣняти,

Миѣ дай тилко наниткомъ всякимъ синковати».

— «А сала аambo ковбасъ продавати не случалось?

Коли бъ вони теиерь, то бъ то смаковалось».

— «Не кази скоромного, а й слухать не хоцу» ...

— «А ти теиерь не пси скоромного, жиде,

Дакъ се, якъ бачу, твѣй постъ николи не зійде?»

— «Насъ Равъ бо намъ приказавъ, отвѣчаетъ еврей,

не исти свинины,

А самъ узе на той свѣтъ посовъ есце вцора,

Тамъ вѣнъ теиерь истъ въ небѣ вола соробора» (sic).

Цыганъ глумится надъ этимъ обрядовымъ благочестіемъ:

«Коли жъ такъ, говоритъ онъ, вже й його дѣдько

к собѣ справивъ,

Бо коли бъ вѣнъ въ небѣ бувъ, небо бъ заплугавивъ» ...

И вотъ у этого еврея нерѣдко приходилось крестьянину служить наймитомъ: положеніе, по народнымъ понятіямъ, тягостное и унижительное.

«Не дай мени, Боже, говорится въ одной народной пѣснѣ,
служащего хлиба:

Служащій хлибъ добрый, та тилько вымовний:

По кусочку крае, що для вымовляе»¹⁾).

Однако же, и въ положеніи наймита этотъ самый простоватый и придавленный крестьянинъ держится съ сознаниемъ своего достоинства. Въ четвертой рождественской интерлюдіи Довгалеvскаго еврей приказываетъ своему наймиту поганять воловъ, чтобы поспѣть на ярмарокъ:

«Сяди жъ бо, коли сѣдишь», отвѣчаетъ ему наймитъ,

Якъ покнну, то озметъ (тебе) дьяволова мати!»

— «Якъ покннесь, говоритъ еврей, то не дамъ твоен
заплати».

— «Я из горла видеру, спокойно замѣчаетъ наймитъ,
якъ рову добуду».

¹⁾ Чубинс., V, 1020.

Сцена оканчивается миролюбиво: наймитъ пасеть воловъ и варить подорожную кашу, а еврей разбиваетъ шатеръ и торгуетъ водкой.

Вообще крестьянинъ, появляющійся въ интерлюдіяхъ, есть лицо далеко не пассивное. Онъ умѣетъ постоять за себя тамъ, гдѣ это возможно. Такъ, въ третьей воскресенской интерлюдіи Довгалеваго мы видимъ крестьянина съ сыномъ на торгу. Отецъ оставилъ сына на возѣ и приказалъ ему смотрѣть, чтобы все было цѣло, а самъ отправился за покупками къ празднику. Подходятъ къ возу три ярыги и, запугавши мальчика, утаскиваютъ мѣшокъ съ пирогами. Возвращается отецъ и видитъ, что пироговъ нѣтъ. Ворчитъ онъ на „негѣднаго сына“.

«Якъ би взявъ щоб не влучивъ, куди угѣкати,
То б воно памятало, якъ то доглядати».

Хотѣлъ онъ было купить сыну къ святкамъ „шапчину“, а теперь, грозно заканчиваетъ онъ выговоръ свой, „ходи безъ шапки, неотецький сину“. Въ это время подвертывается ловкій ярыга и предлагаетъ купить шапку. „Щасливе яке“, замѣчаетъ отецъ, „нѣ гадавъ купить пличка, а тутъ якъ на тое чортъ приніосъ ис товаромъ“... Не сходится онъ въ цѣнѣ за шапку. Ярыга пристааетъ.

«Пѣди ти, говоритъ мужикъ, непелюго, не видали шапки»...

«Да что ти, безтолковой, запальчиво кричитъ ярыга, меня
здесь ругаешь,

Какъ нападу за хахолъ, дакъ ти мени визнаешь!»

«Ось я жъ тебе напередъ, спокойно замѣчаетъ мужикъ,
хлудиною гречѣ,

Якъ писаночку, свищу помаленку плечѣ».

— «Какъ, Чурунъ, мне тронешь», продолжаетъ горячиться
ярыга, глаза растаскаю

И валоса з галови всіе повприваю!»

«На, колы хочъ, отвѣчаетъ мужикъ, з денгою алтинъ за
шапчину,

А придатку до кони колякою в спину».

Но если въ стольновеніяхъ съ цыганомъ и евреемъ мало-русскій крестьянинъ долженъ былъ обладать личною энергією,

то въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ нужна была, сверхъ того, иная сила—въ некоторомъ образомъ политическая,— нужно было, чтобы сельскій пахарь превратился въ козака. И вотъ предъ нами выступаетъ въ интерлюдіяхъ прошлаго вѣка другой типъ, взятый изъ народной жизни.

Въ пятой воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго ляхъ хочетъ продать мужиковъ своихъ безъ земли, какъ живой товаръ. Еврей совѣтуетъ ему заарендовать мужиковъ. Ляхъ идетъ на эту сдѣлку. Дѣло покончено съ евреемъ за 100 злотыхъ. Ляхъ получаетъ задатокъ съ тѣмъ, чтобы еврей отдалъ остальное, когда наступитъ война противъ хлопковъ за то, что они вмѣстѣ съ козаками посягаютъ на „шляхетски клейноды“. Является козакъ.

«Що б то се за причина и якъ розважати»,
говорить онъ,

«Що ляхи-шляхвостя людіи продавати почали?»

Одинъ изъ мужиковъ обращается къ нему съ просьбой о помощи:

«Будь ласковъ, козаче, визволь з сего лиха,
Якъ прийдешъ до мене, дамъ вовса полмѣха».

— «Не буйся, чоловѣче», отвѣчаетъ козакъ, «буде
самъ вертѣти

Хвандамы, якъ будемо въ ярмо запрягати,
То вже не одважиться людей продавати».

Ляхъ, какъ провинившійся школьникъ, конфузливо извиняется и обѣщаетъ впредь не грѣшить.

«Годѣ калантирять», отвѣчаетъ ему козакъ, «зволь
шію в ярмо класти,

Да пондем до мене з жидомъ овецъ пасти».

Теперь обратимся къ этому козаку въ минуту интимной бесѣды его съ самимъ собою, чтобы видѣть, какъ понимаетъ онъ козацкое дѣло свое. Третья рождественская интерлюдія Довгалевскаго начинается слѣдующимъ монологомъ козака:

«Бувъ у турка под руками,
 А в татаровъ з кайданами,
 Богъ виручивъ мя оттуду,
 А тепер мѣсця не найду.
 Лѣсы, поля спустошенни,
 Лугы, сѣна покoшени,
 Пороспускавъ дѣты,
 Пойду знову на Сѣчь-мати,
 Пойду долѣ внизъ шуваты:
 А чеи буду потугою,
 А в москаля заслугою?
 Чи не буде хочъ на низу добра,
 Чи не трапится де поймати лиса або бобра?
 Буду туржовъ воевати,
 Мечемъ слави добувати,
 Кармазини з луданами,
 Шати брати з сутанами.

Эгей! Коли б внять, якъ була козацкая слава,
 Що б роспустилась всюди, якъ пѣрами пава,
 И що б зацвѣла знову, якъ рожа, у лѣтѣ,
 Якъ Богъ позволить побрать турецкїи дѣти,
 Або ляховъ на той час трапится поймати
 И сѣмъ кіемъ козацкимъ по ребесахъ дати».

Итакъ, козаць живеть добычей, ибо на родинѣ его все
 разорено. „Сѣчь - мати“ не потеряла для него притягательной
 силы. Мечтаетъ онъ о казацкой славѣ, которую поставляетъ въ
 истребленїи турокъ и ляховъ. И однако же, одной доброй воли
 и личной храбрости мало было для того, что бы одолѣть вра-
 говъ, поэтому козаць охотно принимаетъ услуги отъ москаля
 и готовъ выслужиться передъ нимъ. Эта послѣдняя черта ко-
 зака явствуеть изъ дальнѣйшаго хода той-же интерлюдїи. Ляхъ
 на охотѣ, въ толпѣ своихъ сподвижниковъ. Крестьяне (литвины),
 подданные его, приносятъ ему подарки. Онъ отплачиваетъ имъ
 кіями, причемъ разсуждаетъ о возстановленїи Польши въ стар-
 ыхъ границахъ ея. Онъ строитъ воздушные замки и, по обык-
 новенїю, надѣется на многое. Онъ упоенъ идеей шляхетскаго

происхожденія своего, собственной силы и храбрости своей.
Какъ вдругъ появляется козакъ и москаль

«Пріймайся, козакъ», говоритъ ему москаль,
«не бойся, бери зъ плечей двохъ,
А я тотчасъ уберу долгополыхъ отъ тихъ,
А што здесь о рубежахъ они спаминнали,
Будто лашенки Украинну въ областяхъ держали,
Добро, вотъ покажемъ рубежи кнутомъ на спинѣ».
«И добре, земочку», отвѣчаетъ ему козакъ,
«що бъ другій намытавъ,
Да и дѣдчой своей дитинѣ заказавъ!»

Вообще появленіе москаля производитъ на сценѣ чудеса.
Это какая-то всемогущая и бурная сила. Ляхъ предъ нею сми-
ряется, мужикъ становится увѣреннымъ въ собственной силѣ.
Москаль ведетъ себя развязно и смѣло.

«Я салдаты прастой, не богословъ»,
говоритъ онъ о себѣ въ вертепной драмѣ,

«Не знаю красныхъ словъ,
Хотя я отечеству суть защита,
Да спина въ меня избита,
Чытать и писать не вмѣю,
А гавару, што разумѣю»¹⁾).

Онъ постоянно слѣдитъ за тѣмъ, нѣтъ-ли гдѣ раздоровъ.
Въ четвертой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго онъ
вмѣшивається съ этимъ вопросомъ въ мирную бесѣду ксендзовъ,
толкуеть отвѣтъ одного изъ нихъ въ оскорбительномъ для себя
смыслѣ и затѣмъ двухъ ксендзовъ запрягаетъ, а третьяго за-
ставляеть погонять запряженныхъ собратьевъ и ѣдетъ въ Пол-
таву. Всюду онъ поспѣваетъ, вездѣ является, какъ власть иму-
щій. Въ первой интерлюдіи Ковисскаго мужики отдають ему на
расправу бабу—чаровницу. Москаль допрашиваетъ бабу, какъ
судья, и наказываетъ ее кнутомъ, добиваясь за это вознаграж-

¹⁾ Варіантъ Маркевича.—См. „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малорос-
сіянь“, 1860 г., стр. 45.

денія. Не получивъ такового, онъ всѣхъ разгоняетъ—и мужиковъ, и бабу, и самого войта, присутствовавшего при этой сценѣ.

Тотъ же буйный нравъ и у запорожца, только, по свойству народнаго характера, фигура его массивнѣе, чѣмъ подвижная и бойкая фигура москаля. Въ извѣстныхъ намъ интерлюдіяхъ нѣтъ запорожца, зато въ вертепной драмѣ онъ выступаетъ, какъ главное дѣйствующее лице, воплощающее въ себѣ всеобщающую мощь народнаго духа, всегда искавшаго въ Запорожьѣ опорной точки для своей самодѣтельности.

Появляется запорожець въ вертепѣ тотчасъ послѣ хвастливыхъ рѣчей поляка. Онъ поетъ:

«Та не буде лучше,
Та не буде краше,
Якъ у насъ, та на Украиня,
Що не мае жыда,
Що немае лиха,
Не буде измпы!»

Пѣсня эта обращаетъ въ бѣгство поляка, а затѣмъ запорожець произноситъ длинный монологъ, на которомъ мы и остановимся.

Пославъ въ догонку поляку нѣсколько язвительныхъ фразъ, запорожець говоритъ зрителямъ необычныя слова:

«Хоть дывысь на мене, та ба—не вгадаешъ,
Видкиль родомъ, и якъ зовуть—ни чичпрѣзъ не знаешъ».

И въ самомъ дѣлѣ, не имя, а *призвище* его извѣстно людямъ,—и то тѣмъ только, кто бывалъ въ степяхъ. Впрочемъ, онъ и къ *призвищу* своему равнодушенъ. Ему все равно, какъ бы кто ни называлъ его—лишь бы не крамаремъ. Къ ремеслу крамаря, которое находилось главнымъ образомъ въ рукахъ евреевъ, старинное козачество относилось съ особеннымъ отвращеніемъ. Настроеніе это согласовалось съ завѣщаніемъ козакамъ Богдана Хмельницкаго въ извѣстной драмѣ: „Милость Божія... Украину освободившая“:

«Сми не кучуйте,

Луки, стрѣлки, мушкеты и сабли ильвуйте!»¹⁾

Итакъ, герой нашъ—житель степей. Онъ появляется лишь изрѣдка въ населенныхъ мѣстахъ, потому что давно уже порвалъ связи съ своимъ прошлымъ.

Кто-же поставилъ его въ это положеніе? Самъ-ли онъ доброю волею своею осудилъ себя на эту жизнь безпріютнаго скитальца, или же она послана ему злою судьбою его?

«Якъ бувъ, говорить онъ, богатъ
То казали: Иванъ братъ,
А теперь, якъ ничего не маю,
То никто й не знае».

Это—обычный мотивъ, который не рѣдко развивается и въ думахъ семейнаго содержанія, и въ виршахъ: „одцурався ридъ“...

Вотъ изъ этихъ-то людей, не находившихъ въ семейной обстановкѣ уютнаго и прочнаго положенія, и слагалась та вольная община, которая сама для себя была матерью. Сыномъ этой матери и былъ вертепный запорожець:

«Видкиль родомъ я на свити,
Всякъ изъ васъ може знать прымиты:
Жинокъ въ Сичи не мае,
Всякъ тее знае,
Дыкаи кони намъ сусиды,
Да дннпروه сремя—
Ого наше племя!»

Постарѣлъ онъ. Силы ему измѣнили. Объ этомъ говорить онъ въ духѣ нравоучительныхъ виршей:

«Тымъ-то бачу, що вже не добра литъ нашихъ годына,
Скоро цвите и вьне, якъ у поли былнна».

Весь героическій вѣкъ—позади его, а впереди—безпомощная старость, и ничего больше не остается ему, какъ покориться общей участи живущихъ и умереть, если можно, спокойно.

¹⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I.

«Хоча жъ мени и не страшно, говоритъ онъ,
на стеву виираты,
Та тилько жаль, що никому буде поховаты».

И это понятно. Козацкія похороны, какъ видѣли мы изъ многихъ малорусскихъ думъ, это обычная мечта степныхъ рыцарей. Вотъ и нашъ запорожець рѣшается лучше идти на Русь, чтобы попы „одпомыналы“ его душу. Но тутъ беретъ его раздумье: какъ умереть ему *на лавѣ*, въ мирной обстановкѣ жизни, а не на полѣ битвы? Припоминаетъ онъ молодые годы свои:

«Случалось мнѣ и не разъ»,
говоритъ онъ словами думы,

«Въ стеву варыть пиво:
Пивъ турчыня, пивъ татарыня, пивъ и ляхъ на дыво,
Багацько лежыть и теперъ зъ похмилля
Мергвыхъ головъ и кистокъ отъ того весилля...
Есть у мене, продолжаетъ онъ, мушкетъ—сиромаха,
Да ще не заржавила и шабля—моя сваха».

И кажется ему, что онъ могъ бы еще потряхнуть стариною:
«Гей, ну-те жъ ви, степы, восклицаетъ онъ, горить пожарами,
Бо вже часъ кожухи мнѣ на жуланы зъ ляхамы!»

Но это была вспышка горячаго воинскаго чувства,—искра, навѣянная воспоминаніемъ о степныхъ пожарахъ и скоро потухшая въ немоцахъ безсильной старости.

«Пекъ имъ», говоритъ онъ, якъ наможуться, то мусышь
устуныты...

Цуръ имъ! Бодай ихъ! Якъ навыклы ляхи насъ дурыты!»

Въ заключеніе этой длинной исповѣди запорожець называетъ себя по имени:

«Козакъ Иванъ Выногура,
У ёго добра натура,
Въ Польци ляхивъ оббирае,
А въ корчми пропывае...
Въ стечахъ бобры та лысыци,
А въ шынку диввы та молодыци.

Козакъ - душа правдивая,
 Сорочки не мас,
 Колы не пѣе, такъ... бѣе,
 Такы не гуляе»...

Предъ нами тотъ же типъ, который яркими чертами обрисованъ въ думахъ о козакъ-голотѣ, о козакъ-нетягѣ и о Ганжѣ Андыберѣ. Все это были люди, которые съ недовѣріемъ относились къ обычнымъ формамъ культурной жизни подъ вліяніемъ того убѣжденія, что она построена была на сословно-исключительномъ началѣ крѣпостнаго права. Только тѣ формы общежитія они могли считать правильными, которыя вытекали изъ идеи всенароднаго козачества, считавшаго неотъемлемою принадлежностію каждаго человѣка личную свободу, личную собственность на своей землѣ и всеобщее равенство всѣхъ козаковъ, управляемыхъ выборными властями. Эта широта требованій, не согласовавшаяся съ политической обстановкою страны и не приведенная въ надлежащую юридическую ясность, сообщала самымъ требованіямъ характеръ утопіи, а носителямъ этой утопіи давала видъ странныхъ мечтателей, создавшихъ своеобразныя представленія о волѣ, возможной по условіямъ того времени въ степяхъ, а не въ культурныхъ центрахъ. Безъ сомнѣнія, эта непримиримость идеала съ дѣйствительностію ничего добраго не обѣщала въ будущемъ самому идеалу, тѣмъ болѣе, что защитники его не могли выработать въ степяхъ ни культурнаго метода борьбы за существованіе, ни такта, ни послѣдовательности. Нельзя отказать имъ въ энергіи и сильномъ темпераментѣ, который заставлялъ ихъ мѣнять насиженные родныя мѣста на дорогую волю, соединенную со всякаго рода лишеніями и опасностями боевой жизни. Само собою разумѣется, что этого было мало... Тѣмъ не менѣе составители вертепа въ угоду народному чувству дали запорожцу черты всеокрушающаго героя. Онъ наноситъ удары направо и налево—прогоняетъ со сцены шинкарку и цыганку, убиваетъ жида, отбивается отъ самаго чорта, который долженъ былъ смириться предъ его булавой. Всѣмъ этимъ подвигамъ бующей силы не достаетъ, конечно, индивидуальныхъ мотивовъ, но въ народномъ театрѣ особенную

цѣнность имѣютъ мотивы, такъ сказать, этнографическіе, вполне вразумительные для каждаго при одномъ взглядѣ на тѣхъ лицъ, съ которыми имѣетъ дѣло запорожець. Тою же общедоступностію мотива отличается и встрѣча его съ уніатскимъ попомъ, который появляется на сцену въ ту минуту, когда въ душѣ запорожца проснулась мысль о покаяніи:

«Де бѣ то»,

говорить онъ въ самообличительномъ, ироническомъ тонѣ,

«достать попа хоть ледащичку,

Абы не пъяничку,

Бо я, признаться, самъ того не люблю».

Начинаетъ попъ исповѣдывать грѣшника, который говоритъ ему:

«Ходывъ я зъ малу по блтому свиту,

Бывъ лихивъ, жидивъ,

Кушцивъ, панивъ,

И всихъ, кого заманеться.

Правду сказать, уніатськихъ попивъ не бывъ,

А зъ ныхъ живыхъ кожу лупивъ».

Послѣ этихъ словъ попъ убѣгаетъ.

Таковъ герой вертепа—этотъ степной рыцарь, горячій, искренній и необузданный. Много силъ у него физическихъ и нравственныхъ, но не умѣетъ онъ дать этимъ силамъ надлежащаго направленія, недостаетъ ему чувства мѣры, а также обдуманнаго плана дѣйствій. Повидимому, и самъ онъ сознаетъ этотъ недостатокъ. Уходя со сцены, онъ говоритъ зрителямъ:

«Що було, прошу про те не помынати,

Бо вже иду теперъ въ куринь вику доживати».

Любопытно, что приведенная нами вертепная вирша, въ которой запорожець высказываетъ свое сredo, обыкновенно подписывалась на старинныхъ картинахъ подъ изображеніемъ запорожца, играющаго на бандурѣ, съ добавленіемъ слѣдующихъ стиховъ:

«Гей, бандуро моя золотая!
 Коли бь до тебе жинка молодая,
 Скакала бь и плисала бь до лыка,
 Що не одынь бы чумаць одцурався бь солы и миха.
 Або якъ заграю, то не одынь поскаче,
 А плождавши одъ того несилла та ще й заплаче».

Эта бандура, вѣрный спутникъ бездомнаго скитальца, общаетъ его образу глубоко поэтической отгѣнокъ. Неудачно спѣлъ онъ свою пѣсню въ жизни, поэтому и перенесъ всю страсть души своей въ думу о своей жизни. И пѣлъ онъ эту думу подъ звуки бандуры, которую называлъ „дружною вирною“, а передъ смертію положилъ онъ ее на степной могилѣ, чтобы буйный вѣтеръ, по степямъ летая, извлекалъ изъ струнъ ея смутные и жалобные звуки¹⁾...

Малорусскія вирши историческаго содержанія.

Отзывалась-ли старинная южно-русская школа на текуція явленія жизни?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ множество виршей историческаго содержанія, написанныхъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ минуты.

Изъ первой половины XVII в. особеннаго вниманія заслуживаетъ острожскій *Ляментъ*, написанный по поводу несчастнаго событія, случившагося въ г. Острогѣ въ 1636 г. Содержаніе *Лямента* обозначается въ его заглавіи: „Ляментъ о прыгодѣ нещанъ... мешчѣ острѣкѣ, що ся и влане придало на днѣ урочищаго свята з матѣвы встанія пѣа спайтеля нашего в понеделѣ в процесии идучи пѣа прийдѣ ей милочи пѣей воеводиной виленской“. Воеводиной виленской была въ то время владѣлица г. Острога, внучка знаменитаго князя Константина Константиновича Острожскаго, вдова воеводы виленскаго и великаго

¹⁾ Метлинскій, Народныя южногус. пѣснв, 445. Вмѣстѣ съ г. Сумцовымъ (Кіев. Старина, 1889 г., Сентябрь) мы считаемъ думу о прощаніи козака съ бандурою по основному мотиву и многимъ подробностямъ въ развитіи его вполне народной.

гетмана литовскаго, Анна-Алоиза Ходкевичъ, въ послѣдствіи іезуитская праведница. По наущенію іезуитовъ она приказала своимъ слугамъ украсть изъ замковой Богоявленской церкви гробъ съ тѣломъ ея отца, князя Александра Константиновича Острожскаго († 1603), и перенести его въ построенный ею костелъ при острожскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Похищеніе совершено было ночью, въ самый день Пасхи 1636 года, и вызвало глубокое негодованіе среди православныхъ мѣщанъ г. Острога.

«И на щѣ ся вѣ зышло, презацные ѿцеве»,
обращается сочинитель *Лямент* къ оо. іезуитамъ,

«Кѣ те в тому привели поцтвную матрону,
Кѣ естъ тѣло порушеное ѿца еи з гробу?
Снѣ ся нынѣ мѣтвы даремне мовляють,
Бо тѣла лѣкские покою в гробѣхъ не маю».

На другой день послѣ похищенія произошло кровавое столкновение между мѣщанами и слугами воеводиной виленской. Дѣло было такъ. Изъ Богоявленской замковой церкви вышелъ народъ съ духовенствомъ для совершенія крестнаго хода. Въ это самое время возвращалась изъ костела Анна-Алоиза въ каретѣ, съ длиннымъ цугомъ, окруженная своими дворянами и слугами. Ей нужно было проѣхать въ замокъ чрезъ мостъ, почти у самой паперти церковной, гдѣ стояла густая толпа народа. Велѣно было очистить княжнѣ дорогу. Толпа не слушалась. Раздраженная Анна-Алоиза приказала кучеру ѣхать прямо на толпу, причемъ „вѣница почѣ людей бичовати“. замѣчаетъ сочинитель *Лямент*. Тогда люди, продолжаетъ онъ,

«всѣ ся порвалг,
Кыи побрали».

Въ свою очередь

«Слузи и всѣ дворяне,
Видячи, же не жѣтъ, впнулися на нѣ едностѣне,
Шабель добывшы»,

Началась свалка. Народъ окружилъ поѣздъ княжны и хотѣлъ было сбросить ее вмѣстѣ съ каретой съ моста, о чемъ, впрочемъ, сочинитель *Ляменты* не упоминаетъ. За то онъ рассказываетъ о томъ, что многіе

«с перестраха въ вѣ з мосту падали,
Шып ламали».

Почтительно называя княжну *матроной* и стараясь „на обѣ сторонѣ правду признаты“, онъ, однако же, не безъ ироніи замѣчаетъ, что княжна

«На звича пѣськи на цвитарь утѣваетъ,
Быва са размножаѣ».

Возстаніе усмирено было только тогда, когда старосты ближайшихъ селеній прибыли въ городъ съ свѣжими подкрѣпленіями. На другой день утромъ начался судъ надъ бунтовщиками.

«Мещѣ зацнѣ в колоду посажано,
А наубогшѣ в темницу загнано,
Абы ропрывы до часу чекалы и голо дали.
Нѣмашъ ся, ѣ розмовити з сосѣды,
Бо потаемною зрады поно завсѣгды:
Та пѣ овнами и в ночи слушають,
що розмовляють.
Подъ ча ярмаку нѣвгды славного,
А теи, реку, кужь занедбалого,
На самую изгарду зветчи ѣ казано,
Жебы стивано.

Тамъ килку мещѣ мечемъ прывро стято,
Четвертому ушы и носа утыто,
А оны труны ховать заказали,
Псомъ торгати дали».

Признавая схизматическихъ поповъ подустителями черни, трибуналь, судившій это дѣло, опредѣлилъ изгнать ихъ въ числѣ 46 человекъ изъ предѣловъ острожскихъ имѣній.

Такъ окончилась эта печальная исторія, у современниковъ извѣстная подъ именемъ „острожской трагедіи“.

«О ты, Острогу, мѣсто справедливое,
заканчиваетъ рассказъ свой сочинитель *Ляменты*,

Въ тобѣ бывали мѣшканы цнотливые,—
Ты было хлѣбомъ вѣжде приходневы.
Ты убогому маткою было студитови,—
В тобѣ хто мешка, нѣгды не шкодова, хто ся шанова.
Терѣ не стѹтежь! На щѣ южь приходыты!
Снаги си южь на тое, подобно, заводыты,
Жебы южь было в нѣвечь обернено,
Зѣ грунту зничоно!»¹⁾

Въ основѣ *Ляменты* польская рѣчь и даже польская рифма, не вездѣ удачно переложенная на славяно-русскую фонетику, но мысли и чувства въ немъ русскія²⁾. Написанъ *Ляменты* спустя не болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ острожскаго событія (14 іюля) и посвященъ Петру Могилѣ. Замѣчательно, что сочинитель, скрывшій свое имя подъ инициалами Н. М. и называющій себя „найнызшимъ служебныкомъ з служебныковъ“ знаменитаго митрополита, писалъ свои вирши въ г. Ровно „з наубогшей школы“. За исключеніемъ „Ляменты“, мы не знаемъ другихъ виршей, которыя написаны были бы въ „наубогшей“ школѣ. Какъ и вездѣ, политикою въ южной Руси занимались преимущественно люди, вкусившіе высшаго знанія. И нашъ

¹⁾ Подлинная рукопись, современная самому событію, получена нами изъ сѣдлецкой губерніи отъ почтеннаго собирателя устныхъ и письменныхъ произведеній южно-русской старины И. П. Андриѣскаго.

²⁾ Таковы, напр., слѣдующія рифмы:

„Еды мешани обрѣся зухвалы,
А для одного вишки вини зосталы,
Же ся на поля ии-ского замѣрилъ
Сиа го ударилъ“.

Въ славянской транскрипціи нарушена рифма: очевидно, въ польскомъ подлинникѣ послѣдній стихъ читался такъ: *Snadz go uderzył*.

лиментующій авторъ, судя по складу его стиха, обнаружилъ значительное знакомство съ польскою литературою.

Думаемъ, однако же, что и народная малорусская школа по условіямъ того времени, когда въ борьбѣ за существованіе народъ напрягалъ всѣ свои силы, какъ физическія, такъ и нравственныя, должна была воспринимать и такъ или иначе перерабатывать впечатлѣнія политическихъ событій, которыя оказывали неотразимое вліяніе на ея благоденствіе и злоденствіе. Педагоги того времени, повидимому, давали этимъ впечатлѣніямъ извѣстное направленіе посредствомъ виршей и кантовъ. Такъ, въ драмѣ „Милость Божія, Украину чрезъ Богдана Хмельницкаго... свободившая“ (1728), „дѣти украинскіи, во училищахъ кievскихъ учащися“, привѣтствуютъ виршами Хмельницкаго при вѣздѣ его въ Кіевъ послѣ блестящихъ побѣдъ надъ Поляками¹⁾. Тѣмъ не менѣе, пересматривая школьные сборники прошлаго вѣка, предназначавшіеся для походнаго употребленія, мы находимъ въ нихъ сравнительно мало виршей, проникнутыхъ, такъ сказать, злобой дня, которой не мало было въ жизни. По всему видно, что странствующие школьники предпочитали имъ такія вирши, которыя могли бы служить безобиднымъ матеріаломъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, вирши нравоучительнаго и правоописательнаго содержанія.

Слѣдуетъ-ли отсюда, что низшіе ряды школьной братіи не принимали никакого участія въ сочиненіи и распространеніи виршевыхъ сказаній о событіяхъ и лицахъ, болѣе или менѣе значительныхъ въ историческомъ отношеніи? Мы знаемъ навѣрное, что обитатели старинной малорусской школы, какъ высшей, такъ и низшей, были вовсе неравнодушны къ тому, что происходило за стѣнами ея.

«Збунтовалась Украина, поны и дяки».

говорится въ одной гайдамацкой пѣснѣ,

«Погинули въ Украини жыды й полякы»²⁾.

¹⁾ Собраніе сочиненій Максимовича, т. I.

²⁾ Украинскія народныя пѣсни, Мак и овича, 1834 г., 125.

Хотя и сказано давно, что *inter arma silent Musae*, но слова эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ относиться къ тѣмъ музамъ, которыя въ кровавыхъ зрѣлищахъ войны находятъ свое вдохновеніе, которыя изображаютъ героевъ „подъ трубами повитыхъ, подъ шеломами взлелеянныхъ, конецъ копія вскормленныхъ“. Не мало было такихъ героевъ въ старинной Украинѣ, поэтому и муза народная долго не умолкала, воспѣвая дѣянія и подвиги этихъ героевъ. Они были представителями народной самодѣтельности, которая, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ главныхъ условій для народнаго пѣснотворчества. Замѣчательно, что и школьная муза оживлялась въ эти именно моменты подъема народнаго духа. Мы остановимся на школьныхъ виршахъ, созвучныхъ съ народною музою въ изображеніи наиболѣе выдающихся моментовъ въ исторіи Украины. Мы разумѣмъ хмельнищину и гайдамачину—двѣ эпохи сходныя между собою во многихъ отношеніяхъ. „Такія-же побужденія, такія-же страсти, говоритъ Костомаровъ, какія отличали хмельнищину, дѣйствуютъ и въ гайдамачинѣ: та-же отъявленная ненависть къ панамъ, шляхтѣ, католическому духовенству и іудеямъ, тѣ-же кровавыя, часто грязныя сцены убійствъ, грабежей, мучительствъ, разореній панскихъ усадебъ и костеловъ,—тѣ-же ужасныя казни, слѣдовавшія, какъ репрессаліи отъ поляковъ, въ случаяхъ укрощенія мятежей,—то-же упорство со стороны южноруссовъ“¹⁾.

Вирши о Хмельницкомъ встрѣчаются большею частію въ лѣтописяхъ, именно у Ерлича и Грабянки. Обычная тема этихъ виршей—прославленіе Хмельницкаго за то, что онъ „искоренилъ Унію, гонилъ ляхи зъ жида и прочіи народи подѣ такими види“²⁾. Нѣкоторыя изъ этихъ виршей напоминаютъ искренностію тона народныя думы:

«И ты, Чигирине, мѣсто Украинне, не меншую славу
Теперь въ собѣ маешь, коли оглядаешъ въ рукахъ булаву

¹⁾ Костомаровъ, Исторія козачества въ памятникахъ южар. народнаго творчества, отдѣльный оттискъ, стр. 140.

²⁾ Лѣтопись Грабянки: похвала вѣршамъ Хмельницкому отъ народа малороссійскаго.

Зацного Богдана, мудрого гетмана, доброго молодця,
Хмельницького чигиринського, давного запорожця¹⁾».

Такое-же изобиліе эпитетовъ, приложенныхъ къ имени
Хмельницкаго, встрѣчаемъ и въ думѣ:

«Та хотя жъ бувъ панъ Хмельницькій,
Жытель чыгыринськый,
Козакъ лейстровый,
Писарь виіськоный,
Лицарь добрый,
Та померъ,—
А тильки его слава козацька—малодецька
Не вмере, не поляже»...²⁾.

Есть и другія въ виршахъ о Хмельницкомъ точки сопри-
косновенія съ народными думами. Какъ въ виршахъ, такъ и
въ думахъ, изъ прозвища Хмельницкаго извлекается извѣстная
поэтическая аналогія для изображенія душевнаго состоянія враговъ:

«Высыпавси хмель изъ мѣха
И наробиъ лихамъ лиха,
До жовтоп водиць
Наклавъ имъ дуже хмелницѣ,
Не могли на ногахъ стати,
Волимо утѣкати»³⁾.

Въ думѣ о Корсунской битвѣ враждующія стороны варять
вмѣстѣ пиво:

«Не вербы жъ то шумили и не галки закрывали:
То жъ козаки зъ лихами пиво варыть зачынали»⁴⁾.

Но это пиво не по вкусу пришлось лихамъ: они начали
уходить отъ козаковъ:

«Чомъ вы не дожыдаете»,

¹⁾ Лѣтоп. Ерича, 312.

²⁾ Историч. пѣсни малорус. народа, Авт. и Дрогоп. т. 2, в. 1, 29.

³⁾ Костомаровъ, Исторія козачества въ памятникѣхъ южнор. народнаго твор-
чества, отд. оттискъ, 279.

⁴⁾ Захревскій, Старосв. бандуриста, 81.

говорятъ имъ козаки,

«Нашого пыва не допиваете?»¹⁾

Какъ въ думахъ, такъ и въ виршахъ, весьма замѣтна склонность торжествующихъ козаковъ къ глумленію надъ побѣжденнымъ врагомъ. Въ одной виршѣ ляхи называются *кур-коидами*²⁾,—въ другой говорится объ этомъ расположеніи ихъ къ куриному мясу слѣдующимъ образомъ:

«Нехай христіане, ваши подоляне, пороспложуть куры,

Що выловили и выноспли ваши дзюры.

А вы въ татарахъ, въ тяжкихъ кайдапахъ, до смерти сидите,

Якъ мы одѣ насъ, такъ вы одѣ насъ, теперъ потерите»³⁾.

Въ думѣ о корсунской битвѣ Хмельницкій говоритъ плѣннику своему, гетману Потоцкому:

«Гей, пане Потоцькій,

Чомъ у тебе й доси розумъ жиноцькій?

Не вмивъ ты еси въ Камиськииъ Подиляци пробувати,

Печеного поросята, курыци съ перцемъ та съ шапраномъ
уживати,

А теперъ не зумиешъ ты зъ нами, козаками, воювати.

И жытнѣи соломахи зъ туслукомъ уилитати.

Хиба веляю тебе до рукъ крымському хану дати,

Щобъ навчыли тебе крымськи наган сыроп кобылны жоваты»⁴⁾.

Какъ объяснить это согласіе въ тонѣ и даже въ словесныхъ образахъ между думами и виршами? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ по недостатку хронологическихъ данныхъ о происхожденіи той или другой думы, той или другой вирши. Можно предполагать, конечно, обоюдное вліяніе однихъ произведеній на другія, не менѣе вѣроятно и то, что одно общее настроеніе было причиной этого согласія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана счастливая находка одной вирши, несомнѣнно составленной современникомъ Хмель-

¹⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 23.

²⁾ Та-же статья Костомарова, отдѣльный оттискъ, 279.

³⁾ Лѣтоп. Ерича, 313.

⁴⁾ Зап. о. Юж. Руси, Кулиша, I, 223.

ницкаго. Мы разумѣемъ виршу, которая открыта была А. Петровымъ и напечатана въ Archiv für Slavische Philologie, въ нашей транскрипціи¹⁾. Въ подлинникѣ вирша эта носить слѣдующее заглавіе: „Duma kozackaia.. o woyni s kozakamy nad rikoiu Styru na te nute ou postyl bym ia sim poneditkow osnaciū neditenku w roku 1651“. Рѣчь идетъ въ этой виршѣ о поражениі козаковъ подъ Берестечкомъ. Скоро-ли написана была она послѣ событія, изъ самого текста вирши этого не видно, но, безъ сомнѣнія, написана она была участникомъ въ берестечской битвѣ, что явствуетъ, на примѣръ, изъ такихъ выраженій: „вельмы ж мы дыво да на Осолинського, що нас воюеть“, — „Аж бачат Лихы, що на нас страхы“ и т. п. Къ тому же заключенію приводитъ и множество подробностей въ разсказѣ о ходѣ битвы, съ обозначеніемъ изо дня въ день всего того, что происходило предъ глазами сочинителя, съ наименованіемъ дѣйствующихъ лицъ, съ точной передачей разговоровъ между ними.

Вирша начинается не совсѣмъ яснымъ по смыслу обращеніемъ къ р. Стырю, затѣмъ рѣчь идетъ о замыслѣ Хмельницкаго „на перевозі, чи пакъ въ дорозі короля погромыты“.

«Хан згоду радят, а не порадыт, козаки войну любят:
Ой Коземпру, юж тобі мыру с козакамы не будет».

Но вотъ

«Середа прыйшла, вся орда прыйшла, Хан и Хміль с козакамы».

Съ польской стороны начали битву Конецпольскій и Любомирскій. Кончилась она нерѣшительно. Таборъ козацкій остался цѣлъ, но козаки должны были отступить къ табору.

«Четвер надходит, войско выходит, Хан и Хміль с козакамы».

Поляки обнаружили мужество

«Не якъ під Пілявцями,
Нэ утікают, кров проливають, и на Татар не дбают».

¹⁾ 1877 г., Zweit. Band. Вирша открыта была въ книгѣ, напечатанной въ Брюсселѣ въ 1627 — 1630 гг. подъ заглавіемъ: „De Militia Equestri, antiquâ et novâ à P. Hermanno Hugonc“. На пустыхъ страницахъ этой книги написана была вирша латинскими буквами.

Пало въ этотъ день много богатырей польскихъ: палъ Казановскій „для обороны польскоі корони“, палъ Осолинскій, „якъ лях давній и юнак славный“,—едва спасся Сапѣга, благодаря Вишневецкому и Любомирскому, подоспѣвшимъ на выручку. Въ этотъ-же день „пав страх на Хана, слалъ онъ до Гетмана“ съ извѣстіемъ, что онъ уйдетъ съ поля битвы. Хмельницкій едва упротилъ его остаться.

«Въ пѣтницу рано ушпковано войско до бою было,
Ляхамъ выгода, а нам негода: небо солнце закрыло».
Когда приготовились уже къ бою,
«Довго стоялы, почать боялы, з Ляхамы ся не былы,
Аж бачат Лихы, що на насъ страхы, и до насъ скочылы».

Разсказывается далѣе, какъ Вишневецкій, заклятый врагъ козаковъ, врѣзался въ самую средину козацкаго войска. Заязалась ожесточенная битва:

«Крык труб повстанет, гук за тым встанет, дымы день
исный тмылы,
Стрѣльці-личаре, а з діл пожары непреставно свѣтылы».

Въ самый разгаръ битвы

«Хан утікает,
Ляхы гонылы, татаровъ былы, Хан ся не оглядет.
Тут зась козаки, хотя и юнаки, ой різко утікалы,
Ляхы гонылы и їх стынали, аж табур розорвалы.
И гды бы ночі тьма на помочі козакови не была,
Не одна б маты, гды б кто дал знаты, козацькая завыла».

О приключеніяхъ Хмельницкаго, который поручилъ командованіе войскомъ полковнику Джеджалыку, а самъ отправился вслѣдъ за Ханомъ, чтобы воротить его назадъ, въ виршѣ ничего не говорится. Заканчивается она изображеніемъ трагическаго положенія козаковъ, которыхъ ляхи „обточылы“. Три раза просили они короля о мирѣ на условіяхъ зборовскаго договора.

«Мовить не дает, з очу зганяет: «выдайте мы гетмана,
Панов слухайте, старшыну знайте, а идіть быты хана».

На все согласны козакы, только не согласны они отъ старшины своей „отступыты“. Въ отчаяніи рѣшились они загатить болото, которое было въ тылу у нихъ, чтобы вырваться изъ осады. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ они устроили гати не изъ хворосту, котораго подъ рукой не было, а изъ воевъ, кожуховъ, войлоковъ и т. п.

«Лихы позналы, всі в шыку стали и на нас пыльновалы,
Козакы же «понеділка ждали,
А в понеділок одбігли ділок и борошна усєго,
Перебивайім да погнбайім, щасливѣ, що вийшов с того.
Тыйі пльвають, до тых стріляют, ставыще заливають,
А других в нетрі, в лісі, як веирів дикых, забываютъ...»

На этихъ словахъ обрывается вирша. Все въ ней до крайности просто и реально. Разсказъ идетъ бойко и живо, безъ излишнихъ словъ, безъ всякихъ риторическихъ возгласовъ. Въ языкѣ нѣтъ тяжеловѣсныхъ формъ и оборотовъ славянскихъ. Хотя и встрѣчаются по мѣстамъ полонизмы, но они не коснулись фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Вообще же по языку и стилю эта вирша близка къ народнымъ пѣснямъ. Авторъ ея, очевидно, подражалъ стихотворному размѣру одной изъ этихъ пѣсенъ, имѣя въ виду даже мотивъ ея. Размѣръ этотъ (5+5+7). Чрезвычайно важно для насъ это обстоятельство. Мы видимъ передъ собою сліяніе виршеваго творчества съ народнымъ, причемъ въ отношеніи къ формѣ центръ тяжести перемѣщается изъ книжной среды въ народную. Мы присутствуемъ какъ бы при самомъ зарожденіи тѣхъ произведеній виршеваго искусства, которыя съ теченіемъ времени превратились въ народныя пѣсни. Судя по наличному факту, не всякая вирша могла быть усвоена народомъ: для этого нужно было, чтобы составитель вирши самъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ стихотворному размѣру народной пѣсни. Мы не нашли нашей вирши въ народной переработкѣ, но, безъ всякаго сомнѣнія, не мало есть пѣсенъ историческаго содержанія, въ которыхъ проглядываетъ виршевая основа. Такова, на примѣръ, изъ эпохи Хмельницкаго извѣстная пѣсня о Перебийносѣ: „Не дывуйтеся, добрии люде, що на Вкраини повстало“. По размѣру

она близка къ виршѣ о берестечской битвѣ (5+5+8), но дѣло не въ томъ: въ нѣкоторыхъ вариантахъ ея встрѣчаются такія формы, какъ *злякнешь, спаднешь* ¹⁾,—въ другихъ—такія слова, какъ *жызность, юнакъ* ²⁾. Нужно замѣтить при этомъ, что это послѣднее слово составляетъ исключительную принадлежность виршей. Въ разобранной нами виршѣ о берестечской битвѣ оно одинаково прикладывается къ полякамъ и козакамъ. Всѣ эти слова и формы ясно указываютъ на виршевое происхождение этой нѣкогда популярной въ народѣ пѣсни ³⁾.

Любопытно, что авторъ вирши о берестечской битвѣ самъ назвалъ свое произведеніе *думой*. Извѣстно, что первое упоминаніе о думахъ встрѣчается въ *Анналахъ польскаго историка Сарницкаго* подъ 1506 годомъ. Особенности думъ по Сарницкому слѣдующія: 1) общественное содержаніе ихъ (тѣ думы, о которыхъ говоритъ онъ, сложены были по поводу смерти двухъ воинственныхъ братьевъ-юношей въ борьбѣ съ Волохами); 2) элегическій характеръ и 3) печальный мотивъ ихъ; 4) жестыкуляція при исполненіи думъ. Самое названіе этого рода произведеній Сарницкій считаетъ туземнымъ: *elegiae, quae dumas Russi vocant* ⁴⁾. Тотъ же нѣжный элегическій характеръ напѣва приписываютъ думамаъ и болѣе поздніе писатели польскіе: таковы были въ XVI и XVII вв. подольскія думы, о которыхъ говоритъ въ переводѣ Аристотелевой политики польскій

¹⁾ Зап. о Юж. Руси, Кулиша, I, 272.

²⁾ Лисенко, Збір. украинс. пісенъ, I, 28.

³⁾ Считаемо необходимымъ высказаться здѣсь по поводу вопроса о поддѣльности нѣкоторыхъ думъ и пѣсенъ, затронутого издателими Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа еще въ 1874—1875 гг. Предполагали они въ концѣ изданія помѣстить эти думы и пѣсни съ примѣчаніями о томъ, почему они считаютъ ихъ поддѣльными. Но такъ какъ изданіе не окончено, то заповѣривши думы и пѣсни до настоящаго времени состоятъ подъ судомъ и слѣдствіемъ въ ожиданіи окончательнаго приговора. Судъ, во всякомъ случаѣ, не скорый и не совсѣмъ милостивый. Мы тоже не сомнѣваемся въ поддѣльности нѣкоторыхъ думъ и пѣсенъ, но для всесторонней оцѣнки ихъ въ неопредѣленномъ будущемъ, позволяемъ себѣ выразить съ своей стороны желаніе, чтобы ученые, когорме когда нибудь займутся этимъ вопросомъ, имѣли въ виду высказанныя нами въ изслѣдованіи нашемъ соображенія о старинныхъ книжныхъ вліяніяхъ на пѣснотворчество народное.

⁴⁾ См. нашъ Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 289.

философъ Petrusy¹⁾. Въ одномъ польскомъ стихотвореніи (Иеронима Морштина 1606 г.) *дума* входила въ обиходъ козацкой жизни, какъ ея необходимая принадлежность, при чемъ она игралась на трубахъ. Въ томъ же стихотвореніи думы называются военными псалмами²⁾. Какъ видно, думы слагались еще при жизни воспѣваемыхъ героевъ: такъ, по свидѣтельству „Краткой исторіи о бунтахъ Хмельницкаго“, невѣста Тимофея Хмельницкаго наканунѣ свиданія съ нимъ велѣла пѣть о немъ *думу козацкую*³⁾. Вообще же въ польскомъ языкѣ *дума*, по объясненію Линде, основанному на значеніи этого слова у старинныхъ писателей польскихъ, есть *elegia guserska, пібу запушла pieśń*⁴⁾. Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, можно полагать, что 1) родиной думъ была земля подольско-галицкая: и теперь народъ различаетъ въ Галиціи *думы* отъ *думокъ*; „дума, говоритъ Головацкій, это, по мнѣнію народа, *довга, поважна пѣсня*; напѣвъ ея тоже важнѣе, протяжнѣе“⁵⁾; 2) думы въ старину, какъ и теперь въ Галиціи, были пѣсни эпическаго содержанія, растворенныя однако же лирическимъ настроеніемъ, свойственнымъ элегіи; 3) въ козацкую эпоху народной жизни явились думы *войсковыя, козацкія*; 4) отъ южноруссовъ эта форма поэзіи перешла въ польскую литературу, гдѣ тоже явилась *дума*—конечно, не въ видѣ народнаго произведенія, а въ видѣ пѣсни меланхолическаго характера, сочиненной личнымъ авторомъ. Подъ вліяніемъ установившагося въ польской литературѣ понятія о думѣ и названа думой вирша о битвѣ берестечской.

У старинныхъ малорусскихъ писателей *дума* существеннымъ образомъ отличается отъ вирши. Въ лѣтописяхъ Гра-

¹⁾ Słownik języka polskiego, Linde, 1807 г., I, 549.

²⁾ Iagić, Gradia za Historiju slovinske narod. poezije, 76.

³⁾ Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 44.

⁴⁾ Słownik, Linde, 1807, I, 549. Раковскій, писатель польскій, жившій при Сигизмундѣ III, назвалъ свою пѣснь о татарскихъ разореніяхъ въ землѣ польской, съ воззваніемъ къ мести, думой. См. Encyklopedia powszechna, Osgelbranda, т. VII, 591.

⁵⁾ Народныя пѣсни Галиц. и Угорской Руси, Головацкаго, ч. III, отд. II. Послѣсловіе, 10.

бянги и Величка собрано не мало виршей, которыя такъ и называются *втршами*,—думой же у Велички называются вирши пѣсеннаго размѣра, предназначенныя для пѣнія. Такъ, онъ говоритъ, что епископъ львовскій, Іосифъ Шумлянскій „новій унѣять и похлѣбца лядскій“, состоявшій при королѣ Собѣскомъ во время похода его на турокъ подъ Вѣну, „на досаду гетману Самойловичу зложилъ собою *думу* альбо *пѣснь* такую“. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этой *думы*—*пѣсни*:

Жался, Боже, жался, Боже, на гетмана,
Самойловича Ивана!
Що заказалъ христїанномъ,
Пойти противъ бѣсурманомъ!
О тожь бачишь, о тожь бачишь, що си стало:
И безъ тебе си надало
Королевѣ и Полякомъ,
Кавалеромъ и юнакомъ»...

и прочая, долго твоей *пѣсни* альбо *думи*“, не безъ досады представляетъ лѣтописецъ¹⁾.

Въ такомъ родѣ *думы-пѣсни* нерѣдко встрѣчаются въ старинныхъ рукописяхъ XVII и особенно XVIII в. Къ этому ряду произведеній полунизшаго, полународнаго характера можно причислить извѣстную пѣсню Мазепы, а также стихотворенія А. Марковича, Н. Ханенка, священника Некрашевича и многихъ другихъ большею частію безыменныхъ авторовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній отличаются глубоко-народнымъ колоритомъ мысли и рѣчи, хотя и не вошли они во все-народное употребленіе.

Мы остановимся на пѣсняхъ этого переходнаго типа изъ эпохи Гайдамачины.

Вотъ предъ нами страдальческой образъ мліевскаго вѣттора Данила Кушнира, казненнаго въ м. Ольшаной за то, что при отобраніи въ м. Мліевѣ одной изъ церквей подъ Унію онъ своими непосвященными руками снялъ съ жертвенника св. чашу и спряталъ ее у себя въ коморѣ, чтобы не досталась эта свя-

¹⁾ Лѣтоп. Величкя, т. II, 535.

тыня уніатамъ. 29 іюня 1766 г. согнали множество людей въ обозъ regimentаря польскихъ войскъ Воронича для созерцанія этой ужаснѣйшей казни. Въ сказаніи о мученіяхъ его говорится, что преступнику сперва обвертѣли руки пенькою, осмолили смолою и зажгли, и когда обгорѣли руки, то отсѣкли ему голову и вбили на колъ для устрашенія упрямыхъ схизматиковъ¹⁾. Тотчасъ послѣ событія сложена была пѣсня, глубоко искренняя по тону, но съ ясными признаками авторской руки²⁾.

«Учынныи вражи ляхи у Вильшани славу
 Да отвялы Данылу Млневському главу.
 Тыло его повелили огнемъ испалыты,
 Главу его а до пали п'ъ гвоздемъ прыбыты.
 Вражи сыны жидыченькы тоди израдили,
 Якъ втытора Даныла на пали узрили.
 А у той часъ страхъ великый людымъ завдавалы,
 Усихъ людей до едности на виру наверталы.
 Сподивалысь на йгомена, що винъ зартуе,
 А винъ тильки издичы по Украини да ляхивъ дратуе.
 Заплакалы стары люде и малыи диты:
 Горе, горе намъ на свѣти, що нигде прожиты!»

Игуменъ, упоминаемый въ пѣснѣ, есть никто иной, какъ извѣстный архимандритъ Мелхисидекъ Значко-Яворскій, который завѣдывалъ православными церквами на правой сторонѣ Днѣпра по порученію переяславскаго епископа Гервасія, подвластнаго Россіи. Заступничество Мелхисидека въ Петербургѣ и Варшавѣ за православныхъ, подвластныхъ Польшѣ, только дразнило ляховъ, какъ говорится въ пѣснѣ. Да и что могъ сдѣлать Мелхисидекъ, когда могущественная Екатерина II въ вопросѣ о диссидентахъ встрѣтила со стороны польской шляхты рѣшительное противодѣйствіе? Въ 1667 году она провела въ Варшавскомъ сеймѣ актъ въ пользу диссидентовъ: въ отвѣтъ на это сформировалась въ томъ же году барская конфедерація, поставившая задачей своей вооруженное сопротивление вмѣша-

¹⁾ Руководство для сельскихъ пастырей, 1860 г., кн. 2.

²⁾ Пѣсня эта открыта въ рукописномъ сборникѣ Ш. А. Лукашовича, съ отмѣткой, что она списана съ сборника 1767 г., Киевс. Старица, 1896 г., Ливарь.

тельству русскаго правительства во внутреннія дѣла Польши, которая, по мнѣнію конфедератовъ, не должна была дѣлать постыдныхъ уступокъ иновѣрцамъ. Противъ конфедератовъ двинуты были русскія войска,—и мы имѣемъ пѣсню виршеваго склада объ осадѣ ими г. Станиславова, защищаемаго конфедератами. По обстоятельности и документальности разсказа пѣсня эта напоминаетъ думу о берестечской битвѣ.

Приступили, говорится въ пѣснѣ, москали къ осадѣ Станиславова во вторникъ.

«У середу рано стали си сходити
 Всѣ ляхи до купп: «що будемъ робити?»
 Единъ мовить: «биймо!» десить: «утѣваймо!»
 А сто каже: «всѣ до духа москалямъ поддаймо!»
 Москалѣ волають, абы выходили
 Всѣ ляхи изъ града, которіе тамъ били;
 Панъ староста Блонскій сердца добуває,
 Староста Снитинскій отъ страху вилѣває.
 Почали стрѣляти, на пляцъ выходити,
 А не единъ мислить, якъ бы добре втекти.
 Мусѣли си бити увесь день доволѣ,
 А въ вечеръ zostали москалямъ въ неволѣ.
 Любилисте, лихи, добре людей грабовати,
 Любите жъ въ неволѣ у насъ зоставати.
 Любилисте псти гусп, кури много,
 Днесь сидѣть въ неволѣ, не пште николи»¹⁾).

Въ послѣднихъ словахъ пѣсни звучитъ таже язвительная нота укоризны ляхамъ за насиліе и чревоугодіе, которая подробно развита въ думахъ и пѣсняхъ о Богданѣ Хмельницкомъ и сподвижникахъ его.

Наконецъ, въ 1768 году наступила кровавая расправа, извѣстная въ исторіи подъ именемъ *уманской рѣзни*. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого событія сочинена была пѣсня, не успѣвшая еще отшлифоваться въ народномъ употребленіи, но за то вполне свободная отъ преувеличеній, свойственныхъ часто народной пѣснѣ. Въ этой послѣдней говорится, напри-

¹⁾ Рукописн. сборн. Кибальчича, № 77.

мѣръ, что Максимъ Желѣзнякъ „зібравъ вийська сорокъ тысячъ“¹⁾),—тогда какъ въ виршевой пѣснѣ ватага Желѣзняка ограничена всего тысячею человекъ. Рассказывается въ ней далѣе, что послѣ нѣкотораго раздумья, куда идти, гайдамаки направились въ Умань.

«Въ Умань же мы пишли,
Тай почалы штурмоваты,
Тамъ багато напивъ найшлы,
Та давай имъ нижкы росиравляты».

Хотя слова „мы пишли“ даютъ нѣкоторое основаніе считать автора участникомъ этого похода, однако же изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что пѣсня сложена по слуху, такъ какъ въ ней предводители отдѣльныхъ гайдамацкихъ ватагъ, дѣйствовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ, сведены подъ Умань вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ и Гонтой.

«Ой пишовъ Швачка голкою шыты,
Лихивъ, жывивъ по Уманн луныты;
А нашъ Неживый цокоче,
Ажъ Умань зубамы скрыгоче.
А Журба ходичы зажурывся,
Що, головко бидна, Умань загорився.
Та въ бандуру мицно грае,
Себе, козака, писнею розважае».

Впрочемъ, неточныя показанія пѣсни о совмѣстномъ дѣйствіи Швачки, Неживаго и другихъ подъ Уманью находятся во внутреннемъ согласіи съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ этотъ періодъ времени отдѣльные *ватажки* дѣйствовали по общему плану и взаимному соглашенію.

Есть еще одинъ эпизодъ въ этой пѣснѣ о какомъ-то сотникѣ Метлицѣ, который, повидимому, готовъ былъ противодѣйствовать гайдамакамъ, и за это убитъ былъ Желѣзнякомъ и Швачкой. Передъ смертію Метлица говоритъ предводителямъ гайдамацкимъ:

¹⁾ Лисенко, Збірник писень, I, 23.

«Слухай, Максые, Швачко й Неживый,
Бодай же кивець вашъ бувъ нудный та гиркий! ¹⁾»

На этотъ эпизодъ намекаетъ другая пѣсня, сочиненная отъ лица одного изъ предводителей, названныхъ Метлицей. Она изображаетъ этого предводителя въ неволѣ, въ оковахъ:

«Литавъ же и на стѣнахъ,

говорить онъ,

Якъ орель крылатый,
А теперъ же и въ цапахъ,
Якъ медвидь мордагы!».

Ждетъ онъ неминуемой смерти, и вспомнились ему зловѣщія слова Метлицы... Съ нѣмымъ укоромъ одинъ за другимъ встаютъ предъ нимъ образы невозвратнаго прошлаго. Мелькаетъ въ его воображеніи широкій, вольный Днѣпръ, къ которому обращается онъ съ страстною мольбою:

«Ой, ричка—Днипръ широка,
Течешъ ты въ Чорнее море...
Охъ, визьмы мене зъ собою,
Бо горе жъ тугъ, горе!»

Жалѣеть онъ, что оставилъ крутые пороги днѣпровскіе:

«Въ тыхъ крутыхъ порогахъ
Вода съ каминямы воюе,
Въ тыхъ зеленыхъ дибровахъ
Сыва зозуленька кукуе...
Охъ, кукувала вона, кукувала,
Та щыру правду мени казала,
Що тамъ було мени жыты
И щастя свое мигъ тамъ зловыты,
Не хтивъ ни знаты,
Та полетивъ на родыну...
Теперъ же мени не спийматы
Тую щаслывую годыну»...

¹⁾ Скальковскій, Наѣды гайдамакъ, 147—152. Киев. Стар., 1882 г., Сентябрь-

Вотъ за это бурное участіе въ судьбѣ близкихъ своихъ, рода-племени своего, и приходится дорого расплачиваться узнику. Онъ долженъ разстаться съ мечтою о счастиі, долженъ подумать о смертномъ часѣ:

«Годи мени козакуваты, говорить онъ,
 Годи птахомъ въ поли литаты,
 Пора себе въ желиза заковаты,
 Пора въ Бога прощени заробляты,
 Колы бѣ дады прощени заробыты,
 Бога молитвами вмолаты,
 А тоди хотъ умираты:
 Не страшно въ домовыну съ покутою лгаты»¹⁾).

Эта задушевная пѣсня показываетъ намъ, на какую высоту могла подняться виршевая поэзія, проникаясь народнымъ настроеніемъ и затрогивая жизненные вопросы, волновавшіе народную массу. Конечно, по поводу этихъ вопросовъ сочинялись вирши людьми неодинаковаго литературнаго ценза, но, за немногими исключеніями, высокій литературный цензъ находился въ обратнo пропорціональномъ отношеніи къ достоинству самихъ виршей. Поэтическія краски даетъ не школьная наука сама по себѣ, въ ея отвлеченіи отъ жизни, а именно эта самая жизнь, воспроизведенная въ чарующихъ звукахъ роднаго слова, которое стоитъ въ неразрывной связи съ естественнымъ методомъ народной мысли и народнаго чувства. Только тотъ могъ написать виршу, не оскорбляющую поэтическаго чувства, кто зналъ народную жизнь не по наслышкѣ, кто чувствовалъ ея трепетаніе въ своемъ собственномъ сердцѣ. Мы думаемъ, что къ этому болѣе всего способны были грамотные люди, входившіе, такъ сказать, во вкусъ народной жизни. Это были именно тѣ самые странствующие школьники и имъ подобные просвѣтители народа, о которыхъ мы говорили выше... При всѣхъ своихъ недостаткахъ они принимали живое участіе въ тревогахъ и радостяхъ народной жизни. Сохраняя въ большей или меньшей степени нѣкоторыя культурныя привычки мысли и слова, они не теряли чувства

¹⁾ Кіевская Старина, 1882, Сентябръ.

народности, которое постоянно поддерживалось живымъ общеніемъ съ народомъ. На почвѣ этого общенія они вдохновлялись иногда сюжетами исторической важности, хотя произведенія свои, написанныя на историческія темы, они предназначали, повидимому, не столько для школьнаго, сколько для всенароднаго употребленія. Думать надобно, что и составлялись эти произведенія внѣ школьной обстановки, въ тотъ періодъ личной жизни авторовъ, когда они выступали, какъ говорилось въ старину, „збройно и оружно“. Такъ объясняемъ мы сравнительную скудость въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ виршей военно-бытоваго содержания. Слѣды ихъ существованія можно, однако же, какъ мы видѣли, открыть иногда въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ. Но особенно оцутительно отраженіе виршеваго искусства на языкѣ и стилѣ народныхъ малорусскихъ думъ. Положительно можно сказать, что это искусство, взятое во весь его объемъ виршей нравоучительныхъ, правописательныхъ и историческихъ, оказало рѣшительное вліяніе на выработку своеобразной поэтической формы думъ.

Откуда же эта форма?

Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Мы видѣли въ предыдущихъ очеркахъ болѣе или менѣе ясное отраженіе виршевыхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи поэтической формы думъ, считаемъ необходимымъ всмотрѣться въ техническіе приемы, которыми руководствовались творцы думъ при самомъ построеніи ихъ.

Для распознаванія этихъ приемовъ мы должны остановиться на нѣкоторыхъ думахъ, сходныхъ по содержанію съ пѣснями.

Наиболѣе удобный матеріалъ для этого сравненія представляютъ думы болѣе ранняго сложенія—изъ эпохи, предшествовавшей войнамъ Богдана Хмельницкаго.

Предъ нами—цѣлый рядъ картинъ, изображающихъ борьбу козаковъ съ татарами и турками на морѣ и на сушѣ. Собственно говоря, въ этихъ картинахъ боевыхъ сценъ мало—преобладаютъ сцены, въ которыхъ дѣйствующія лица испытываютъ на себѣ тяжелыя послѣдствія разореній и погромовъ татарскихъ или же стремятся къ освобожденію себя отъ этихъ послѣдствій. Однимъ изъ нихъ была неволя татарская, та самая неволя, которая хорошо извѣстна была всей средневѣковой Европѣ въ борьбѣ ея съ мусульманскимъ міромъ. Не наше дѣло рассказывать здѣсь объ этой неволѣ по историческимъ документамъ, касающимся южной Руси¹⁾. Довольно для насъ простой ссылки на общеизвѣстный фактъ, что татары уводили въ плѣнъ цѣлыя десятки

¹⁾ См. объ этомъ Историч. пѣсни малорус. народа Антоновича и Драгоманова, т. I. 73—74.

тысячъ людей обоого пола изъ городовъ и сель южно-русскихъ. Нерѣдко и козакамъ удавалось производить такія же опустошенія въ Крыму. Такъ, въ 1675 г. знаменитый кошевой запорожскій Иванъ Сирко вторгнулся въ Крымъ съ 20 тысячами войска и захватилъ въ плѣнъ 13 тысячъ человекъ. Любопытно, что въ составѣ этихъ плѣнниковъ большинство (7 тысячъ) было христіанъ, которые раньше попали въ неволю татарскую. Не менѣе любопытно и то, что 3 тысячи изъ этихъ христіанскихъ плѣнниковъ не пожелали возвращаться на родину, потому что „тамъ, въ Крыму, говорили они, мѣютъ уже свои осѣдлиса и господарства, и для того тамъ лутше себѣ желаютъ жыти, нежели въ Русѣ, ничего своего не имущи“¹⁾. Происходило, по видимому, этническое смѣшеніе элементовъ самыхъ разнородныхъ. Какъ извѣстно, въ данномъ случаѣ Сирко приказалъ безпощадно истребить всѣхъ тѣхъ плѣнниковъ, которые заявили желаніе возвратиться въ Крымъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на ренегатовъ, какъ на враговъ своей родины. Когда кровавая расправа была окончена, онъ „до мертвыхъ труповъ, говоритъ лѣтописецъ, вымовилъ такія слова: „спѣте тутъ до страшного суду Господня, нежели бысте мѣли въ Крыму между бесурманами размножаться на наши христіанскіи молодецкіи головы“²⁾. Вотъ на этой почвѣ глубокихъ нравственныхъ потрясеній, сопровождаемыхъ физическими страданіями, и развивалось поэтическое творчество народное, выдвигая однородныя темы, какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ думахъ. И тамъ, и здѣсь мы видимъ предъ собою цѣлыя ряды плѣнниковъ и плѣнницъ неодинаковыхъ нравственныхъ качествъ, неодинаковой душевной силы. Но то, что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія козацкой славы. Послѣдній мотивъ явственно слышится въ думѣ о побѣгѣ невольниковъ то изъ тем-

¹⁾ Лѣтопись Величка, т. II. 376.

²⁾ Ibidem, 377.

ницъ, то изъ ваторги турецкой, напимѣрь, въ думѣ о Самойлѣ Кишкѣ или же въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ по варианту Котлиревскаго. Но такъ какъ для этихъ думъ почти невозможно подобрать соответствующихъ параллелей въ пѣсняхъ, то мы должны изъ цѣлаго ряда невольничкихъ думъ выбрать думу, болѣе элегическаго, чѣмъ торжествующаго характера.

Остановимся на думѣ о Марусѣ Богуславкѣ.

Немало есть народныхъ пѣсенъ о плѣнницахъ, которыя помирились съ своимъ положеніемъ. Конечно, это были тѣ изъ нихъ, которыя красотой своей могли расположить къ себѣ суровыхъ похитителей своихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ достигали въ новой средѣ выдающагося положенія. Такова, напимѣрь, была Росса или Роксолана, жена Сулеймана I, имѣвшая большое вліяніе на султана ¹⁾). Для уясненія поэтическаго образа „дивки-бранки, Маруси поповны Богуславкы“, не лишено нѣкотораго значенія то обстоятельство, что эта Роксолана по своему происхожденію тоже была поповна, только не изъ Богуслава, а изъ Рогатина. Реализмъ этого образа поддерживается и пѣсней народной, въ которой сохранилось воспоминаніе о томъ, какъ

«Турки поювали,
Билу Челидь забиралы,
И въ нашой понаденькы
Взялы вони три дивонькы» ²⁾).

Но дѣло не въ этихъ болѣе или менѣе случайныхъ сближеніяхъ. Гораздо важнѣе тѣ пѣсни, въ которыхъ плѣнницы, подобно Марусѣ Богуславкѣ, отказываются отъ своего рода-племени. Въ одной изъ нихъ рѣчь идетъ о „дивкѣ-бранкѣ, Маріанкѣ“, которую татары уводятъ въ плѣнъ. Съ дороги она пишетъ къ отцу своему письмо, въ которомъ проситъ его, чтобы онъ не тосковалъ:

«Нехай тато не сумуе,
Най ми посагъ не готуе...

¹⁾ О другихъ султаншахъ изъ малороссіянокъ см. Антоновича и Драгоманова Историческія пѣсни малорус. народа, Т. I. 236—237.

²⁾ Головац. Народныя пѣсни галицкой и угорской Русс, I, 49.

Ой бо вже я иду полемъ,
 Та вже лисомъ зелененькымъ,
 Та й зъ Турчыномъ молоденькымъ,
 Чы зъ Турчыномъ, Арабыномъ,
 Чы зъ неврнымъ Татарыномъ¹⁾.

Пѣсня эта только намекаетъ на поворотъ симпатій, вызванный неволею въ душѣ плѣнницы. Есть другая пѣсня, въ которой настроеніе это мотивируется болѣе опредѣленнымъ образомъ. Рассказывается въ ней о встрѣчѣ матери съ дочерью въ плѣну у татаръ. Въ одинъ изъ набѣговъ татаринъ захватилъ мать своей жены, не подозрѣвая того, что это была его теща. Пріѣзжаетъ онъ домой и отдаетъ женѣ своей „невилыницю, ажъ до смерти робитныцю“. Заказано было ей:

«Оченькамы стадо пасты,
 Рученькамы кужилъ прысты,
 Ноженькамы колысаты».

И вотъ плѣнница-мать поетъ надъ колыбелью своего внука:

«Люю, люю, Татарчатко,
 По доненьци унучатко,
 Бодай стадо выдыхало,
 Бодай кужилъ спочелла,
 Бодай дыти скаменило!»

Докладываетъ объ этомъ слуга своей хозяйкѣ: прибѣжала она „боса, безъ пояса“,

«Та вдарыла по личеньку
 Свою ридну матусеньку».

Не била я тебя, говоритъ мать дочери, когда кормила тебя своею грудью.

«Маты моя ридненькая!
 Скидай зъ себе свои латы,
 Вбирай дороги шаты,
 Будешъ зъ нами пануваты»,

¹⁾ Голозац. Народныя пѣсни галиц. и угорс. Руси, I. 22.

говорить ей дочь.

«Лиши вбоги мои латы,
Нижъ дороги твои шаты:
Волю дома бидоваты,
Якъ въ чужини пановаты»,

отвѣчаетъ мать.

Пѣсня заканчивается обращеніемъ дочери къ слугамъ, чтобы они отвезли мать въ родные края ¹⁾).

Глубокою стариною вѣетъ отъ этой пѣсни, хотя бы уже потому, что она встрѣчается не только въ малорусской, но въ великорусской и даже бѣлорусской редакціи ²⁾. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о мѣстѣ первоначальнаго сложенія ея, замѣтимъ только, что неволя татарская знакома была всему русскому міру, поэтому и пѣсня о двухъ плѣнницахъ, матери и дочери, могла проникнуть въ самые отдаленные углы его. Что касается до малорусской редакціи ея, то она представляетъ особенный интересъ по своему отраженію въ думѣ о Марусѣ Богуславкѣ. Намъ рисуется эта дума ту-же плѣнницу, которая не можетъ разстаться съ обстановкой своей неволи, но глубже и шире развиваетъ драматическій мотивъ, лежащій въ основѣ пѣсни, а главное—переноситъ этотъ мотивъ съ семейной почвы на общественную.

Семь-сотъ козаковъ, говоритъ дума, сидятъ въ каменной темницѣ, сидятъ они уже тридцать лѣтъ, солнца праведнаго не видятъ. Приходитъ къ нимъ „дивка-бранка, Маруся попивна Богуславка“, и спрашиваетъ ихъ: отгадайте,

«Що въ нашей земля хрыстьянськый за день тепера?»

Не могутъ отгадать козаки-невольники, и говоритъ имъ „дивка-бранка, Маруся попивна Богуславка“:

«Що сегодня у нашей земли хрыстьянськый Велькодная субота,
А завтра свитый праздникъ роковый день Велькъ-день».

«То теди ти козаки тее зачувалы,

¹⁾ Ibidem, I, 42—43

²⁾ Библиографію этой пѣсни см. Историч. пѣсни малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, т. I, 286—296.

Билымъ лыцемъ до сырои земли прыпадады,
Дивку-бранку,
Марусю-попивну Богуславку,
Клялы-проклялы!»

за то, что она извѣстіемъ этимъ дала еще болѣе почувствовать имъ горечь неволи. Тогда Маруся утѣшаетъ ихъ обѣщаніемъ освободить ихъ изъ неволи,—когда „панъ турецькій“ поѣдетъ въ мечеть и отдастъ ей, Марусѣ, ключи отъ темницы. И вотъ въ самый день праздника, „въ роковой день Велькъ-день“, она

«Темницу видывае,
Всихъ козакивъ, бидныхъ невольникивъ, на волю выпускае
И словами промовляе:
«Ой, козаки, вы бидни невольныки!
Кажу я вамъ, добре дбайте,
Въ города хрыстьянськи утпайте,
Тильки прошу я васъ одного города Богуслава не мынайте,
Моему батьку и матери знаты давайте:
Та нехай мий батько добре дбае,
Гуртивъ, великыхъ маетивъ нехай не збуае,
Великыхъ скарбивъ не збырае,
Та нехай мене, дивки-бранки, зъ неволи не выкупае,
Бо вже я потурчылась,
Побусурменилась
Для роскоши турецькои,
Для лакомства нещасного»¹⁾...

Все сдѣлала Маруся, что могла, для своей далекой родины, возвратила ей семь-сотъ защитниковъ ея, но убѣжать съ ними не могла. Грустно сознаетъ она свое пристрастіе къ „лакомству нещасному“, и мы невольно поддаемся обаянію ея словъ, въ которыхъ слышится мольба о состраданіи къ ея немощи.

Что же представляетъ эта трогательная дума сравнительно съ пѣснями о плѣнницахъ?

Ничто иное, какъ поэтическую композицію болѣе сложную, чѣмъ пѣсни,—эти же послѣднія ничто иное, какъ матеріаль

¹⁾ Куляшъ, Записки о южной Руси, Т. I, 210.

для самой композиціи. Само собою разумѣется, что матеріалъ долженъ былъ существовать раньше композиціи, поэтому мы имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, что творцы думъ пользовались готовымъ уже пѣсеннымъ матеріаломъ для своихъ произведеній.

То же нужно сказать и о думахъ, изображающихъ боевыя столкновенія козаковъ съ татарами и турками.

Излюбленный образъ пѣсенъ, сюда относящихся, это одинокая смерть козака въ степи, вдали отъ родныхъ и родины. Безъ сомнѣнія, это тоже одинъ изъ древнѣйшихъ мотивовъ народной поэзіи. Встрѣчается онъ у сербовъ и даже у грековъ, но въ редакціяхъ русскихъ онъ разработанъ, такъ сказать, топографически, примѣнительно къ степному раздолью, на которомъ происходили роковыя встрѣчи русскихъ наѣзтниковъ съ татарскими и турецкими. Характерная принадлежность этого раздолья по малорусскимъ пѣснямъ—степныя могилы, на которыя любятъ хищныя птицы въ ожиданіи новыхъ жертвъ боя, надъ которыми насыпаны будутъ свѣжія могилы:

«Сокиль зъ орломъ та й злитається,
 Сокиль орла та й пытається:
 Чымъ же той свить закрашається?
 Чы горами, чы долинами,
 Чы великими та моголами?»¹⁾

Вслѣдъ за этой прелюдией начинается сама пѣсня объ умирающемъ козакѣ на одной изъ этихъ могилъ. Такихъ пѣсенъ въ народной малорусской поэзіи чрезвычайное множество. Это пѣсни о *рубаныхъ козакахъ*. Обыкновенно изображаются въ нихъ предсмертныя минуты этихъ степныхъ рыцарей. Последнею заботою ихъ въ эти минуты бываетъ передача отцу и матери печальной вѣсти о смерти сына ихъ. Вѣстниками бываетъ воронъ, орелъ и соколъ, но чаще всего является вѣстникомъ добрый конь козака, который спрашиваетъ своего хозяина:

«Кому мене уручаешъ,
 Кому коня покыдаешъ?»

¹⁾ Чубяньскій, Труды этногр.-статистической экспедиціи, V, 943.

Чы турчыну, чы татарыну?»

«Тебе турчынт, отвѣчаетъ ему хозяинъ, не пиймае,
А татарынъ не всидлае,
Бижи, коню, все лугамы,
Та все бытыи шляхамы».

прибѣги на дворъ къ моей матери, будетъ она спрашивать тебя
обо мнѣ, скажи ей, что я

«женывся,
Та понявъ соби паняночку,
Въ чыстымъ поли земляночку:
Що куды витерь не вне,
А сонечко не грне,
Безъ вконецъ, безъ дверецъ,
Тамъ спыть твий сынъ молодць»¹⁾.

Вотъ обычная схема этихъ пѣсенъ, но бываютъ иногда легкія отступленія отъ нея. На вопросъ матери о сынѣ конь отвѣчаетъ зловѣщимъ предложеніемъ посѣять песокъ на камнѣ: когда взойдетъ желтый песокъ и расцвѣтетъ зеленымъ барвинкомъ, тогда и сынъ ея воротится домой²⁾. Этотъ послѣдній мотивъ встрѣчается иногда въ пѣсняхъ и думахъ объ отъѣздѣ козака изъ родины. Обыкновенно въ этихъ пѣсняхъ младшая сестра спрашиваетъ брата—козака, когда его въ гости ждаты: онъ отвѣчаетъ загадкой о пескѣ, посѣянномъ на камнѣ³⁾, или же о млиновомъ камнѣ и павиныхъ перьяхъ: когда млиновый камень начнетъ плавать, а павиные перья начнутъ тонуть, тогда онъ воротится домой⁴⁾. Тотъ же мотивъ широко развитъ въ думахъ объ отъѣздѣ козака изъ родины, съ тѣмъ же симпатичнымъ образомъ младшей сестры и съ тѣми же загадочными отвѣтами козака⁵⁾.

¹⁾ Чубинскій, Труды экспедиціи, 94¹⁾.

²⁾ Ibidem, 941, 942, 943, 953; Головацкій, Народ. пѣсни галиц. и угорс. Руся I, 97—98; III, 45—46.

³⁾ Чубинск. Труды экспедиціи, V, 890; Закарпатск. Старосвѣтскій бандуриста, 62-63.

⁴⁾ Чубинск. Труды экспедиціи, 881; Головацк. Народ. пѣсни галиц. и угорс. Руся, ч. III, 12.

⁵⁾ Максимовичъ, Украинск. народныя пѣсни, 1834, 62. Лукашевичъ, Малорос. и червонорус. думы и пѣсни, 59. Кулишъ, Записки о южн. Руся. I. 14.

Но какъ пѣсни, такъ и названныя сейчасъ думы вращаются исключительно въ сферѣ семейныхъ отношеній. Не выходятъ изъ этой сферы и нѣкоторыя думы о смерти одного или нѣсколькихъ козаковъ въ степи (большею частію трехъ, иногда двухъ братьевъ). Есть, однакоже, одна прекрасная дума, въ которой тотъ же образъ умирающаго козака всецѣло проникнуть суровою поэзіею козацкой жизни. Мы разумѣемъ думу о Ѳедорѣ Безродномъ. Только одинъ вариантъ этой думы (А. А. Котляревскаго) связываетъ героя ея съ отцемъ-матерью, и то въ видѣ напоминанія объ нихъ, сдѣланнаго слугою умирающаго козака:

«Ты въ мене, говоритъ онъ своему слугѣ,
Отець и маты ридиеньки, в братъ и сестрыця виреньки»¹⁾.

Въ остальныхъ вариантахъ мы видимъ обстановку козацкой смерти строго козацкую, войсковую.

«Надъ сагою днiproвою лежать Ѳедоръ Безридный,
Безплемянный,
Постреляный,
Порубанный,
На раны смертельни знемаганпый»²⁾.

Онъ отдастъ на память о себѣ джурѣ своему коня, оружіе и все свое имущество козацкое, но при этомъ онъ хочетъ убѣдиться, будетъ-ли джура имѣть видъ настоящаго, браваго козака. Онъ приказываетъ ему сѣсть на коня и проѣхать передъ нимъ, и когда джура исполнилъ его желаніе, тогда только онъ рѣшилъ, что счеты его съ міромъ окончены.

«Ой благодарю тебе, Господа мылосердного, говоритъ онъ,
А що не ледай—кому моя худоба буде доставаты!»³⁾

Затѣмъ проситъ онъ джуру посмотрѣть, не ѣдутъ-ли козаки Днiproмъ-Славутою, и даетъ ему отеческое наставленіе, какъ онъ долженъ встрѣтить козаковъ *по козацкому звичаю*:

¹⁾ См. ниже эту думу въ гл. VI.

²⁾ Метлиц. Народ. южнор. пѣсни, 440.

³⁾ Записки юго-зап. отдѣла географ. общества, I, 19.

«Шлычокъ на копю искладай,
А самъ нывько уклоняй,
Напередъ Господу Богу
И батькови кошовому,
Отаману вийськовому,
И всему товариству кривному и сердешному»¹⁾).

Джура передаетъ козакамъ просьбу умирающаго товарища, чтобы они

«Тило козацьке, молодецьке въ чыстимъ поли поховалы,
Звиру-птици на поталу не подалы»²⁾).

Дальше слѣдуетъ трогательная картина козацкихъ похоронъ. Одинъ изъ вариантовъ думы заканчивается характернымъ обобщеніемъ въ козацкомъ духѣ:

«То ще добре козацька голова знала,
Що безъ вийська козацького не вмпрала!»³⁾

Такимъ образомъ, и въ этой думѣ мы видимъ однородные поэтическіе мотивы, разбросанные во многихъ пѣсняхъ.

Перейдемъ теперь къ думѣ, болѣе массивной по содержанию, чѣмъ двѣ разобранныя нами думы, и въ то же время однородной съ ними по архитектурному построению. Мы разумѣемъ думу объ Ивасѣ Коновченкѣ⁴⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Максимовичъ, Украинскія народ. пѣсни, 1834, 4.

⁴⁾ Событіе, о которомъ разсказывается въ этой думѣ, М. А. Максимовичъ относитъ къ 1634 году, „когда задѣйровскіе козаки ходили въ Бѣлгородщину на татаръ и разбили ихъ подъ Тягиномъ“. По его предположенію, курсунскій полковникъ Филоенко былъ сыномъ Филона Чыгала (Украинск. народныя пѣсни, 1834 г., 51). Но въ 1634 г., замѣчаетъ Костомаровъ, край праваго берега Днѣпра представлялъ безлюдную пустыню, между тѣмъ „обстановка жизни, представленная въ этой думѣ, скорѣе можетъ указывать на времена, предшествовавшія эпохѣ Хмельницкаго: спокойное пребываніе іудеевъ въ краѣ—это черта времени до жесточайшаго избіенія жидовъ при Хмельницкомъ“. (Исторія козачества въ намятникахъ южнорус. пѣснотворчества, отд. оттискъ, 67). Разсматривая думу въ стилистическомъ отношеніи, мы тоже готовы отнести ее скорѣе къ первой, чѣмъ ко второй половинѣ XVII в.

Нужно сказать прежде всего, что это самая живучая дума. Сохранилась она во множествѣ вариантовъ и поютъ ее даже на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ, вообще говоря, думы встрѣчаются рѣдко¹⁾. По словамъ одного лирника, думу эту заставляютъ пѣть родители непокорныхъ дѣтей и „парубки“, которымъ очередь идти въ солдаты²⁾. Сущность думы заключается въ изображеніи столкновенія между матерью и сыномъ, между семейнымъ строемъ жизни и общественнымъ. Старая Коновчиха—это не та мать, о которой поется въ пѣснѣ:

«Ой мала вдова сына сокола,
Выгодовала, въ вийсько оддала»³⁾.

Только въ одномъ вариантѣ думы о Коновченкѣ она благословляетъ сына въ походъ противъ турокъ, но и то—скрѣпя сердце⁴⁾. Въ остальныхъ вариантахъ она, какъ представительница семейнаго начала, страстно желаетъ, чтобы сынъ ея оставался при ней. Такая мать чаще всего встрѣчается въ пѣсняхъ. Нерѣдко она проклинаетъ своего сына за то, что онъ хочетъ промѣнять домашній очагъ на опасности боевой жизни⁵⁾. То же дѣлаетъ и Коновчиха. Въ думѣ этому проклятію пред-

¹⁾ Галицкій вариантъ этой думы представляетъ уже историческую пѣсню съ обыкновеннымъ стихотворнымъ разбитіемъ, который выдерживается довольно правильно сначала до конца, и для котораго иногда конецъ предъидущаго стиха повторяется въ началѣ слѣдующаго:

„Ой рано, равесенько и коника сидлае,
И коника сидлае, и на Бога не гадае“.

Историческая дѣйствительность въ этомъ вариантѣ едва замѣтна. Вмѣсто полковника Хвлюшенка является гетманъ. Событіе представлено въ идеальномъ отдаленіи. (См. Головац. Народныя пѣсни галиц. и угорск. Руси, ч. I, 9—12).

²⁾ Какъ въ народной повѣи прилагается старое къ новому, можно видѣть изъ варианта, записаннаго въ к. подольской губерніи:

„А якъ же я буду, говоритъ Коновченко, *охтыцерьскою*, *лыцарською*, *козацькою* славы—галицки пощматы,

То буду я отъ *исударя* чести й славы надияты“.

(„Кіевск. Стар.“ 1889 г. Сент. 676).

³⁾ Чубинск. Труды экспедиціи, V, 882.

⁴⁾ Максимовичъ, Украинскія народныя пѣсни, 1834, 53.

⁵⁾ Головац. Народн. пѣсни галиц. и угорской Руси, ч. I. 100.

посланъ цѣлый рядъ подробностей, не существующихъ въ народныхъ пѣсняхъ;—именно характерный разговоръ матери съ сыномъ послѣ того, какъ этотъ послѣдній горячо откликнулся на призывъ полковника Хвилоненка въ „охотне вийсько“.—Есть у насъ хозяйство, есть у насъ чѣмъ жить, говорить мать сыну. Но юноша пренебрегаетъ скромной долей „хлѣбороба“; онъ боится, что будутъ козаки „на пидпиту“ его „зневажаты“,—будутъ его „полежаемъ, домотуромъ, гречкосиемъ узывати“¹⁾. Онъ проситъ свою мать, чтобы она купила ему коня. Коновчиха отказала ему въ этомъ и отправилась въ церковь, а всю козацкую зброю заперла, оставила только „шавлю булатну, та пыцаль семпйадну“. Взялъ это оружіе Ивасъ и отправился „пихотою у вохотне вийсько“. Въ воротахъ встрѣчается онъ съ матерью:

«Эй, говорить онъ, не подобало бъ тобі козаку молодому и дороги переходыты,
Подобало-бъ тобі въ кутку сыдиты,
Та хоть чужую дытну малую колыхаты,
А бы-якъ зъ упокоемъ хлиба-солы ужываты».

Вотъ уже послѣ этого мать разразилась проклятіемъ. Но мать—какъ мать: на третій день она одумалась:

«Руки до Бога здпймае,
Господа зъ небесъ благае:
Дай мени, Боже, си слова передъ собою маты,
А свого сына Ивася Вдовыченка хоть разъ у вичи новыдаты».

Купила она коня и послала съ нарочнымъ, чтобы онъ Ивася догналъ и коня ему отдалъ. Глубоко тронуть былъ юноша этою всепрощающею любовью матери.

«Я жъ думавъ, говорить онъ, що мене маты у доми
елене-прокльнае;
Ажъ вона обо мни великое старанне мае,

¹⁾ Метлиц. Народныя южнорус. пѣсни, 415. Въ изложеніи думы мы будемъ держаться этого варианта: онъ совмѣщаетъ въ себѣ подробности, сближающія его

Дай мени, Боже, сей походъ сходьты,
Знавъ бы я, якъ свою матуръ у доми споважаты!»

Но это дѣло далекаго будущаго, когда утихнуть молодыя страсти. Впереди Ивасю предстоитъ доказать свою козацкую отвагу. Вызываетъ полковникъ охотниковъ „у первому рази на герци погуляты“. На этотъ вызовъ откликается Ивась:

«Ты дьти молоде, отвѣчаетъ ему полковникъ,
Розумомъ не дийшле,
У походахъ не бувало,
Крови хрыстьянскои не выдало».
«Возьмы ты, отвѣчаетъ ему Ивась, утя старее,
А друге младее,
Шусты ты на воду:
Чы не равно буде илысты младе,
Якъ бы старе?»

Выѣзжаетъ Ивась на герць:

«Турокъ шатдеситъ иидъ мичъ узивъ,
Дейатеро жыццемъ извѣазавъ,
Передъ Хвылона, Корсунського полковныка, въ наметъ
прывставлявъ».

Этотъ успѣхъ вскружилъ голову отважному юношѣ. Пьетъ онъ вмѣстѣ съ полковникомъ „медъ та оковыту горилку“.

«Якъ ставъ у соби нещасный хмель зачуваты,
Ставъ у другый разъ у Хвылона, Корсунського полковныка,
благословенни прохаты».

Не совѣтуетъ ему полковникъ

«Хмельному на герци гуляты».

Невольно припоминается при этомъ совѣтъ матери сыну изъ пѣсни:

«Ой, ты сыну мий, ты дьтнно моч,

съ остальными, при этомъ лучшія картины, разбросанныя въ другихъ вариантахъ, съ нею соединиши, какъ бы въ фокусъ.

Не пий, не пий та горилочки, бо зведе зъ ума .
 «Я горилки найбусь, отвѣчаетъ ей сынъ, и ума наберусь».

Въ думѣ этотъ семейный мотивъ переведенъ въ бытовую обстановку козацкой жизни. Почти то же отвѣчаетъ полковнику Ивасъ, что и сынъ матери въ пѣснѣ.

«Сталы его туркы въ хмелю познаваты,
 Сталы по камышахъ засидаты,
 Сталы его зъ коня збываты»,

Отправляетъ полковникъ козаковъ на выручку Ивася, но они застали его едва живымъ. Это былъ уже *рубанный* козакъ:

«Вже жъ винъ и очыма не глине,
 И руки не здиме,
 И ногамы не пийде,
 Тилько стыха словами промовляе:
 По малу, братци! Не вразьте моихъ смертельныхъ ранъ:
 Не булатными шаблями мене рубалы,
 Не ордынськыми стрилами зъ коня сбывалы,
 Се мене отцева молитва, та материни слезы побылы».

Привезли Ивася въ таборъ козацкій. Последней просьбой его было не посылать тѣла его на родину, не сокрушать сердца матери, и безъ того горемъ убитой, но тамъ же на полѣ битвы, „по козацки поховаты“. Слѣдуетъ затѣмъ уже известная намъ картина похоронъ козацкихъ. Дума заканчивается рассказомъ о томъ, какъ старая Коновчиха встрѣтила войско козацкое, возвращавшееся изъ похода, какъ она съ боязливымъ предчувствіемъ своего горя разспрашивала козаковъ о своемъ сынѣ, какъ они отвѣчали зловѣщими намеками о женитьбѣ козака на „препышной паннѣ“—степной могилѣ. Этотъ щемящій сердце образъ „препышной панны“, знакомый намъ изъ пѣсенъ о *рубанныхъ* козакахъ, поставленъ въ непосредственную связь съ пиромъ, который устроила мать погибшаго героя для его товарищей по оружію: пиръ этотъ въ одно и то же время былъ „похоронъ и весилля“.

Ярко взошла и быстро закатилась звѣзда молодого Ивася. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ это былъ самый симпа-

тичный образъ громадной силы, которая въ разцвѣтѣ молодости гибнетъ бесплодно для общаго блага. А все же, какъ говоритъ дума, „слава его не вмре, не поляже“. Это и есть задушевная мысль творца думы, который имѣетъ въ запасѣ поэтическую формулу для соединенія въ одномъ лицѣ „козацкой славы“ съ грѣхомъ Ивася, сознающаго въ предсмертную минуту, что „матерыни слезы его побылы“. Глубоко мотивированъ въ думѣ этотъ контрастъ психическимъ анализомъ дѣйствующихъ лицъ, которые расходятся въ своемъ настроеніи не по эгоизму личныхъ страстей, а только по роковой необходимости, вытекающей изъ разности положенія и возраста. Въ концѣ концовъ—мать Ивася не переставала любить его ни на минуту, даже и тогда, когда проклинала,—въ свою очередь Ивась умѣлъ цѣнить свою мать и отвѣчать на любовь ея любовью. Творецъ думы въ глубинѣ картины поставилъ мать, какъ живую душу семьи, а на переднемъ планѣ изобразилъ козацкое товариство „кревне и сердешне“, и всю эту толпу привелъ въ дивное согласіе высоко поднятыхъ человѣческихъ стремленій.

Сложный это процессъ творчества. И въ этой думѣ, какъ въ двухъ предыдущихъ, онъ повторяется съ правильностью строго выдержаннаго метода. Можно различать въ немъ два предшествующіе момента: поэтическое настроеніе, почерпаемое изъ пѣсенъ, и впечатлѣніе отъ событія, сходнаго съ содержаніемъ пѣсенъ. Оба эти момента сливаются въ одинъ цѣльный актъ поэтическаго вдохновенія, который въ отличіе отъ амплификаціи пѣсеннаго матеріала мы называемъ концентраціей или же, такъ сказать, сгущеніемъ его.

Теперь вопросъ въ томъ, что преобладаетъ здѣсь—пѣсенные мотивы или же событіе, изображаемое въ думахъ?

Мы думаемъ, что во всѣхъ думахъ историческаго содержанія исходной точкой творчества было событіе, но въ однѣхъ оно располагало къ воссозданію извѣстныхъ уже поэтическихъ образовъ, въ другихъ—нѣтъ. Если это событіе не выходило изъ ряда обыкновенныхъ явленій жизни, много разъ воспроизведенныхъ въ народныхъ пѣсняхъ, то поэтическіе мотивы этихъ послѣднихъ какъ бы сами собою напрашивались въ думу, со-

ставляя, такъ сказать, декоративную отдѣлку ея, разработанную иногда со всею тонкостью психическаго анализа, свойственнаго думамъ. Отмѣченная именемъ лица, затронутаго событіемъ или же принимавшаго въ ходѣ его личное участіе, дума снабжалась реальными подробностями козацкаго быта и являлась такимъ образомъ дальнѣйшимъ развитіемъ пѣсни. Если же событіе было совсѣмъ не заурядное или же слишкомъ извѣстное поэту, который могъ быть очевидцемъ и даже непосредственнымъ участникомъ его, то пѣсни теряли свое импонирующее значеніе. Могли быть такіе случаи, что по поводу громкаго и притомъ свѣжаго событія не успѣли еще сложиться и самыя пѣсни. Тогда творецъ думы предоставленъ былъ самому себѣ и долженъ былъ искать вдохновляющаго настроенія въ самомъ событіи. Таковы, напримѣръ, думы, изображающія эпоху Богдана Хмельницкаго: онѣ отличаются сухимъ реализмомъ, въ которомъ слышится безпощадно жесткій смѣхъ надъ побѣжденнымъ врагомъ. Нѣтъ въ нихъ почти ничего, что напоминало бы тонкій и нѣжный рисунокъ народныхъ пѣсенъ. Совсѣмъ не то представляютъ думы болѣе ранней эпохи: онѣ извлекаютъ изъ народныхъ пѣсенъ самыя задушевные лирическіе звуки,—событіе же, о которомъ идетъ рѣчь въ этихъ думѣхъ, представляется обыкновенно въ какомъ-то полусвѣтѣ.

Но, какъ бы рѣзко ни отличались эти два типа думъ по своему внутреннему строю, мы должны сказать, что во всѣхъ думѣхъ неизмѣнной остается поэтическая форма ихъ, не имѣющая ничего подобнаго въ поэзіи иныхъ славянскихъ народовъ.

Снова ставимъ вопросъ: откуда эта форма?

Намъ кажется, что происхожденіе ея до нѣкоторой степени опредѣляется психическимъ строемъ самихъ думъ, въ которомъ отчасти можно разгадать индивидуальный образъ поэтовъ, слагавшихъ думы.

Въ дополненіе къ тому, что сказали мы объ этомъ предметѣ въ первой главѣ нашего изслѣдованія, считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Строй этотъ глубоко народный. Нѣтъ въ немъ ни одной ноты, которая чужда была бы народному міровоззрѣнію, на-

роднымъ симпатіямъ и убѣжденіямъ. Главная нота въ думахъ— это идея свободы отъ насилій всякаго рода надъ личностью человека. Представителемъ и защитникомъ этой свободы былъ козакъ, и въ этомъ словѣ заключается основной нервъ поэтического настроенія, господствующаго въ думахъ. Какъ извѣстно, и послѣ паденія козачества, слово это осталось въ народныхъ пѣсняхъ въ значеніи не столько война, сколько удалаго добраго молодца и вообще любезнаго народному сердцу человека. Въ думахъ воспроизводится именно тотъ моментъ въ жизни козачества, когда оно не превратилось еще въ привилегированное сословіе, когда послѣдній человекъ изъ народной массы легко могъ сдѣлаться козакомъ, т. е. свободнымъ человекомъ. Только одна дума о Ганжѣ Андыберѣ изображаетъ сословную рознь въ средѣ самаго козачества, но всѣ симпатіи ея на сторонѣ большинства, презираемаго „дуками-серебряниками“, и самъ Ганжа Андыберъ есть беспощадный врагъ привилегій козацкихъ. Однимъ словомъ, думы въ этомъ отношеніи поютъ то же, что и позднѣйшая гайдамацкая пѣсня:

«Вызовь же насъ, мыйый Боже, та изъ тов неволл,
Та дай ще разъ засяты козацькои волл» 1).

Но идея свободы является въ думѣ не въ видѣ безграничныхъ пожеланій, а въ видѣ опредѣленныхъ и ясныхъ стремленій къ сословной равноправности и экономической полноправности. Это и есть чисто народная или же, точнѣе говоря, крестьянская струя, которая сообщаетъ козацкимъ представленіямъ о свободѣ демократическую окраску. Точкой соприкосновенія между крестьянскими и козацкими интересами была религія, но она уже представляетъ нѣчто болѣе сложное въ культурномъ отношеніи, чѣмъ соціально-экономическіе интересы крестьянской массы. Что касается до козацкихъ представленій о свободѣ, то они, совмѣщая въ себѣ все предыдущее, стояли уже на ступени національнаго самосознанія. Здѣсь уже ясно выдвигалась болѣе широкая идея о народѣ, который имѣетъ

1) Гловац. Народи. пѣсни галиц. и угорс. Руси, ч. I, 17.

свои порядки жизни, отличающіе его отъ другихъ народовъ, и который живетъ на извѣстной территоріи. Дума раздвигаетъ эти предѣлы до самой Вислы:

«Эй, Ляхы жъ вы, Ляхы, мостывии паны...
Кольсь наши дяды надъ сею ричкою козаковалы,
Да въ сій ричцѣ скарбы поховалы»... 1).

Пѣсня ограничивается теченіемъ Случи:

«Ой чы бачъ, Ляше, що по Случъ наше,
По косяную могылу»... 2).

Но дѣло не въ тѣхъ или другихъ границахъ, а въ проснувшейся національной потребности поставить эти границы. Это было уже дѣломъ козацкаго режима, который далъ организацію разрозненнымъ движеніямъ народной массы и съ успѣхомъ направилъ эти движенія къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Если же въ думахъ выражается не только народное, но и національное настроеніе, то очевидно, что и творцы думъ были люди, проникнутые тѣмъ и другимъ настроеніемъ, т. е. совмѣщали въ себѣ элементы крестьянской—простонародной и козацкой культурно-народной или же національной.

Къ тому же выводу мы должны придти, если припомнимъ данныя, указанныя нами выше и относящіяся къ техникѣ поэтическаго выраженія въ думахъ. Не говоря уже о томъ, что творцы думъ, какъ мы видѣли, охотно черпали матеріалъ изъ обширной области народнаго пѣснотворчества въ видѣ тѣхъ или другихъ поэтическихъ образовъ и цѣлыхъ картинъ, они вносили въ свои произведенія самый методъ народно-поэтическаго представленія, вытекающій изъ индивидуальныхъ особенностей малорусскаго племени. Мы разумѣемъ тотъ душевный складъ, свойственный малороссіянамъ, который заключается въ лирическомъ отношеніи къ явленіямъ жизни и выражается то въ элегическомъ, то въ сатирическомъ настроеніи, то въ соединеніи одного съ другимъ. На этой почвѣ народнаго темпера-

1) Кулишъ, Зап. о Южп. Руси. I, 56.

2) Лысенко, Збраникъ украинс. пѣсень, I, 28.

мента только и могли возникнуть думы, которыя самымъ названіемъ своимъ указываютъ на психическія свойства народа, среди котораго онѣ появились. Очевидно, творцы думъ выходили изъ народа или же, во всякомъ случаѣ, принадлежали ему. Но, всматриваясь пристальнѣе и глубже въ эту народную психическую ткань, лежащую въ основѣ думъ, мы должны сказать, что она въ значительной степени культивирована. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ мы изучаемъ явленіе этнографическое, на которомъ лежатъ свѣжіе еще культурные слои. Правда, это не есть свѣжесть современной культуры, въ движеніи которой народъ не принимаетъ активнаго участія. Это — старомодная культура, но въ ней есть одно любопытное качество, которое даетъ ей право на вниманіе и уваженіе: она была создана инициативой и силами самого народа не ради пустой прихоти, а ради высокихъ интересовъ нравственныхъ, не лишенныхъ общечеловѣческаго значенія. Вотъ почему мы не видимъ разлада между рефлексивными свойствами мысли, которыми обладали творцы думъ, и народно-поэтическими образами, въ которые они облекали эту мысль. Напротивъ того, въ поэтическомъ стилѣ думъ мы смѣло можемъ отмѣтить, какъ выдающуюся особенность ихъ, полную гармонію между природой и искусствомъ. Самый языкъ думъ представляетъ удивительное приспособленіе книжныхъ стихій рѣчи къ народнымъ, книжнаго строя къ народному. Не могло все это случиться само собою, въ бессознательномъ порывѣ наивнаго творчества. Думы — не простыя пѣсни, навѣяанныя мимолетными впечатлѣніями жизни, пропѣтыя для того, чтобы выразить приливъ или отливъ субъективныхъ ощущеній въ данную минуту. Думы предназначались для широкаго круга слушателей, которые искали въ нихъ серьезнаго отвѣта на вопросы жизни семейной и общественной. Знали это творцы думъ и, конечно, должны были приготовиться къ этимъ отвѣтамъ надлежащимъ образомъ, — должны были найти для своихъ мыслей болѣе или менѣе широкое основаніе въ культурной обстановкѣ своего времени, должны были согласовать эту обста-

новку съ міровоззрѣніемъ народнымъ. А это уже дѣло болѣе или менѣе сознательнаго искусства... ¹⁾).

Высказанныя нами соображенія проливаютъ тусклый свѣтъ на безыменныхъ представителей этого искусства. Попытаемся подойти къ нимъ еще ближе.

¹⁾ Убѣжденіе, что дума не простая пѣсня, что въ ней нельзя употребить всякое заурядное слово, перешло и къ позднѣйшимъ исполнителямъ думъ. См. объ этомъ Запис. о Южной Руси, Кулиша, I, 179.

V.

Творцы и пѣвцы думъ.

Есть одна идея, въ которой, какъ въ фокусѣ, сходятся нити, соединяющія въ одно цѣлое народныя малорусскія пѣсни и думы съ полународными и чисто книжными виршами: это идея матери, и притомъ въ симпатично-печальномъ образѣ матери-вдовы. Давняя это идея въ южнорусской землѣ. Еще въ начальной лѣтописи мы видимъ эту умную, глубоко озабоченную судьбою своего сына вдову, которая говорила ему: „азъ, сыну, Бога познахъ и радуюся; аще и ты познаеши Бога, то радоватися начнеши“. Онъ же не внимаше того, глаголя: „яко азъ хочу инъ законъ одинъ принять? А дружина моя сему смѣяться начнуть“... и не послуша матери, и творяше норовы поганьскыя, не вѣдый, аще кто матери не слушаетъ, въ бѣду впадае. Се же тому гнѣвашеся на мать. Но обаче любяше Олга сына своего Святослава, ркущи: „воля Божия да будетъ; аще Богъ възхоцетъ помиловати роду моего и земли рускыя, да възложить имъ на сердце обратитися къ Богу, яко же и мнѣ Богъ дарова“. И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся дни и нощи, кормячи сына своего до мужьства его и до възроста его“¹⁾.

Эти послѣднія строки невольню напоминаютъ слова малорусской думы о матери-вдовѣ, которая сына своего

¹⁾ Лѣтопись по Шатс. списку, 41.

«Изъ малыхъ лить годовала, леляла,
 До зросту въ наймы не пускала,
 Пры старостп лить славы да памѣаты прожыты сподивала» ¹⁾.

Не исполнились желанія матери-козачки, какъ не исполнились и желанія княгини Ольги. Конечно, причины размовки обѣихъ матерей съ сыновьями и тамъ и здѣсь были инныя, но и лѣтописной матери-княгинѣ не чуждо было простое желаніе материнскаго сердца видѣть сына дома въ печальную пору беспомощной старости: „И рече ему (Святославу) мати: „видиши ли мя болну сущю, камо хочещи (идти) отъ мене?“ Бѣ бо разболѣлася уже. Рече же ему: „погребѣ мя, иди амо же хочещи“ ²⁾.

Всѣ эти сопоставленія мы дѣлаемъ вовсе не для того, чтобы протянуть непрерывную линію между формами жизни княжеской и козацкой Руси. Извѣстно, что въ быту простыхъ людей того отдаленнаго времени, когда жила княгиня Ольга, родители имѣли большую власть надъ дѣтьми. Почти то же мы видимъ и позже—въ козацкій періодъ южнорусской исторіи. Такъ, въ XVI вѣкѣ, говоритъ одинъ почтенный изслѣдователь южнорусской старины, „родители могли закладывать своихъ дѣтей съ правомъ перезалога для кредитора; эта власть принадлежала не только отцу и обоимъ родителямъ вмѣстѣ, но и матери-вдовѣ въ отношеніи къ дочерямъ“ ³⁾. Что же могло вызвать апотеозу метери въ думахъ, совпадающую съ настроеніемъ всѣхъ слоевъ малорусскаго народа—книжныхъ и некнижныхъ?

Намъ кажется, что въ XVI в. положеніе матери-вдовы сдѣлалось сравнительно болѣе тягостнымъ, чѣмъ было оно прежде. И по обычному праву власть ея не распространялась на взрослыхъ сыновей, теперь же, когда явилась для всѣхъ полная возможность поступать въ „охотне вийсько“, власть эта еще болѣе сзузилась. То было время, когда для борьбы внут-

¹⁾ Лукашевичъ, Малорус. и червонорус. думы и пѣсня, 36.

²⁾ Лѣтопись по Илатс. списку, 44.

³⁾ Будаповъ, „Черты семейнаго права запад. Россіи въ половинѣ XVI в.“ (Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. 4, 77).

ренней и внѣшней многіе отказывались отъ всякихъ семейныхъ узъ, какъ это мы видимъ въ Запорожьѣ,—время, когда „зъ день годины“, какъ говоритъ дума, „счынался велики войны на Вкраини“. Много было тогда злополучныхъ женъ, которыя потеряли мужей своихъ въ этихъ войнахъ,—злополучныхъ вдовъ-матерей, которыя не могли удержать взрослыхъ сыновей своихъ отъ страстнаго желанія „съ козаками погуляты, щобъ отцевской славы не втераты“. И вотъ, въ виду беззащитнаго положенія матери-вдовы, творцы думъ поднимаютъ свой голосъ для возстановленія нравственныхъ правъ ея на вниманіе къ ней со стороны дѣтей ея. Во имя христіанской правды они напоминаютъ имъ о всемогуществѣ материнской молитвы, материнскихъ слезъ, и на разные лады повторяютъ слова лѣтописца: „аще кто матери не слушаетъ, въ бѣду впадаетъ“. Мотивъ этотъ, очевидно, чисто христіанскій, и такъ какъ онъ съ особенною настойчивостью развитъ въ древнѣйшихъ, такъ называемыхъ, невольницкихъ думахъ, то мы не можемъ отказаться отъ мысли, что первые творцы думъ принадлежали къ сословію каликъ убогихъ, искреннихъ проводниковъ въ народныя массы гуман-ныхъ идей христіанства. Сохраняя основныя черты своего типа, эти калики убогіе съ теченіемъ времени, въ XVII и XVIII вв., значительно измѣнялись подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, такъ что въ ближайшее къ намъ время они дошли до простыхъ исполнителей народныхъ думъ. Можно думать, однакоже, что въ старину между ними были и выдающіеся люди, одаренные творческими силами.

Высказывая это положеніе, мы повторяемъ, повидимому, общеизвѣстную истину. Но именно то, что кажется общеизвѣстнымъ, нерѣдко требуетъ всякаго рода объясненій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ народнаго творчества, составленныхъ безъименными авторами. Здѣсь прежде всего является вопросъ, какъ могла возникнуть стихотворная форма думъ въ средѣ каликъ убогихъ, которыхъ въ Малороссіи называютъ обыкновенно *стариямы* или *дидамы*?

Обратимся къ специальному репертуару всей этой „нищей братіи“, которая и донинѣ распѣваетъ свои *псалмы* на сборищахъ народныхъ.

Въ *псалмахъ* этихъ съ ясно обозначенною книжною стихіей рѣчи мы встрѣчаемъ прежде всего глагольную рифму. Вотъ нѣсколько образцовъ изъ самой популярной *псалмы* объ убогомъ Лазарѣ:

«Де ся мени трафитъ смерть, то *откуплюся*,
А не откуплюся, то *одобѣюся*,
До царства небесного самъ *доберуся*,
Господеви найвысшому не *помолюся*,
А всимъ святымъ его не *покорюся*» ¹⁾.

Или:

«Чы не мягъ бы ты мени то *вчыныты*,
Же я тебе буду вирне *просыты*,
Свѣй мызельный палець въ море *вмочыты*,
Мои смажуци уста та *захолодызы*,
Той некельный вогонь *прысаты*.
Мой спаленый языкъ *закропыты*» ²⁾.

Или:

«Нехай бы я промежъ нымы хотъ *пророковавъ*,
Отъ Госиода Бога пророчество *извищавъ*,
Уже бъ я свое сребро, злото на церкви *дававъ*,
Еже празныкъ и педпя молебни *наймавъ*,
Тебе, брате Лазаре, всегда *помышавъ*,
И ныцыхъ, убогихъ добромъ *надилавъ*,
Души своей царства вже бъ я *вотовавъ*» ³⁾.

Благодаря рѣшительному преобладанію глагольной рифмы, на первый планъ выдвигается въ *псалмахъ* цѣлое предложеніе или же самостоятельная часть слитнаго предложенія, какъ логическая основа стиха, которая не всегда можетъ совпадать съ одинаковымъ количествомъ слоговъ въ стихахъ. Отсюда не-

¹⁾ Головац. Народ. пѣсни галиц. и угорской Руси, ч. III, 264.

²⁾ Ibidem, 266.

³⁾ Ibidem, 270.

избѣжное послѣдствіе—неравенство стиховъ, что и находимъ мы во многихъ псалмахъ. Отсюда же и другое послѣдствіе—речитативный оттѣнокъ въ исполненіи псалмъ. Особенно рѣзко выступаютъ всѣ эти особенности стихотворнаго размѣра въ „просбуванняхъ“, или же, такъ называемыхъ, „жебранкахъ“. Приведемъ одну изъ нихъ для примѣра:

«Сынъ единый,
Исусъ Христосъ правдивый!
Зошли, Господы, Ангела-хранителя у сей домъ
благочестивый!

Прошу тебе, отецъ-матъ,
Нызькымъ уклономъ,
Покирнымъ словомъ,
Даруй мени единую рубашечку, або убраннычко,
На гришнее мое тило прикрываннычко,
Прикройте жъ, отецъ-матъ,
Мое гришне тило,
Щобъ одъ буйного витру воно не марнило,
И одъ праведного сонечка не вгоряло,
Одъ морозу не вымерзало,
Одъ дощу не вымокало,
То такъ и васъ прикрые Митиръ Божая честнымъ
своимъ омофоромъ¹⁾.

Мы имѣемъ предъ собою ту же конструкцію стиховъ, что и въ думахъ. Очевидно, что возникла она на почвѣ псалмъ виршеваго происхожденія, но проведена со всею послѣдовательностью въ думахъ, которыя дальше стояли отъ книжныхъ вліяній, чѣмъ псалмы.

Далѣе слѣдуютъ вопросы: давняя ли это конструкція? Не создана ли она позднѣйшими исполнителями думъ?

Въ послѣднія 20—30 лѣтъ въ этнографическихъ изданіяхъ не мало появилось всякаго рода сообщеній о пѣвцахъ, отъ которыхъ записаны были думы. Много симпатичнаго заключаетъ

¹⁾ Записана нами въ Кобеляц. у. полт. губ.

въ себѣ этотъ вымирающій уже типъ слѣпца-рапсода. Смотритъ онъ на свое ремесло, какъ на дѣло богоугодное, завѣщанное ему самимъ Иисусомъ Христомъ, который по вознесеніи своемъ предназначилъ для проповѣди своего ученія не однихъ Апостоловъ, но также хромыхъ и слѣпыхъ ¹⁾. Глубоко вѣритъ онъ въ дѣйствительность всего того, о чемъ поетъ въ своихъ псалмахъ и думахъ ²⁾. Самъ онъ бываетъ сильно растроганъ содержаніемъ думъ, прерывая иногда исполненіе ихъ всякаго рода замѣчаніями и поясненіями ³⁾. „Боже, твоя воля, хто его повыгадувавъ, що не можна выдумать бы такъ никому въ свити!“ говорилъ одинъ изъ нихъ во время исполненія думы о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова ⁴⁾. Въ этомъ наивномъ замѣчаніи пѣвецъ выразилъ не одно удивленіе свое къ невѣдомымъ ему творцамъ думъ, но и сознаніе полнаго безсилія своего выдумать что-нибудь похожее на думы. И дѣйствительно, въ текстѣ думъ мы не видимъ слѣдовъ творчества, современнаго самимъ запискамъ, зато въ большемъ изобиліи встрѣчаемъ слѣды искаженія и забвенія стариннаго текста. Сами пѣвцы иногда съ огорченіемъ сознаютъ, что многое забыли они, пересказывая думу „черезъ десяте въ двадцате слово“ ⁵⁾ или же, какъ говорилъ одинъ изъ нихъ: „стыхъ зъ одниес, да зъ другои, да й извяжешъ такъ“ ⁶⁾. „Мали старци настали“ ⁷⁾, говорятъ они, а когда-то, по словамъ ихъ, живали „старечи короли“ ⁸⁾, или же „старечи цехмыстри“, которые заводили у себя цѣлыя школы учениковъ-пѣвцевъ, собиравшихъ для своихъ учителей по городамъ и селамъ милостыню ⁹⁾. Собственно говоря, въ разныхъ концахъ Молороссіи и теперь существуютъ эти школы,

¹⁾ Кіевская Старина, 1889 г., Сентябрь, 663, 672.

²⁾ Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 45.

³⁾ Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 15—42.

⁴⁾ Ibidem, 3^e.

⁵⁾ Кіевс. Старина, 1882 г., Дек., 24.

⁶⁾ Историч. пѣсни Антон. и Драгом, I, 332

⁷⁾ Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 13.

⁸⁾ Ibidem, 2.

⁹⁾ Кіевскій Телеграфъ, 1873 г., № 59.

или, лучше сказать, учителя, имѣющіе двухъ-трехъ учениковъ, но въ репертуарѣ современныхъ „старцевъ“ очень рѣдко попадаютъ думы ¹⁾. Какъ извѣстно, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе забывается эта поэтическая старина, поэтому напрасно стали бы мы искать въ пѣвцахъ думъ, отъ которыхъ онѣ записаны, создателей вольнаго стихотворнаго размѣра, состоящаго въ неразрывной связи съ внутреннимъ строемъ думъ, въ чемъ собственно и заключается поэтическая форма ихъ. Надобно полагать, что и въ XVIII вѣкѣ пѣвцы думъ не обладали уже самодѣтельною творческою силою, изъ которой возникла эта форма, ибо ни одно событіе XVIII вѣка не воспѣто въ думахъ ²⁾. Такимъ образомъ мы должны отодвинуть появленіе этой формы къ болѣе давнему времени. Съ приблизительною точностью оно опредѣляется хронологическою линією событій, выше которой не поднимаются думы. Мы разумѣемъ событія XVII и XVI вв. Но, въ виду того, что думы сливаются съ пѣснями, изображающими черты народнаго быта, возникшія раньше XVI вѣка, линія эта незамѣтно теряется въ туманѣ предшествующихъ вѣковъ и совершенно уходитъ изъ нашихъ глазъ. Проникнуть далѣе, за предѣлы XVI вѣка, можно только съ помощью гипотезы. Но мы предпочитаемъ стоять на почвѣ фактовъ, доступныхъ нашему зрѣнію, поэтому, въ заключеніе нашего изслѣдованія, считаемъ необходимымъ высказать нѣсколько соображеній о той обстановкѣ, въ которой могли появиться творцы думъ, а равно о перемѣнахъ въ этой обстановкѣ, которыя неизбѣжно должны были отразиться на самихъ думахъ.

Мы должны поставить на видъ прежде всего то обстоятельство, что въ старину, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, нищая братія стояла подъ непосредственнымъ покровомъ церкви, которая давала ей организованную помощь въ видѣ

¹⁾ См. объ этомъ интересную статью В. Боржковскаго подъ заглавіемъ „Лирники“ въ Киев. Старинѣ, 1889 г., Сентябрь.

²⁾ Изъ первыхъ годовъ XVIII в. мы имѣемъ полу-пѣсню, полу-думу о полу-ларійшменѣ героѣ старинной Малороссіи Семенѣ Паліѣ. (См. у Максимовича въ изд. пѣсенъ народныхъ 1849 г.). Въ самомъ смѣшеніи двухъ разныхъ стилей выразилось паденіе творчества думъ.

страннопріимныхъ домовъ, больницъ и всякаго рода пріютовъ¹⁾. Понятно поэтому громадное значеніе нищей братіи въ формировавіи народно-поэтическихъ представленій о жизни въ направленіи христіанскомъ. Серединное положеніе ея между церковью и народомъ давало ей полную возможность вносить въ міровоззрѣніе народа широкія основы христіанской мысли, не отрываясь при этомъ отъ родныхъ мотивовъ поэтической старины, которая опиралась на языческія преданія. Отсюда произошло такъ называемое двоевѣріе, и донинѣ сохранившееся въ народной поэзіи, но уже съ преобладаніемъ христіанскаго настроенія—особенно въ пониманіи нравственныхъ задачъ жизни. Положительно можно сказать, что въ лицѣ нищей братіи церковью нашла самыхъ усердныхъ миссіонеровъ христіанства, которые съ теченіемъ вѣковъ подорвали въ народной жизни роль старинныхъ скомороховъ и другихъ представителей языческаго веселья.

Но это времена давнія.

Обращаясь къ эпохѣ пробужденія умственной жизни въ южной Руси, т. е. къ XVI вѣку южнорусской исторіи, мы встрѣчаемъ въ положеніи нищей братіи нѣчто новое. Она тоже стоитъ подъ защитою церкви, но эта церковь въ католическомъ государствѣ не пользуется покровительствомъ властей. Напротивъ того, со временъ брестской уніи она составляетъ предметъ систематическаго преслѣдованія со стороны государства. Самъ народъ долженъ былъ защищать церковь и въ ней искать опорной точки для борьбы съ врагами. Появились братства, которыя внесли въ организацію церковной жизни сознаніе народныхъ нуждъ и интересовъ. Въ числѣ этихъ интересовъ выдающееся положеніе заняла филантропія—главнымъ образомъ въ видѣ устройства „шпиталей“ для нищей братіи. Это были не больницы, но богадѣльни, въ которыхъ жили увѣчные старики, преимущественно слѣпые. Пользуясь пособіями отъ прихожанъ той церкви, при которой были шпитали, они промыш-

¹⁾ См. объ этомъ обстоятельную статью Ефименка: „Шпитали въ Малоросіи“. (Кіевъ. Старина, 1883 г., Апрель).

ляли и на сторонѣ посредствомъ испрошенія подаяній. Каждый шпиталь входилъ въ составъ „старечого“ братства или цеха, слагавшагося изъ нѣсколькихъ шпиталей одного и того же города или деревни. Цехъ имѣлъ свое имущество, свои права и обязанности—главнымъ образомъ по отношенію къ церкви. Почти не было церкви безъ шпитала. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ трехъ полкахъ лѣвобережной Украины было 589 шпиталей ¹⁾. Мы не имѣемъ статистическихъ свѣдѣній о количествѣ шпиталей въ болѣе раннее время, но упоминанія о шпиталяхъ встрѣчаются очень часто, начиная съ XVI вѣка, и, что въ особенности замѣчательно, въ самомъ началѣ XVII вѣка появляются шпитали военные—въ 1601 году въ Трехтемировѣ, а въ 1629 г. въ Кіевѣ „для людей рыцерскихъ, отъ непріятелей въ разныхъ битвахъ покалѣченныхъ“ ²⁾.

Теперь обратимъ вниманіе на обстоятельство чрезвычайной важности, именно на то, что одна и та же церковь простирала свои заботы и попеченія о шпиталяхъ и о школахъ. Оба эти учрежденія отъ нея получали свою нравственную и матеріальную поддержку и, конечно, состояли между собою въ постоянномъ и живомъ общеніи. Намъ уже извѣстны обитатели школъ съ ихъ „ораціями“ на разные случаи, съ ихъ „кунштами“ и „виршами“, „шпаргалами“ и „партесами“. Исполняли они при церкви, какъ и шпитальные „старци“, низшія обязанности. Отъ нихъ-то и получали „старци“ произведенія школьной мудрости, которыя и разносили въ народѣ. Усваивая эти произведенія, многое они измѣняли въ духѣ народномъ, ибо обязаны были примѣняться къ народному пониманію, къ народному складу рѣчи. Но странствующіе школьники требовались не въ однихъ школахъ. На нихъ былъ спросъ и въ войскѣ, гдѣ нужны были люди грамотные для войсковыхъ канцелярій. Не разъ случилось, что они мѣняли перо на саблю, участвуя въ разныхъ баталіяхъ. Они были свидѣтелями народныхъ движеній и нерѣдко

¹⁾ Основа, 1862 г., Ст. А. М. Лазаревскаго: „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в.“

²⁾ Кіевская Старина, 1885 г., Апрель, 715—716.

играли въ этихъ движеніяхъ не послѣднюю роль. Впечатлѣнія свои они выражали тоже въ виршахъ, которыя проникали въ школы и шпитали. Здѣсь эти вирши перерабатывались тѣми же „старцами“ для народнаго обихода. Такимъ образомъ, въ школахъ и шпиталяхъ старинной Малороссіи сосредоточивалась та полународная, полукнижная среда, которая объединяла умственные интересы духовенства, козаковъ и посполитаго люда. Вотъ изъ этой именно среды и могли выходить творцы думъ. Знали они изъ народныхъ пѣсенъ о безыменныхъ герояхъ, погибшихъ въ борьбѣ съ татарами и турками, а между тѣмъ жизнь выдвигала новыхъ героевъ, о которыхъ гласила народная молва. Нужно было прославить этихъ героевъ, поэтому „старцы“ создаютъ въ честь ихъ пѣснопѣнія особеннаго рода, въ которыхъ изъ старинныхъ обрядныхъ величаній, подновленныхъ школьными кантами, берутъ элементъ славленія, а изъ народныхъ пѣсенъ яркіе и излюбленные народомъ поэтическіе образы. Знали также „старцы“, чего стоила народу эта безконечная борьба его съ невѣрными, какія опустошенія производила она въ мирной жизни земледѣльца, поэтому они пользуются нравоучительно-религіозною философіей псалмъ для того, чтобы внести примиряющее начало въ сознаніе своихъ слушателей. Много утѣшенія проливали они въ душу осиротѣлой матери, потерявшей сына своего въ борьбѣ съ врагами, много добрыхъ чувствъ пробуждали они въ народной толпѣ напоминаніемъ о плѣнныхъ герояхъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ выкупа изъ неволи.

Такъ сама собою, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ бытовыхъ условій жизни, явилась поэтическая форма думъ, какъ плодъ взаимодѣйствія вліяній школьныхъ и народныхъ.

Когда началось это взаимодѣйствіе?

Къ сожалѣнію, мы не можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ съ документальной точностью. Знаемъ только, что въ XVI вѣкѣ, предъ самымъ началомъ широкой просвѣтительной дѣятельности, съ которою выступили южнорусскія центральныя братства львовское и кievское, существовали уже въ наличности всѣ элементы, изъ которыхъ слагалось умственное общеніе между школой и народомъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытно завѣщаніе Василія

Загоровскаго, каштеляна брацлавскаго, написанное имъ въ турецкой неволѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1580 г. Онъ просить, чтобы къ дѣтямъ его, двумъ сыновьямъ, когда исполнится имъ по семи лѣтъ, пригласили „дьяка добре учоного“, который долженъ научить ихъ „русское науки въ писме святомъ.... въ своемъ языку рускомъ“. Въ другомъ мѣстѣ завѣщанія онъ назначаетъ дьяку большее денежное вознагражденіе, чѣмъ діакону и даже священнику, „абы въ той белои избе противъ шпиталное чорное избы мешкаючи, дѣти, которые на науку будутъ ему давати, вдячне училъ“, а также, чтобы „книги, якихъ церковь пилне потребуеть, зъ добраго зводу уставичне писалъ“. Тутъ есть все: и дьякъ, списывающій книги и обучающій дѣтей въ школѣ, и два шпитала, которые по завѣщанію должны быть устроены при церквахъ—одинъ во Владимірѣ, другой въ Суходолахъ, каждый „для 12 особъ убогихъ а здоровья неспособнаго людей“. Есть даже бакаляръ статечный, котораго завѣщатель желаетъ пригласить въ домъ свой для обученія дѣтей его „науки латинского писма“¹⁾. Мы не имѣемъ только псалмъ и виршей, которыя тогда уже могли появиться въ школьномъ употребленіи, за то имѣемъ такія оригинальныя произведенія второй половины XVI вѣка, какъ переводы книгъ св. Писанія на народный языкъ, свидѣтельствующіе о стремленіи книжныхъ людей приблизить „русскую науку въ писме святомъ“ къ народному пониманію. Поэтому мы не видимъ достаточныхъ основаній ограничивать началомъ XVII вѣка школьныя вліянія на народную мысль, слѣдовательно, и на поэтическое народное творчество. Но, конечно, вполне окрѣпли эти вліянія въ XVII вѣкѣ, когда въ большемъ изобиліи появился въ школахъ извѣстный уже намъ литературный матеріалъ. По мѣрѣ накопленія этого матеріала, крѣпче стягивался узелъ, соединявшій народное иѣснотворчество съ книжными вліяніями, завязанъ же былъ этотъ узелъ, безъ сомнѣнія, раньше XVII вѣка.

Полагать надобно, что въ средѣ тѣхъ же „старцевъ“, и тоже не позже XVI вѣка, установилась и заупыная мелодія

¹⁾ Архивъ югозапад. Россіи, т. I, ч. 1, № 16.

думъ ¹⁾. Въ старину, какъ и въ позднѣйшее время, когда записывались думы, пѣвецъ вносилъ въ эту мелодію особенную выразительность посредствомъ речитативныхъ вставокъ и музыкальной декламаціи, которая сопровождалась подыгриваньемъ на кобзѣ или на бандурѣ. Оба эти инструмента теперь уже вышли изъ употребленія, но въ прежнее время они составляли обычную принадлежность козацкаго быта. Особенно это нужно сказать о кобзѣ—инструментѣ болѣе простомъ и популярномъ, чѣмъ бандура ²⁾.

²⁾ Не отрицая вліянія Востока на эту мелодію, г. Фаминцинъ допускаетъ возможность заимствованія ея у сербскихъ пѣвцевъ, которые, по свидѣтельству польскихъ писателей XVII в., доходили въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. до Польши и Малороссіи (Домра и средние ей музыкальные инструмента, 152). Справедливо замѣчаетъ объ этомъ мнѣніи рецензентъ сочиненія Фаминцина: „дума, говоритъ онъ, создавалась подъ такимъ напльвомъ чисто народнаго возбужденія, что трудно принять здѣсь воздѣйствіе какихъ-нибудь вѣнскихъ, случайныхъ вліаній, что нужно искать происхожденія этой музыки въ самыхъ бытовыхъ условіяхъ—въ культурныхъ вліаніяхъ черноморскихъ Турковъ“. (Вѣстанкъ Европы, 1891, Августъ).

¹⁾ *Кобза*—венгер. *Koboz*, турец. *qoruz* (Miklosich, Die Freund. Wörter in den Slav. Sprachen, 1867 г.) музыкальный инструментъ, сдѣланный изъ деревяннаго дерева, о трехъ струнахъ. Это любимый инструментъ украинской молодежи; перешелъ онъ къ козакамъ отъ татарскихъ народовъ (Encyklopedia powszechna, Orgelbranda, 1860 г. т. XIV, 954). „Названіе *кобза*, говоритъ г. Фаминцинъ, можетъ быть прослѣжено въ старинныхъ памятникахъ славянскихъ и неславянскихъ до 1250 г. Извѣстно оно было Половцамъ, которые принесли, какъ названіе, такъ и инструментъ изъ азіатской своей родины“. (Домра и средние ей инструмента рус. народа, 91).

Бандура—италіанс. *bandōra* и *mandola*, испанс. *bandurria* и *bandola*, португальс. *bandurra*, француз. *bandore* и *mandole* отъ *bandura*, *bandurium*, гречес. *πανδοῦρα* (Diez, Etymolog. Wörterbuch der romanisch. Spr., 1870 г., I, 302; болѣе подробную этимологию слова см. у А. Н. Веселовскаго: „Разсканія въ области рус. духовнаго стиха, Прилож. къ XIV т. Записокъ Академіи наукъ, № 1. 159—161)—музыкальный инструментъ въ родѣ люти со струнами изъ желтой мѣди, съ короткой шейкой или грифомъ, иѣкогда былъ въ большемъ употребленіи у козаковъ на Украинѣ, откуда перешелъ къ Польшу и изъ Русь (въ Галицію). (См. Encyklopedia powszechna, Orgelbranda, 1860 г., т. II, 798—799). Въ послѣднее время высказано было иное мнѣніе о происхожденіи малорусской бандуры: г. Фаминцинъ ведетъ ея исторію изъ Англій, гдѣ она изобрѣтена была въ четвертомъ году царствованія королевы Елисаветы, т. е. въ 1561 году, отсюда распространилась она по всей Европѣ и чрезъ Польшу въ концѣ XVI в. проникла въ Малую Русь, гдѣ и сдѣлалась національнымъ инструментомъ, вытѣснивъ изъ употребленія гобу и получивъ

Съ кобзою въ рукахъ козакъ шель на любовное свиданіе:

«Не боиться козаченько ни грому, ни тучи,
Хорошенько въ кобзу грае, до дивчины йдучи»¹⁾.

Пѣніемъ и игрой на кобзѣ онъ выражалъ буйный разгулъ молодости:

«Ой далеко чуты козака Ворма, що иде съ кобзыною,
На кобзоньци грае, ще краще спивае,
Та жъ бо его венька, та его старенька
Изъ жалю омливае»²⁾.

О бандурѣ мы рѣдко встрѣчаемъ упоминанія въ бытовыхъ малорусскихъ пѣсняхъ. Какъ инструментъ болѣе сложный, онъ требовалъ, повидимому, болѣе опытныхъ и искусныхъ рукъ, хотя и бандура употреблялась не для однихъ пѣсень общественнаго содержанія³⁾. Въ виршахъ и думахъ есть упоминанія о бандурѣ. Сюда относится извѣстная уже намъ вирша, подписываемая подъ изображеніемъ запорожца, играющаго на бандурѣ, и дума о смерти козака-бандуриста, который называлъ свою бандуру *подорожною*. Есгь указанія въ думахъ, что въ самыя трудныя минуты жизни козакъ не разлучался съ своею бандурою. Такъ, въ думѣ о Семенѣ Паліѣ говорится, что и въ Си-

отъ нея названіе (Домра и сродные ей музыкальные инструменты рус. народа, 111—123). Но если названіе этого инструмента находится въ очевидной этимологической связи съ инструментомъ балканскихъ славянъ *randiga*, а этотъ послѣдній, по мнѣнію г. Фаминцина, могъ быть заимствованъ славянами черезъ посредство Византіи изъ арабско-персидскаго Востока, то не могла ли этимъ путемъ появиться бандура и въ южной Руси гораздо ранѣе XVI вѣка, — тѣмъ болѣе, что самъ г. Фаминцинъ для подтвержденія своего мнѣнія о роли Византіи въ передачѣ этого инструмента славянамъ ссылается на одну изъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора, изображающую музыканта съ пятиструннымъ инструментомъ, похожимъ на бандуру? (Ibidem, 41).

¹⁾ Головац. Народныя пѣсни галиц. и угорс. Руси. I, 252.

²⁾ Ibidem, 272. Чубинс., Труды экспедиціи, V, 110. Папроцкій, польскій историкъ конца XVI в., говоритъ: „Козаки съ большою радостью показывали невообразимыя штуки, стрѣляли, пѣли и на кобзахъ играли“. (Encyklop. powazeczna Orgelblanda, 1860 г., т. XIV, 254).

³⁾ Козаковъ, которые играли на бандурѣ, танцевали и пѣли, называли бандуристами. При Станиславѣ Августѣ вошло въ моду не только на Украинѣ и на

бири искалъ онъ въ пѣніи и въ игрѣ на бандурѣ душевнаго успокоенія:

«Прійшовъ нанъ Палий додому та й сивъ у памити,
 На бандурци выгравас: «Лыхо жыты въ свити!
 Той, душу заклавшы, свыту, бачъ, гантуе,
 А той по Сибяру мовъ у лузи дубуе!»¹⁾

Всѣ эти данныя не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что не одни „старци“ играли въ старину на кобзѣ и на бандурѣ, хотя отсюда вовсе не слѣдуетъ, что они не принимали участія въ созданіи народныхъ малорусскихъ думъ. Говоримъ это въ виду мнѣнія, давно высказаннаго, что „воинскія думы сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старины, а не безоружными слѣпцами“²⁾. Дѣйствительно, по мѣрѣ успѣховъ козацкаго оружія въ борьбѣ съ поляками въ эпоху Богдана Хмельницкаго, думы становятся ближе къ текущей дѣйствительности, которая отражается въ нихъ со всѣми подробностями бытовой и воинской обстановки. Въ то же время онѣ стоятъ вполне независимо отъ вліянія лирическихъ пѣсенъ соответствующаго содержанія, чего нельзя сказать о думахъ болѣе ранней эпохи. По всему видно, что творцы думъ сами были непосредственными свидѣтелями событій. Мы думаемъ, однако же, что типическія особенности думъ не могли выработаться и установиться на полѣ битвы, вдали отъ культурныхъ вліяній школы, поэтому инициатива въ созданіи думъ всегда принадлежала „старцамъ“, изъ среды которыхъ съ теченіемъ времени выдѣлился особый типъ войсковыхъ кобзарей или бандуристовъ. Ютились эти бандуристы въ козацкихъ отрядахъ и знали о происшествіяхъ своего времени не по наслышкѣ. Это

Воляни, но и въ самой Варшавѣ, держать исправныхъ и разряженныхъ козаковъ-бандуристовъ для утѣхи гостей посредствомъ пѣнія и танцевъ. Впрочемъ, разнообразіе того и другаго не всѣмъ приходилось по вкусу. (Encyklop. powyzeczna Orgelbranda, 1860 г., т. II, 799).

¹⁾ Максимовичъ, Украинск. народн. пѣсни, 1849 г.

²⁾ Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 193. Это давнее мнѣніе недавно было высказано и г. Фаминцинымъ, который, впрочемъ, не приводитъ въ пользу его

были постарѣвшіе воины-козаки, которые по старости и другимъ причинамъ не владѣли оружіемъ и входили въ составъ полковой „музыки“. Они развлекали своимъ искусствомъ козаковъ въ промежутки боевыхъ часовъ, а по окончаніи похода разносили славу о герояхъ по всей Украинѣ. При всеобщей заинтересованности ходомъ событій, непосредственнымъ участникомъ которыхъ былъ самъ народъ, думы, распѣваемые бандуристами на ярмаркахъ и въ другихъ людныхъ мѣстахъ, доставляли ему не только поэтическое наслажденіе, но и удовлетворяли потребностямъ политическаго знанія. Такъ же популярны были думы и въ средѣ козацкой старшины, въ составъ которой входило много людей *письменныхъ*, требовавшихъ отъ народной поэзіи книжной приправы. Въ одной думѣ мы встрѣчаемъ прямое указаніе на то, что онѣ распѣвались предъ слушателями изъ этого круга людей, которые называются „народными головами“¹⁾. Здѣсь уже мы видимъ молодыхъ бандуристовъ, которые изучали думы для развлечения „народныхъ головъ“. По свидѣтельству историка Новой Сѣчи, „почти вслѣдъ за старшинами имѣлъ у себя хлопца-торбаниста“²⁾. Мода на бандуристовъ въ XVIII в. отъ козацкой старшины перешла ко двору, а отсюда къ русскимъ вельможамъ³⁾. Любопытны по-

никакихъ новыхъ соображеній и доказательствъ. (Домра и сродные ей музыкальные, инструм. рус. народа, 145—157).

¹⁾ Метлинск., Южнорус. народ. пѣсни, 441.

²⁾ Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, 1846 г., 331.

³⁾ Въ дневникѣ Н. Ханенко подъ 1732 годомъ упоминается бандуристъ, бывший при Петрѣ II (не названъ по имени). (См. Кіевская Старина, 1884 г., Сентябрь, Приложенія, 81). Подъ тѣмъ же годомъ упоминается какой-то другой дворцовый бандуристъ, Ермолай Санкевичъ. (Ibidem, Августъ, Приложенія, 71). При дворѣ Елисаветы Петровны состояли бандуристами слѣпецъ Григорій Михайловичъ Любистокъ. Въ 1742 году онъ женился, въ 1743 году пожалованъ дворянствомъ, а потомъ произведенъ въ полковники. (См. Дневныя Записки Я. Марковича, 1859 г., ч. II, 182, 191). Официальный титулъ этого бандуриста былъ такой: „Двора Ея Императорскаго Величества слѣвальной музыки тенористъ и російскій дворянинъ Г. М. Л.“. Вообще въ дневникахъ XVIII вѣка довольно часто встрѣчаются лаконическія свѣдѣнія о бандуристахъ, которые за трудъ свой получали добротныя даянія. Даже въ началѣ XIX в. не прекратился среди молодорусскаго дворянства обычай держать въ составѣ домашней прислуги козацковъ, которые съ инструментомъ въ рукахъ отлично танцевали, аккомпанируя сами себя-

хожденія одного изъ этихъ рапсодовъ, который состоялъ сперва бандуристомъ при кievскомъ генералъ-губернаторѣ Леонтьевѣ, а по смерти его отправился въ Сѣчь, гдѣ и „находился чрезъ 6 годъ, упражняясь при охотныхъ козакахъ бандурною игрою“; и „получалъ одежду и деньги за играніе имъ на бандурѣ“. Изъ Сѣчи онъ перешелъ къ гайдамакамъ,—какъ зрячій, сторожилъ гайдамацкое добро и получалъ отъ нихъ свою долю добычи. Подлинная фамилія его была Рыхлѣвскій, по уличному Бандурка ¹⁾). Коденскій судъ надъ гайдамаками смотрѣлъ на этихъ бандуристовъ, какъ на подстрекателей народнаго возстанія: трехъ изъ нихъ онъ приговорилъ къ смертной казни ²⁾).

Такимъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ мы видимъ бандуристовъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: являются они то въ народѣ, то въ домахъ малорусской и великорусской знати. Изъ одного и того же инструмента они должны были извлекать разные звуки во вкусъ своихъ слушателей, а это не могло, во всякомъ случаѣ, благопріятствовать самобытности поэтическаго вдохновенія. Да и вкусы эти въ козацкой старшинѣ были уже не тѣ, что прежде. Довольно поспѣшно превращалась она въ малороссійское шляхетство, которое гордилось славою предковъ только лишь въ расчетахъ на сословныя привилегіи. Снова водворялись въ странѣ крѣпостные порядки, отъ которыхъ отбилась она въ эпоху Богдана Хмельницкаго, поэтому гармонія интересовъ крестьянскихъ и козацкихъ, которою проникнуты думы, давно уже исчезла. Послѣ Палія почти не было уже всенародныхъ героевъ, о которыхъ можно было бы сказать съ положительнымъ убѣжденіемъ, какъ это обыкновенно говорилось въ думахъ, что

«Слава ихъ не вмре, не поляже,
Буде вона славна помижъ козаками,
Помижъ друзими,

(См. объ этомъ Записки доктора де-ля-Флиза, Русская Старина, 1892 г., февраль, 345).

¹⁾ Киевская Старина, 1886 г., Октябрь, 379—388.

²⁾ Ibidem, 1882 г., Апрель, 164—165.

Поможь рыцарями,
Поможь добрыми молодцами»¹⁾.

Одни козаки превращались въ пановъ, другіе въ подданныхъ, друзья расходились въ разныя стороны, не стало рыцарей, не стало добрыхъ молодцевъ. Какъ же могло устоять противъ теченія поэтическое творчество думъ, которое изображало всѣхъ этихъ людей на высотѣ героическаго увлеченія всенароднымъ благомъ?

Таковъ былъ общій строй жизни въ Гетманщинѣ. На правой сторонѣ Днѣпра было еще хуже. Здѣсь по старой памяти къ сословнымъ угнетеніямъ присоединялись религіозныя. Не могло уже Запорожье серьезно помочь гайдакакамъ, какъ оно помогло когда-то Хмельницкому. Славное нѣкогда сѣчевое братство само доживало послѣдніе годы свои и уже давно не распоряжалось самостоятельно своими военными предпріятіями. Въ 1775 году оно пало, а вмѣстѣ съ нимъ разлетѣлась въ прахъ послѣдняя опора козачества. Отъ старой Сѣчи остались только скорбныя пѣсни о разореніи ея, а не думы о рыцаряхъ войска запорожскаго. А между тѣмъ, въ польской Украинѣ было совсѣмъ не до думъ. Тамъ происходила нѣкоторымъ образомъ агонія польскаго государства, которое въ послѣднія минуты своего существованія представляло патологическую картину поздняго горонизма, смѣшаннаго съ старою болѣзнію нетерпимости и ожесточенія противъ народа, котораго въ свое время оно не умѣло понять и оцѣнить. Съ народомъ этимъ сводились старыя счеты, вызвавшіе уманскую бойню, за которую въ видѣ возмездія послѣдовала еще болѣе ужасная, продолжительная и хладнокровно обдуманная коденская бойня. Не угасло и въ это тяжелое время поэтическое творчество народа, но оно выразилось не въ думахъ, а въ пѣсняхъ. Быстрый натискъ кровавыхъ событій, повидимому, поставилъ пѣвцевъ въ необходимость воспользоваться болѣе подвижной формой поэзіи, чѣмъ думы. Да и въ сознаніи самихъ гайдамаковъ помутились уже старыя

¹⁾ Лукашевичъ, Малорус. и червонорус. думы и пѣсни, 47.

идеалы козачества, поэтому и дѣянiя ихъ не могли быть воспроизведены въ думѣхъ съ обычнымъ окончанiемъ ихъ—прославленiемъ героевъ. Вдали передъ собою народъ не видѣлъ свѣтлаго будущаго, а отъ ужасовъ настоящаго онъ уходилъ вмѣстѣ съ своими бандуристами въ гетманщину, гдѣ думы и нашли послѣднее свое успокоенiе. Здѣсь, въ средѣ сельскаго люда, особенно въ средѣ незакрѣпощенныхъ еще козаковъ, сидѣвшихъ на своемъ грунтѣ, а также въ средѣ мелкаго хуторскаго панства, не утратившаго симпатiй къ народу, сохранились еще привычки мысли и чувства къ поэтическимъ преданiямъ козацкой старины, воспѣтой въ думѣхъ. Привычки эти въ теченiе XVIII вѣка поддерживались старинными учрежденiями въ родѣ сельскихъ школъ и шпиталей съ ихъ обычной обстановкой, съ мандрованными дьяками и странствующими школярами. Подъ сѣнiю этой старины и прiютились пѣвцы народныхъ думъ. Но это было уже новое поколѣнiе пѣвцевъ, которые называли себя не бандуристами, а кобзарями. Такъ, вѣроятно, назывались и старинные бандуристы въ средѣ посполства, ибо кобза въ старину была инструментомъ болѣе простонароднымъ, чѣмъ бандура. Съ паденiемъ козачества на трехструнную кобзу было перенесено представленiе о многострунной бандурѣ,—кобза же въ смыслѣ трехструннаго инструмента совсѣмъ вышла изъ употребленiя. Въ связи съ этимъ смѣшенiемъ инструментовъ находится и смѣшенiе понятiй о самой думѣ. Названiе этого рода поэзiи думой кой-гдѣ уцѣлѣло почти до нашихъ дней ¹⁾, но большею частью сами кобзари называютъ думы или *псалмами* ²⁾, или же *пѣснями про старовину* ³⁾. По всей вѣроятности, въ то давнее время, когда писалъ свои *Анналы Сарницкiй*, слово *дума*, сохраняя свое старинное значенiе, въ какомъ оно и доннѣ употребляется въ Галицiи, начало уже служить для названiя пѣсенъ особаго рода, именно пѣсенъ вольнаго размѣра, исполняемыхъ подѣ

¹⁾ Кiевская Старина, 1882 г. Декабрь, 28.

²⁾ Историчес. пѣсни малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, I, Предисловіе, XV.

³⁾ Записки юго-запад. отдѣла географичес. общества, II, 113.

звуки бандуры или кобзы. Нельзя, конечно, допускать для тѣхъ отдаленныхъ временъ строгой классификаціи родовъ и видовъ въ области народной поэзіи: дума, называясь думой, въ то же время была и пѣсней, поэтому и тогда было уже возможно смѣшеніе этихъ понятій. Но мало по малу, по мѣрѣ того, какъ дума, не подновляемая повымъ приливомъ поэтическаго творчества, начала опускаться изъ козацкой среды въ простонародную, самое слово *дума* начало выходить изъ употребленія между пѣвцами думъ. Въ Галиціи оно сохранилось въ своемъ древнемъ южнорусскомъ значеніи, потому что *галицкая дума* не претерпѣвала тѣхъ измѣненій, какимъ подвергалась *украинская дума* въ теченіе измѣнчивыхъ судебъ козацкой жизни. Зато въ Галиціи нѣтъ и думъ въ украинскомъ смыслѣ этого слова, ибо дума есть произведеніе по преимуществу козацкое, а козачество въ Галиціи никогда не процвѣтало.

Настало новое время. Надъ народомъ тяготѣютъ новые интересы жизни. Подъ давленіемъ этихъ интересовъ онъ ни на минуту не можетъ оторваться отъ угнетающихъ его заботъ о завтешнемъ днѣ. Собственное прошлое его кажется ему сказкой. Онъ не понимаетъ его, онъ равнодушенъ къ нему. Поэзія думъ не трогаетъ его сердца. „Теперь молодіи все позабывали, жалуются кобзари, старыхъ писень не слушаютъ: ему спивай про старовину, а винъ и не знае, що воно таке“¹⁾. Мало того. Архаическая фразеологія думъ послужила матеріаломъ для одной юмористической пѣсни, которая есть ничто иное, какъ пародія на думы. Вотъ эта пѣсня:

«На сынѣму морн,
 Пидъ прыничкомъ доли,
 Да тамъ куца собака обметилцю пла:
 Де не взялася съ помыйницы супротивна хвыля,
 Тому куцому собацци хвистъ одкрутыла,
 А я сыльне злякався,
 На темни луга,

¹⁾ Кіевская Старина, 1882 г. Декабрь, 5.

На густя лиса,
 На дыки степа,
 На ничъ у куточокъ сховався,
 Черезъ коминъ поглядаю,
 Тамъ вареныкы-невильныкы въ сметани потопають,
 А я на нихъ велике мылосердие маю,
 Въ бездонный глечыкъ скидаю²⁾.

Такъ изъ вѣка въ вѣкъ однѣ формы жизни смѣняются другими, а за ними слѣдуютъ и формы поэзіи. Но, если народъ, создающій тѣ и другія, способенъ къ самоанализу, хотя бы въ видѣ безпощадной ироніи надъ своими собственными произведеніями, то мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что онъ подлежитъ не столько стихійному насилію слѣпой эволюціи, сколько разумному и жизнеупорному закону человѣческаго прогресса.

²⁾ Чубинск. Труды экспедиціи, V, 1170.

VI.

Старинная запись народных малорусских думъ съ обзоромъ вариантовъ къ нимъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ мы познакомились въ первый разъ съ старинною записью народныхъ малорусскихъ думъ, принадлежавшей покойному А. А. Котляревскому. Тогда же явилось у насъ желаніе заняться изученіемъ думъ, но, подготавливая матеріалъ для этого изученія, мы упустили изъ виду самую рукопись, и только благодаря любезности Н. А. Котляревскаго, предоставившаго ее въ распоряженіе редакціи „Кіевской Старины“, рѣшились мы привести наши мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ въ систематическій порядокъ.

Отрывки изъ девяти думъ, заключающихся въ рукописи, напечатаны были Н. И. Костомаровымъ въ извѣстномъ трудѣ его, помѣщенномъ въ „Русской Мысли“ за 1880 и 1883 гг. подъ заглавіемъ „Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго иѣсеннаго творчества“. Въ видѣ дополненія къ нашему труду издаемъ полный текстъ всѣхъ тринадцати думъ, находящихся въ рукописи, освободивъ его отъ своеобразной транскрипціи, которую сообщилъ ему Н. И. Костомаровъ, и сохранивъ всѣ орфографическія особенности подлинника.

Рукопись, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ такого изданія, потому что она представляетъ едва-ли не самую давнюю запись малорусскихъ думъ прямо изъ устъ народныхъ. На заглавномъ листѣ ея стоятъ слѣдующія любопытныя строки, написанныя, судя по почерку, рукою самого составителя рукописи: „Повѣсти

малороссійскія числомъ 16¹⁾). Списаны изъ усть слѣпца Ивана, лучшаго рапсодія, котораго засталъ я въ Малороссіи въ началѣ XIX вѣка“. Кто былъ этотъ писатель, не видно изъ рукописи, но слова его находятся въ полномъ согласіи съ водяными знаками бумаги, на которой написана вся рукопись: на синихъ листахъ ея, на которыхъ помѣщены самыя „Повѣсти малороссійскія“, водяные знаки относятся къ 1808 году, а на бѣломъ заглавномъ листѣ, который пришить къ рукописи, повидимому, послѣ того, какъ она была написана, водяные знаки указываютъ на 1827 годъ. Принимая во вниманіе эти данныя, можно полагать, что рукопись современна первому (цертелевскому) изданію малорусскихъ думъ (1819 г.), а можетъ быть, и древнѣе его.

Всѣхъ листовъ въ рукописи включительно съ заглавнымъ, составляющимъ обертку ея, восемь съ половиною, полулистовъ семнадцать. Пагинаціи листовъ нѣтъ, но каждая пьеса отмѣчена числомъ. Думы и пѣсни расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Три брата въ плѣну въ Азовѣ, 2) Козакъ Иванъ Коновченко изъ города Черкассы, 3) Пирятинскій поповичъ Алексѣй, 4) Федоръ Безродной, 5) Три брата Самарскіе, 6) Атаманъ Матяшъ старый, 7) Козакъ прощается съ сестрами, 8) Братъ да сестра, 9) Кишка Самыло, 10) Иванецъ богославецъ гет: Запорож., 11) Вдова въ городѣ Чечельницѣ (въ Польшѣ), 12) Дворянская жена, 13) Чечотка, 14) Попадья, 15) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ, 16) Вдова Сирка Ивана. Послѣ этой послѣдней думы стоитъ непонятное для насъ слово: *Сабардак*. Отъ предшествующаго текста оно отдѣлено чертой и само подчеркнуто. Едва-ли, впрочемъ, это есть заглавіе новой, не записанной пьесы, потому что передъ нимъ нѣтъ обычной нумераціи.

За исключеніемъ перваго полулиста, всѣ остальные пьесы писаны въ сплошную строку, безъ раздѣленія на стихи. Нерѣдко встрѣчаются сокращенія обычныхъ, часто повторяющихся фразъ и собственныхъ именъ. Вообще же письмо четкое и до-

¹⁾ Есть въ рукописи, кромѣ думъ, три извѣстныя пѣсни—тоже изъ кобзарскаго репертуара: „Дворянская жена“, „Чечотка“ и „Попадья“.

вольно разборчивое. Только буквы *е* и *я* въ окончаніяхъ словъ пишутся однообразно и сбивчиво. Что касается до правописанія рукописи, то въ этомъ отношеніи она представляетъ немало любопытныхъ данныхъ, для объясненія которыхъ мы должны сдѣлать нѣкоторыя историческія справки.

Извѣстно, что во второй половинѣ прошлаго вѣка литературная русская рѣчь, регулированная Ломоносовымъ, начала проникать въ кievскую академію, которая въ то время была еще всесловнымъ учебнымъ заведеніемъ и, вмѣстѣ съ коллегіумомъ харьковскимъ и семинаріями переяславской и черниговской, служила разсадникомъ просвѣщенія для всего юга Россіи. Этому много содѣйствовали митрополиты кievскіе, заканчивавшіе свое образованіе на сѣверѣ или же являвшіеся оттуда на митрополию. Таковъ былъ Гавріиль Кременецкій (1770—1783), при которомъ началась реформа въ положеніи малорусскаго духовенства, и особенно Самуиль Миславскій (1783—1796), при которомъ послѣдовало приведеніе кievской епархіи въ штатное положеніе. Оба они всѣми мѣрами старались поставить кievскую академію въ такое положеніе, чтобы она могла удовлетворять общимъ требованіямъ просвѣщенія, обязательнымъ во всемъ государствѣ, поэтому они стремились уравнять ее съ великорусскими учебными заведеніями и со стороны языка. Какъ смотрѣлъ Кременецкій на старинную малорусскую рѣчь, видно изъ доклада его св. Синоду, что „въ каедральной библіотекѣ кievской оказался между прочими лѣтописцами одинъ лѣтописный въ семпедсяти четырехъ листахъ хрониконъ, существомъ матеріи до россійской исторіи касающійся, но къ изданію въ печать, развѣ за переводомъ на чистой россійской слогъ изъ нарѣчія, которое больше походитъ на простонародное старинное здѣшнее съ польскимъ и славенскимъ смѣшанное, годнымъ быть могъ“¹⁾. Синодъ приказалъ кievскому митрополиту послать эту хронику къ архіепископу Платону. Самуиль Миславскій былъ членомъ россійской академіи, которая, какъ извѣстно, учреждена была для разработки русскаго языка. Новиковъ

¹⁾ О лѣтописяхъ, издаваемыхъ отъ св. Синода, Д. Полѣнова. 7.

считалъ его писателемъ „изобильнымъ въ знаніи російскаго слова“¹⁾. Неудивительно поэтому, что Самуиль обращалъ особенное вниманіе на преподаваніе въ кievской академіи русскаго языка. Онъ требовалъ отъ воспитанниковъ ея, чтобы они учили оды Ломоносова наизусть, при чемъ сами они должны были упражняться въ сочиненіи стиховъ, наблюдая „остроту въ эпиграммахъ, вѣжность въ мадригалахъ, простоту въ басняхъ, удовольствіе въ пѣсняхъ, страданіе въ элегіи, искренность въ сатирѣ, восторгъ въ одѣ, ужасъ и жалость въ трагедіи, смѣхъ и обманы въ комедіи“²⁾. Въ 1784 году онъ приказалъ студенту богословія Дмитрію Сигаревичу, уроженцу московской губерніи, „быть учителемъ російской поэзіи и элоквенціи по правиламъ поэзіи, напечатаннымъ въ Москвѣ, ораторіи-же—по правиламъ господина Ломоносова“³⁾. „Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ историкъ кievской академіи Аскоченскій, на счетъ академіи отправлены были три студента (Никита Соколовскій, Павелъ Логиновскій и Даниилъ Домонтовичъ) въ московскій университетъ съ крѣпкимъ наказомъ, чтобы они какъ можно старались изучить великорусскій говоръ и произношеніе. По окончаніи курса наукъ они обязаны были возвратиться въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей. Наличные учителя также въ свою очередь получили отъ митрополита предписаніе наблюдать, сколько возможно, чтобы въ ихъ урокахъ не страдалъ русскій языкъ. Иеродіакону Анатолію, назначенному преподавателемъ исторіи и географіи, строго указано было изъяснять оныя на російскомъ языкѣ съ наблюденіемъ выговора, какой наблюдается въ Великоросіи. Такой же приказъ получилъ учитель французскаго языка Лапкевичъ. Самыя дѣти не оставлены были безъ вниманія ревнительнымъ архипастыремъ. Онъ учредилъ особаго репетитора въ сиротскомъ домѣ (бурсѣ) для обученія живущихъ тамъ мальчиковъ російской грамотѣ, подтвердивъ и ему, какъ можно болѣе, стараться о правильномъ выговорѣ. Настойчивость Са-

¹⁾ Исторія російской академіи, Сухомятина, 186.

²⁾ Ibidem, 189.

³⁾ Кіевъ съ древѣйшимъ его училищемъ академіи в. Аскоченскаго, т. II, 342.

муила была такъ велика, что нѣкоторые наставники откровенно отнесли къ нему съ представленіемъ о своей неспособности исполнять его волю, извиняясь тѣмъ, что они никакъ не въ состояніи перемѣнить своего малороссійскаго выговора¹⁾.

Въ такомъ же духѣ и направленіи составлялись грамматическіе учебники и руководства для малороссіянъ.

Мы имѣемъ подъ руками любопытную въ этомъ отношеніи книгу подъ заглавіемъ: „Правила о произношеніи россійскихъ буквъ и о исправномъ тѣхъ же въ новѣйшемъ гражданскомъ письмѣ употребленіи или о правописаніи, собранныя изъ россійскихъ грамматикъ въ 1772 г.“. Составитель этихъ правилъ заботливо отмѣчаетъ погрѣшности правописанія, происходящія отъ малороссійскаго выговора, на примѣръ, отъ произношенія во всѣхъ словахъ, безъ разбору, *и* какъ *ы* (стр. 11), отъ смѣшенія твердаго и мягкаго *л* (*похвалный, мольва*) (стр. 13), отъ произношенія *ь* какъ *и*— „что весьма слуху противно“ (стр. 12). Отмѣчены также особенности великорусскаго выговора, на примѣръ, превращеніе въ концѣ словъ звучныхъ согласныхъ въ отзвучные (*берекъ, дорокъ, вмѣсто березъ, дорогъ*) (стр. 11),—въ родит. падежѣ именъ прилагат. мужес. и сред. р. *во* вмѣсто *го* (*ibid.*), произношеніе *о* безъ ударенія, какъ *а* (стр. 9). Къ послѣдней особенности авторъ относится снисходительно. „Иногда, говоритъ онъ, пишутъ въ именит. падежѣ именъ прилагат. вмѣсто *ы* или *і* буквы *о* или *е*. Это происходитъ отъ одинаго подражанія простому выговору, почему московской нѣжной выговоръ необходимо произносить *о* какъ *а*“ (стр. 42).

Другой подобнаго рода учебникъ правописанія изданъ былъ въ Харьковѣ въ 1782 году подъ заглавіемъ: „Краткія правила россійскаго правописанія, изъ разныхъ грамматикъ выбранныя и по свойству украинскаго діалекта для употребленія малороссіянъ дополненныя“²⁾. Составитель его, Черевверзевъ, въ отдѣлахъ о склоненіи и спряженіи ограничивается

¹⁾ *ibid.*, 343.

²⁾ Второе изданіе было въ 1787 г. Есть въ библіотекѣ Академіи наукъ. Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ.

ссылками на соответствующіе параграфы въ грамматикѣ Ломоносова (стр. 36, 38). Онъ указываетъ нѣкоторыя малорусскія формы, отступающія отъ великорусскихъ (напр: *бере*, *ѣдемо*, *писаѡ* вмѣсто *береть*, *ѣдемъ*, *писаѡ*, будущее сложное отъ *имамъ*, „въ книгахъ не употребительное“), но главное вниманіе свое онъ сосредоточиваетъ на звукахъ. Онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія *и* съ *ы*: „Брайнѣ (sic) осторожно малороссіянамъ надлежитъ примѣчать, какъ изъ правилъ, такъ и изъ употребленія въ прозношеніи, дабы по неосторожности не написать: *купыѡ мило*; *онъ въ небытность вашу меня быѡ предъ вѣтмы*; *противъ нашей мысли и воѡ*; *чѣмъ битъ*, *тѣмъ и слить*“ (стр. 15). „Различіе, говоритъ онъ, должно примѣчать между слѣдующими реченіями: *никто*, *нѣкто*; *никакой*, *нѣкакой*; *нидѣ*, *нѣдѣ*; *никогда*, *нѣкогда*, понеже малороссіяне, слѣдуя выговору, сіи реченія одно вмѣсто другаго безъ разбору иногда употребляютъ“ (стр. 18). „Предлогъ *съ* малороссіяне часто употребляютъ неправильно вмѣсто *изъ*, притомъ перемѣнивъ *с* въ *з*, наприм. говорятъ, а нѣкоторые и пишутъ: *здѣлаю зъ* дерева, *пришли зъ города*, *выѣхали зъ лѣсу*, *выволокли зъ ямы*, вмѣсто *здѣлаю* (sic) *изъ дерева*“ и т. д. (стр. 28).

Есть одна замѣтка, касающаяся синтаксиса: „Малороссіяне неправильно употребляютъ: *купиѡ рабочіе воѡ*, *ионитъ дойныя овцы* и проч. вмѣсто *волоѡ*, *овецѡ*“ (стр. 37). Въ заключеніе сочинитель говоритъ: „ревностный чистоты слова любитель не постыдится исправлять таковыя и симъ подобныя поползновенія въ себѣ самомъ и въ другихъ, прилагая къ правиламъ дѣйствительнаго наставника употребленіе“.

Конечно, составитель нашей рукописи, записывая малорусскія думы изъ устъ лучшаго народнаго *рапсодія* своего времени, не могъ вполне исправить въ себѣ самомъ *поползновенія* къ малорусской рѣчи, которую зналъ онъ, повидимому, съ дѣтства, поэтому во всей рукописи преобладаютъ звуки и формы малорусскія. Тѣмъ не менѣе есть въ ней нѣчто чуждое малорусскому нарѣчію.

Больше всего бросается въ глаза употребленіе буквы *ь*, посредствомъ которой изображается звукъ *е*, поэтому *ь* стоитъ

на мѣстѣ *е*, и обратно—*е* на мѣстѣ *т*: *хмѣль* и *хмель*, *сѣдла* и *сѣдла*, *слѣзами* и *слезами*, *наимѣньшій* и *наименьшому*, *тоненькъ* (покрывало) и даже *поглядѣть* рифмуется съ глаголомъ *не мае*,—*кроме*, *выбежали* и проч.

Основные *о* и *е* большею частію замѣняются позднѣйшимъ *и* и даже *ы*, но встрѣчаются и такія начертанія, какъ *соль*, *пойди*, *на чужой* (сторонѣ), *только*, *дробными* (слезами).

Основное *и* выдерживается правильно, но попадаетъ и *ы* вмѣсто *и*, напр. *милы* (имен. множ. отъ *милый*).

Въ словахъ отъ корня *бы* безразлично употребляются то *ы*, то *у*, впрочемъ, съ преобладаніемъ этого послѣдняго звука: *была*, *не бывала*, *прибывати* и *була*, *бывала*, *прибывати*.

Въ правописаніи согласныхъ звуковъ отмѣтимъ *л* вмѣсто *в*: *желтый*, *жилъ*, *выгонялъ*, *скаралъ*,—твердое *ц*: *отецъ*, *отца*, *сердцу*,—отзвучные согласные вмѣсто звучныхъ: *сва.м.л.ся*, *отцура.м.сь*, *не сбуди.м.*, *отгадати*.

Но если всѣ эти фонетическія особенности правописанія (за исключеніемъ употребленія буквы *ь*) могли появляться и въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, и въ письменности малорусской первой половины XVIII вѣка, то нельзя того же сказать о словахъ и многихъ формахъ словъ, усвоенныхъ составителемъ рукописи не отъ народнаго *рапсодія*, который заинтересовалъ его своими *повѣстями*. Совсѣмъ не помалорусски звучатъ, напримѣръ, слова: *идь*, *что*, *чтобы*, *какъ*, *недалече*, *понедельникъ*, *человѣка*, *пчолы*, *отвѣчаетъ*. Сюда же относятся формы именъ существительныхъ: *маткѣ*, *въ пы.ли*, *въ степи*, *братцы* (есть и *братця*), *братъевъ*, *небывальцовъ* (есть и *братъевъ*, *небывальцевъ*), формы именъ прилагательныхъ: *великое*, *божъей* (церкви), *божъяго* (есть и *божого*), *славнаго*, даже *друюва*,—мѣстоименныя формы: *мнѣ*, *тебѣ*, *себѣ* (есть и *мени*, *мини*, *тоби*, *соби*), *меня*, *тебя*, *себя* (есть и *мене*, *тебе*), *онъ* (есть и *винъ*).

Все это формы великорусскія. Часто стоятъ онѣ, какъ видно изъ предыдущихъ примѣровъ, рядомъ съ малорусскими, особенно въ рифмахъ съ глагольными окончаніями: *догоняе*—*сѣдаетъ*, *збудовавъ*—*скара.лъ* и проч. Иногда онѣ оказываютъ

вліяніе одна на другую, и тогда получаютъ смѣшанныя комбинаціи—не то великорусскія, не то малорусскія, напр.: *не ѿмѣтъ* (мечъ), *ѿтикалъ*, *не малъ*, *скорейше*, *мене*, *тебе* (дат. пад.), *тебѣ* (винит. пад.).

Можно полагать, что составитель рукописи не былъ твердь и въ русскомъ правописаніи, основанномъ на грамматикѣ Ломоносова: объ этомъ свидѣлствуютъ такія формы, какъ *въ поле*, *на горе*, *на море* вмѣсто *въ полѣ*, *на горѣ*, *на морѣ*, а также начертаніе предлоговъ въ предложныхъ словахъ и сліяніе ихъ съ управляемыми словами, напримѣръ: *ѿтикало*, *безъневинно*, *ѿвойнтъ*, *сплечь*, *ѿруки*, *справой* (руки) и т. п. Тѣмъ не менѣе онъ усвоилъ нѣкоторые приемы грамматическаго письма, поддержанные привычкою къ литературной русской рѣчи въ живомъ употребленіи. Это видно, между прочимъ, изъ того, что ему чужды были нѣкоторыя грамматическія формы малорусскихъ словъ. Онъ пишетъ, напр.: „Старшая сестра *выходила* (вмѣсто *выхождала*),

«Кони за поводы *ѿвятила*», —

или же:

«Бодай ты щастіи—доли *не имѣлъ*» (вмѣсто *не мавѣ*),
 Что ты намъ объ меньшемъ сыну правды *не сказалъ*», —

или же: „*по имѣнню*“ (вмѣсто *по имѣнню*), что совсѣмъ искажаетъ смыслъ рѣчи.

Такимъ образомъ нѣтъ въ нашей рукописи послѣдовательной и опредѣленной системы правописанія. Вотъ это отрицательное качество и сообщаетъ тексту ея внутренній признакъ достовѣрности. Составлена она, очевидно, безъ всякой предвзятой цѣли, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ поэтическаго матеріала, который передается въ сыромъ видѣ, безъ стилистической подкраски,—составлена при этомъ въ такое время, когда старинное малорусское правописаніе было уже забыто, а новые методы правописанія не были еще предложены, т. е. въ промежутокъ времени между 1808 и 1827 годами, отмѣченный водяными знаками бумаги, о которыхъ мы говорили выше.

Безъ всякаго сомнѣнія, свойствами рукописи въ значительной степени опредѣляется и цѣнность думъ, записанныхъ въ ней. Рукопись надежная и въ то же время давняя, слѣдовательно, мы имѣемъ въ ней твердую точку опоры для сравненія думъ въ разныхъ позднѣйшихъ записяхъ. Несовершенство правописанія не могло, конечно, не отразиться на художественномъ обликѣ нѣкоторыхъ думъ, заключающихся въ рукописи, но, вообще говоря, стоятъ онѣ на значительной высотѣ художественной техники и силы. Ко всему этому нужно прибавить, что, сверхъ десяти вариантовъ извѣстныхъ уже думъ, въ рукописи нашей сохранились три думы, которыя не были извѣстны собирателямъ народныхъ пѣсенъ: 1) Атаманъ Матіашъ, 2) Вдова Сирѣа Ивана, 3) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ. Помѣщаемъ сперва думы семейнаго содержанія, всѣ же остальные мы расположимъ по сходству или однородности мотивовъ, которые въ нихъ развиваются.

1.

Вдова въ городъ Чечельницъ (въ Польшѣ)¹⁾

Содержаніе этой думы въ болѣе архаическомъ видѣ мы встрѣчаемъ въ галицкихъ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ говорится о томъ, что безбожный сынъ прогналъ свою мать изъ дому: „будуть, говоритъ онъ, у мене кумы—побратымы, а ты, маты, въ латаний свытыни“. Вышла бѣдная мать за ворота, некуда дѣваться ей. Встрѣтилась она съ замужней своей дочерью и проситъ ее, чтобы она приняла её къ себѣ въ домъ, но и здѣсь получаетъ отказъ: „лыхого я мужа маю, говоритъ дочь, викномъ зъ хаты утикаю“. Не успѣла мать разговориться съ своей дочерью, какъ бѣжитъ за нею сынъ и проситъ ее вернуться домой,—случилось съ нимъ несчастіе, убило „жынку мыленькую и дытынку маленькую“. Это тебя наказываетъ самъ Богъ,

¹⁾ Четыре варианта этой думы помѣщены въ сборникѣ Метлинскаго (Народ. южно-рус. пѣсни, 345—355), пятый записанъ Костомаровымъ (Труды экспедицій, Чубнис., V, 847—849), шестой Кулишемъ (Запис. о Юж. Руси т. I, 19—24), седьмой—Русовымъ (Записки юго-зап. отдѣла кіевс. географ. общества, I, 11—14), восьмой—Горленкомъ (Кіевс. Старина, 1882 г., Декабрь, 497—499), девятый—печатаемый по рукописи А. А. Котляревскаго.

отвѣчаетъ ему мать, за мои кровавыя слезы ¹⁾: Въ думѣ объ изгнаніи матери уже не одинъ сынъ, а три. Послѣ изгнанія живеть она у „близького сусиды“. Преступныхъ дѣтей ея караетъ не только Богъ, но и общественное мнѣніе. Во всѣхъ вариантахъ этой думы причина изгнанія матери есть семейный разладъ, или ожидаемый, какъ у Кулиша, или же состоявшійся вслѣдствіе женитьбы ея сыновей, какъ въ остальныхъ вариантахъ. Основная мысль думы заключается въ нравоученіи, которымъ она во всѣхъ вариантахъ заканчивается: „щасливый то чоловікъ въ свити буває, который отца и матирь почитае“.

Для выраженія этой мысли, которая въ вариантѣ Котляревскаго высказана сжато, въ другихъ вариантахъ болѣе подробно, совершенно достаточно основныхъ фактовъ, т. е. разсказа объ изгнаніи матери и о несчастіяхъ сыновей ея, которые раскаялись, да поздно. Но въ нѣкоторыхъ вариантахъ рѣчь идетъ еще о томъ, что она сдается на просьбу дѣтей своихъ возвратиться домой, и тогда „ставъ имъ Господь помагаты“. По нашему мнѣнію, это позднѣйшая прибавка, отъ которой основная мысль ничего не выигрываетъ, поэтому думы съ этой прибавкой мы считаемъ болѣе поздними. Есть она въ четвертомъ вариантѣ, помѣщенномъ у Метлинскаго (352—354), а также въ вариантахъ Кулиша и Котляревскаго. Что касается до указанія въ этомъ послѣднемъ вариантѣ на происхожденіе вдовы изъ города Чечельницы, ²⁾ то оно имѣетъ такое же фиктивное значеніе, какъ и въ вариантѣ Кулиша упоминаніе о томъ, что вдова жила „въ славнимъ городи у Крылови“.

- 1) Въ недѣлю рано пораненько
 Не у бору сосна зашумѣла,
 Не съ буйнымъ вѣтромъ говорила,
 То вдова, старенькая жена, на подворье выходила,
 5) Трехъ сыновъ маленькихъ на рукахъ выносила,

¹⁾ Головацкаго, Народ. пѣсни, т. II, 577, т. III, 158,—196—198.

²⁾ Чечельница—нынѣ Чечельникъ, мѣстечко сьльгопольскаго уѣзда подоляс. губерніи.

- Господа милосерднаго на помощь просила:
 «Господи милостивый, пречистая мати!
 Поможи мни сихъ дѣтей погодовати!»
 То вдова, старенькая жена, 20 лѣтъ пробувала,
- 10) Сыновъ своихъ годовала,
 Сыновъ поженала.
 Якъ стали сыны господарство соби собирати,
 Стали они матку стареньку изъ хаты выгоняти:
 «Иди ты, мати,
 15) Съ нашей хаты:
 Нехай мы не будемъ черезъ тебе женъ своихъ молодыхъ
 страхати,
 А дѣтокъ маленькихъ ляхати».
- То въ недѣлю рано-пораненько
 Идетъ вдова изъ сынового двора, спотыкае,
 20) За слъзми свѣта Божьяго не видае,
 На улицу выходила,
 Близкую сусѣду, молодую челищну, тамъ забачала,
 Словами промовляла,
 Дробными слезами обливала:
- 25) «Молодая челищно, близкая сусѣдо!
 Прийми ты мене до своего дому пробувати,
 Буду я тебѣ при старости лѣтахъ дѣтовъ маленькихъ
 доглядати,
 Аби мене (sic) дала въ своемъ куту до смерти доживати».
- Вдова, старенькая жена, 19 лѣтъ въ чужомъ домѣ пробувала,
 30) Ни которой соби кривды не мала,
 Своихъ сыновъ проклинала.
 Якъ стала вдова своихъ сыновъ ляхати и проклинати,
 Не стали они счастья и доли соби мати.
 Старшій сынъ тое зачуває,
 Словами промовляє:
 «Якій я бувъ соби домъ коштовный збудовавъ,
 Та мене Господь громомъ и тучею скаралъ,
 Що я свою матку стареньку изъ хаты выгонялъ».
- Середуншій братъ тое зачуває,
 40) Словами промовляє:
 «Радъ бы я свою матку стареньку до себе взяти,
 Бѣда мнѣ, що жена у меня безбожная,

- Що день у насъ сварка буває.
 Меньшей (sic) братъ словами промовляє,
 45) До суспды прихожає,
 Матку свою стареньку до себе убогає:
 «Иды ты, мати,
 До нашей хатп,
 Далась намъ, мати,
 50) Безъ теби бѣда знати».
- Вдова до своихъ сыновъ приходила,
 Ни которой соби отъ нихъ кривды не мала.
 Рано-пораненько на подворье выходила,
 Господа милосерднаго просила:
 55) «Господи милостивый!
 Прости ты мнѣ сіи слова, що я своихъ сыновъ проклинала,
 Бо я отъ нихъ великую кривду мала,
 А теперъ я у нихъ пробуваю,
 Нѣ которой соби кривды не маю».
- 60) Якъ стала вдова, старая жена, у своихъ сыновъ пробувати,
 Сталъ имъ Господь помогати,
 Стали они господарство собирати,
 Стали одинъ другому словами промовляти:
 «Щастливый то человекъ въ свѣтъ буває,
 65) Который отца и матеръ почитає,
 Тому Господь Богъ помагає».

2.

*Братъ да сестра*¹⁾.

Для уясненія этой думы приводимъ нѣсколько стиховъ изъ народной пѣсни, въ которой нарушение добрыхъ отношеній между братомъ и сестрой считается преступленіемъ, неизбѣжно вызывающимъ кару небесную:

¹⁾ Намъ известны шесть вариантовъ этой думы: Цертелева (Опытъ собранія народ. малорос. пѣсень 1819 г., 57—58); Максимовича (Украинс. народ. пѣсни 1834 г., 63—64; Сборникъ украинс. пѣсень 1849 г., 9—10); Метлинскаго (Народ. ожнорус. пѣсня, 355—357); Кулиша (Зап. о Южн. Руси. I, 24—28); Чубинскаго (Труды экспедиціи, V, 468—470); вариантъ, помѣщенный въ «Кіевской Старинѣ» 1882 г., Августъ; вариантъ Котлиревскаго.

«Тымъ на свити хлибъ не родыть,
 Що братъ до сестрыци не говорыть,
 Тымъ на свити теряється,
 Що братъ сестры цурається,
 Тымъ на свити добра нема,
 Що братъ сестры за ридъ не ма» ¹⁾.

Мы считаемъ болѣе поздними тѣ варианты думы о братѣ и сестрѣ, въ которыхъ братъ говорить сестрѣ, что онъ не можетъ навѣстити ее такъ-же, какъ не можетъ „писокъ на билимъ камени схожаты, рикы о Петру замерзаты, калына о Риздвипроцвитаты“. Это очевидная вставка изъ думы объ отъѣздѣ казака изъ родины. Есть она въ вариантахъ Кулиша и Чубинскаго. Болѣе древними мы считаемъ тѣ варианты, которые заканчиваются жалобой сестры на измѣнчивость людскихъ привязанностей. Таковы варианты Максимовича и Котляревскаго.

Встрѣчается эта дума въ пѣсенной переработкѣ ²⁾. Слѣды размѣра думы еще видны, но въ угоду пѣсеннаго размѣра вольное теченіе рѣчи ограничено. Особенно это ясно видно изъ послѣдняго четверостишія..

- 1) Въ недѣлю рано-пораненько
 Не сива зозули заковала,
 Якъ сестра до брата съ чужой стороны поклонъ посылала,
 Жалибненько до себе прохала:
- 5) «Братыку мій ридненькій,
 Якъ голубоньку сивенькій!
 Прибуди ты до мене,
 Отвѣдай мене
 На чужой сторонѣ,
- 10) При несчастливой фортувинѣ!»
 Братъ тое зачуває,
 Словами промовляє:
 «Сестро моя ридненька!

¹⁾ Чубинскій (Груда експедиціи, V, 929); см. также Головацкій (Народныя пѣсни, I, 232).

²⁾ Чубинскій.. V, 928—929.

Радъ бы я до тебе прибувати,
 Да не знаю, гдѣ тебе шукати:
 Не можно менѣ, сестро, за темными лугами,
 За быстрыми рѣками,
 За широкими стенами.

- Сестра тоє зачуває,
 20) До брата словами промовляє,
 Дробними слезами обльває:
 «Братнику мій ридненькій!
 Черезъ луги темные, высокіє, яснимъ соколенькомъ пере-
 линя,
 Черезъ рѣки быстрыє, глубокіє, бѣлымъ лебеденькомъ
 переплыви,
 25) Черезъ степи широкіє малымъ—не великимъ перепелонь-
 комъ перебѣжи,
 На мій двірѣ, брате, сивымъ голубонькомъ прилени,
 Жалибненько загуди.
 Тугу сердцу моему раздѣли,
 Що въ нашей, брате, земли христіанскої людямъ Богъ празд-
 ныхъ дає,
 30) Люди до церкви идуть,
 Якъ бчелки гудуть,
 Изъ церкви выступають,
 Якъ рожа процвѣтають,
 Одно до одного приступають,
 35) По приятельству на хлѣбъ, на соль до себе зазыває,
 Мене, брате, нещаснои мовъ никто родомъ не знає,—
 Що якъ бувъ у насъ отецъ и мати,
 Тогди могли насъ всѣ люди родомъ знати,
 Якъ померъ отецъ и мати,
 40) Не сталъ насъ никто вже знати,
 Не стало ни кума, ни побратима,
 Пришибла мене, брате, на чужой сторонѣ злая, нещасливая
 годна,
 Отцуралась сердечна названа родина;
 Тylko у мене, брате, сердечнаго роду,
 45) Що выйду я въ божій храмъ, на святые отци подивляюся,
 Господу Богу помолюся:
 Ото у мене, брате, отець и матуся!

Козакъ прощается съ сестрами ¹⁾.

Есть цѣлый рядъ народныхъ пѣсенъ, изображающихъ отъѣздъ козака изъ родины. Въ разныхъ пѣсняхъ причины отъѣзда разныя: или мать-вдова сама снаряжаетъ своего сына на войну ²⁾,—или, скрѣпя сердце, покоряется своей участи и только умоляетъ сына на войнѣ „не забавляться“ ³⁾, или же, наконецъ, прогоняетъ его изъ дому ⁴⁾. Вотъ этотъ послѣдній мотивъ семейныхъ недоразумѣній подробно развитъ въ думахъ съ замѣной матери, какъ главнаго дѣйствующаго лица, отчимомъ. Повидимому, пѣвцы думъ не могли помириться съ представленіемъ безсердечности не только въ матери, но даже и въ отцѣ: такъ, по крайней мѣрѣ, высказался одинъ изъ нихъ ⁵⁾. Во всѣхъ вариантахъ этой думы выступаютъ сестры отъѣзжающаго козака—одна или двѣ, но большею частію три; младшая отличается особенною сердобольностью. Такъ-же точно и въ пѣсняхъ соответствующаго содержанія провожаютъ козака сестры. Онѣ спрашиваютъ его, когда онъ воротится назадъ, а онъ отвѣчаетъ имъ загадками, въ которыхъ звучитъ печальная нота вѣчной разлуки. Намъ кажется, что это и есть первооснова думы, осложненная позднѣйшими прибавками; поэтому мы считаемъ наиболее древнимъ вариантомъ думу, помѣщенную въ сборникѣ Метлинскаго, такъ-какъ нѣтъ въ ней ни матери, ни отчима, ни заключительныхъ размышленій пѣвца о тяжелой жизни вдали отъ

¹⁾ Вариантъ этой думы помѣщенъ у Цертелева (Опытъ собранія народ. малорус. песенъ, 1819 г., 57—58); отсюда перепечатанъ Максимовичемъ (Украинск. народ. пѣсни, 1834 г., 61—62; Сборн. украинск. пѣсенъ, 1849 г., 7—8). См. также варианты: у Метлинскаго (Народ. южнор. пѣсни, 434—436), у Лукашевича (Малор. и червогор. думы и пѣсни, 59—61), въ Записк. юго-западн. отдѣла геогр. общ., I, 14—16; въ „Кіевской Старинѣ“ за 1882 г., Декабрь, 490—491. Къ этимъ пяти вариантамъ нужно присоединить печатаемый нами шестой вариантъ по рукописи Котляревскаго.

²⁾ Чубинскій, Труды... V, 882; 907—908. Максимовичъ, Украинск. народ. пѣсни, 1834 г., 157. Головацкій, Народн. пѣсни..., ч. I, 24—25; ч. III, 12.

³⁾ Чубинскій, Труды... V, 864. Головацкій, Народ. пѣсни... III, 97.

⁴⁾ Чубинскій, Труды... V, 864; 890; 948.

⁵⁾ Записки юго-западн. отдѣла геогр. общ. I, 14.

родины. Въ замѣнъ этихъ размышленийъ сестра, прощаясь съ братомъ, переживаетъ мыслию своею положеніе его въ чужой сторонѣ. Остальные варианты, не исключая варианта Котляревскаго, представляютъ уже болѣе или менѣе подробную картину всѣхъ семейныхъ отношеній—матери къ сыну и его отчиму, отчима къ молодому козаку, и самаго козака къ роднымъ сестрамъ его.

Есть двѣ пѣсни, передѣланныя изъ этой думы ¹⁾. Одна изъ нихъ, помѣщенная у Закревскаго, явственно образовалась изъ варианта Максимовича. Чтобы выдержать однообразный пѣсенный размѣръ, употреблены слѣдующія средства:

1) Повторены кое-гдѣ тѣ или другія слова думы, напр.: „иды, сыну, *иды, сыну*, мижъ чужии люде“.

2) Въ нѣкоторые стихи вставлены цѣлыя слова, напр.: „*чи вже, брате, тебе ждаты* видъ чыстого поля?“

3) Одинъ разъ вставленъ даже цѣлый стихъ: „*хочъ же дово его ненька вичмы провожала*“.

4) Четыре стиха думы соединены въ два:

1) Що найменьшая рыдае, да такъ промовляе:

2) Изъ икон тебе, брате, сторононькы ждаты?

- 1) Въ недѣлю рано-порапенько
Не во вся звоны зазвонено,
Якъ у крайнему дому говорено:
Отець и мати сына своего у чужу сторону выпроважае,
5) Словами промовляе:
«Пойди ты, сыну, въ чужую сторононьку межъ чужіе люди,
Чи не лучше тамъ тебе буди» (sic)?
Промолвиъ сынъ словами:
«Не хотѣлось мнни, мати,
10) Въ чужой сторонѣ пробувати,
Что будуть мене пришельцемъ называти».
Якъ сталъ козаче изъ двора исхожати,
Стало три сестрицы рыдненькія его выпровожати.
Старшая сестра выходила,

¹⁾ „Кіев. Стар“ 18 2 г., декабрь, 492. Загребскій, Старосвѣт. Бандуриста, 92—63.

- 15) Кони за поводи хватала,
Середуншая сестра выходила,
Опощенія прохала,
Меньша сестра выходила,
Брата жалібненько пытала:
- 20) «Брате мій милый,
Якъ голубоньку сивый!
Коли жь ты будешь до насъ въ гости прибувати?
Видкиля тебе, брате, выглядати:
Чи изъ чистого поли,
Чи отъ чорного моря,
Чи изъ славнаго людю—Запорожья?»
- 25) Братъ тое зачуває,
Словами промовляє:
«Сестрица моя ридненькая,
Якъ возуленько свенькая!
- 30) Тогди и буду, сестро, до васъ въ гости прибувати,
Якъ буде на бѣломъ камени желтый песокъ исхожати,
Будеть синимъ цвѣтомъ процвѣтати,
Крещатымъ барвинкомъ въ 4 ряды бѣлнй каминь устилати,
- 35) Будеть, сестро, обь Рожествѣ червона кална процвѣтати
Будеть обь Новымъ годѣ, обь святомъ Василю, ягоды
изрожати,
Будуть, сестро, о Петрѣ рѣки замерзати:
Тогди и буду, сестро, до васъ въ гости прибувати!»
Сестра тое зачуває,
- 40) До брата словами промовляє:
«Брате мій милый,
Якъ голубоньку сивый!
Яка я на свѣтѣ стала,
Що и отъ старыхъ людей сего не чувала,
- 45) Що уже жолгому песку на бѣломъ камени не всхожати,
Синимъ цвѣтомъ не процвѣтати,
Крещатымъ барвинкомъ въ 4 ряды не встилати,
Обь Рожествѣ червонной калинѣ не процвѣтати,
Обь Новымъ годѣ ягодъ не зрожати:
- 50) Такъ тоби, брате, до насъ въ гости не бувати,
Знать, тебе, брате, намъ въ очи не видати...

Ты, брате, сего не гнѣвися,
 Назадъ завернися,
 Отцви своему и пани-матцѣ въ ноги уклонися,
 55) Будешъ ты, брате, на чужой сторонѣ пробувати,—
 Будеть тоби, брате, Господь помагати»...
 Во якъ трудно-нудно, тижко та важко недолугому чоловѣк
 противъ силы важкій камень сняти,
 Такъ же трудно на чужой сторонѣ безъ родины сердечною
 помирати.

4.

Три брата въ плъну въ Азотъ¹⁾.

По мнѣнію Костомарова, „въ основаніе думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова едва-ли легло въ самомъ началѣ определенное, дѣйствительное событіе: скорѣе всего это плодъ народнаго творчества изъ бытовыхъ матеріаловъ“²⁾. Но такъ какъ и въ народѣ изначальная пѣсня сочиняется обыкновенно однимъ лицомъ, то, конечно, было такое *опредѣленное* событіе, которое

¹⁾ Есть довольно значительное количество вариантовъ этой думы: Цертелева (Опытъ собранія старинныхъ малорус. пѣсенъ, 1819, 21—25), Срезневскаго (Запорожская старина, 1, 34, перепечатана въ Историч. пѣси. малорус. народа, Антон. и Драг., I, 120—124), Максимовича (Украинск. народ. пѣсни, 1834, 9—14, — Сборн. украинск. пѣсенъ, его же, 1849, 19—34, — Историч. пѣсни малорус. народа, Антон. и Драг., I, 124—127); это сводный вариантъ изъ двухъ вариантовъ — Цертелева и Шпигоцкаго: послѣдній помѣщенъ былъ въ Укр. Альм. за 1831 годъ; вариантъ Максимовича напечатанъ былъ также въ Изв. Акад. Наукъ, т. II, Афанасьевымъ съ кой-какими поправками въ языкѣ, см. Памятники и образцы народ. яз. 250—251), — Кулиша (Зап. о Юж. Руси, I, 32—42, перепечатанъ въ Историч. пѣси. малорус. народа, Антон. и Драг., I, 114—120), — Русова (Зап. юго-зап. отдѣла кievск. географ. общ., I, 6—11, перепечатанъ тамъ-же, I, 127—133), — Судовщикова (Истор. пѣс. малорус. народа, Антон. и Драг., I, 332—336), — Нѣгвскаго (Ibid. I, 106—113), — Иващенко (Запис. юго-зап. отдѣла кievск. геогр. общ., II, 119—123), — Горленка (Кievск. старина, 1882 года. Декабрь, 499—504), — Костомарова (Исторія козачества отд. оттискъ) и, наконецъ, Котляревскаго.

²⁾ Исторія козачества въ памяти южно-рус. народ. пѣсеннаго творчества, отд. оттискъ, 95.

побудило пѣвца сочинить пѣсню. Впрочемъ, для насъ важно въ данномъ случаѣ не то или другое событіе, послужившее поводомъ къ созданію этой думы, а первоначальная редакція сл. Костомаровъ считаетъ древнѣйшими вариантами свой и Котляревскаго на основаніи цѣлесообразности правоучительнаго конца думы съ совѣщаніемъ старшихъ братьевъ о томъ, что сказать отцу и матери на вопросъ ихъ о младшемъ братѣ. Но въ думѣ о смерти трехъ братьевъ самъ-же Костомаровъ признаетъ правоучительный элементъ амплификаціей¹⁾. Какъ-же быть? Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, однимъ и тѣмъ-же признакомъ опредѣлять древнѣйшее и позднѣйшее время.

Чтобы разобраться въ вопросѣ о взаимномъ отношеніи различныхъ вариантовъ этой думы, необходимо имѣть въ виду, что всѣ они съ одинаковою подробностію говорятъ о гибели младшаго брата. Это и есть герой думы, неповинная жертва малодушія средняго брата и безсердечія старшаго. Въ любящемъ сердцѣ этого „пишого пишеници“ не было и капли горечи и негодованія на братьевъ за то, что они бросили его въ степи на произволъ судьбы; напротивъ того, онъ безутѣшно рыдаетъ при мысли, что ихъ настигла турецкая погоня. Симпатичный образъ этого юноши становится еще привлекательнѣе, когда мы узнаемъ объ его одинокой смерти на „Савурь-могилѣ“, посреди волковъ да орловъ, „гостей не милыхъ“. По нашему мнѣнію, этотъ рассказъ о младшемъ братѣ и есть древнѣйшая часть думы. Въ вариантахъ Цертелева, Срезневскаго, Максимовича, Кулиша и Иващенко ковыне братья гибнутъ, настигнутые турецкой погоней, въ другихъ—они остаются живы, причемъ въ вариантахъ Котляревскаго, Костомарова, Нѣговскаго и Горленка представлена сцена свиданія ихъ съ отцемъ и матерью, а въ вариантахъ Русова и Судовщикова въ замѣнъ этой сцены рассказывается о томъ, что братья по возвращеніи на родину стараются искупить свой грѣхъ милостыней и проклинаютъ турецкую неволю. Вотъ эти послѣдніе варианты мы и считаемъ наиболѣе древними. Въ вариантѣ Русова образъ старшаго брата обрисо-

¹⁾ Ibidem, 80.

ванъ болѣе мягкими чертами, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ вариантахъ: старшій братъ не обнаруживаетъ еще жадности по отношенію къ наслѣдству: онъ только малодушный трусъ, и больше ничего. Отсутствіе рѣзкой жестокости въ природѣ двухъ старшихъ братьевъ находится въ полномъ согласіи съ концемъ думы, гдѣ рассказывается, что по приѣздѣ домой старшіе братья стали

«На святы церкви наклады».

Такой-же конецъ думы и въ вариантѣ Судовщикова, но здѣсь уже есть указаніе на то, что старшій братъ отказываетъ въ помощи младшему не безъ расчета на отцевское наслѣдство. Это переходный вариантъ, отъ котораго могли пойти всѣ остальные, изображающіе старшаго брата грубымъ эгоистомъ, а средняго безхарактернымъ человѣкомъ. Распадаются эти остальные варианты на двѣ категоріи: въ однихъ братья, не доѣхавши домой, претерпѣваютъ кару Божию:

«Турки набигалы

И тыхъ двоухъ бративъ иорубалы,

Тило козацьке карбовалы,

Въ чыстимъ поли роскыдалы,

Головы на шабли здиймалы,

Довго глумовалы»¹⁾).

По объему это варианты средней редакціи. Въ другихъ вариантахъ братья приѣзжаютъ домой, старшій братъ обманываетъ отца и мать, меньшій съ сердечнымъ сокрушеніемъ рассказываетъ всю правду. Это варианты самой полной редакціи. Если допустить, что изображеніе характеровъ двухъ братьевъ развивалось постепенно, то къ числу позднѣйшихъ нужно отнести варианты второй категоріи. Къ нимъ принадлежитъ и вариантъ Котляревскаго, представляющій въ самомъ концѣ значительную несообразность. Онъ ничего не говоритъ о гибели двухъ старшихъ братьевъ, между тѣмъ въ заключительныхъ стихахъ читаемъ:

¹⁾ Вариантъ Максимовича.

«Померла трехъ братьевъ волова,
Только слава не умереть, не поляжетъ».

Еще одна подробность. Въ одномъ изъ вариантовъ полной редакціи (Нѣговскаго) говорится о появленіи младшаго брата на родинѣ:

«А меншій сынъ, пиша пишаныця, за гостя прыныкае».

Какъ это могло случиться послѣ подробнаго разсказа въ той-же думѣ о смерти младшаго брата на Савурь-могилѣ? Есть довольно остроумное объясненіе этого темнаго мѣста въ думѣ: „не удалось младшему брату, говорить М. Андріевскій, прибыть въ гости къ отцу и матери, чего онъ такъ страстно желалъ живымъ, и вотъ онъ отъ времени до времени изъ дикой степи является къ нимъ въ гости легкимъ призракомъ¹⁾. Можно было бы согласиться съ этимъ объясненіемъ, если-бы стихъ былъ полнѣе и выразительнѣе. Весьма можетъ быть, что этотъ стихъ сохранился изъ неизвѣстнаго намъ затеряннаго варианта, въ которомъ младшій братъ, „пиша-пишаныця“, добрался до родины позже старшихъ, къ изумленію и посрамленію ихъ.

- 1) Изъ города Азова¹⁾ была великая погоня,
Втикалъ полчокъ
Малый-невеличекъ,
Въ тикало (sic) три брата ридненькихъ —
- 5) Власно-ясны голубенки сивеньки,
Два брата конныхъ,
Межъ ними третій пѣшій-пѣшаница
За конными братами поспѣшае,
Коней за хвосты хватаетъ,
- 10) На сырое коренья ноги козацкіе побиваетъ,
Кровь христіанская слѣды заливаєтъ,
До братьевъ словами промовляетъ:

¹⁾ Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ, М. А. Андріевскаго. Одесса, 1884 г., 61.

²⁾ Городъ Азовъ, теперь посадъ, на лѣвой сторонѣ устья Дона, занятъ былъ Турками въ 1475 году, а такъ какъ въ думѣ рѣчь идетъ о туркахъ, то есть нѣкоторое основаніе думать, что самая дума сложена не раньше конца XV вѣка.

- «Братяки мои ридненьки,
Якъ голубоньки сивеньки!
- 15) Добре вы, братця, дбайте,
Станьте вы, кони козацкія попасите,
А меня, найменьшого брата, подождите,
По-пів-чверти мыли въ города христіянскіе подвезите».
- Старшій братъ тое зачувае,
20) Словами промовляє:
«Чи подобно то, брате, дѣло, чтобъ я тебя, ваготу,
на кони бралъ,
Свого коня томплъ?
Будеть изъ города Азова тяжкая великая турецкая погоня,
Мы и сами не утечемъ, и тебя, брате, не вывеземъ,
- 25) А какъ ты живъ да здоровъ будешъ,
То и самъ въ землю христіанскую дойдешъ».
- Тогда наймѣньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляє:
«Браты мои млы,
Якъ голубоньки сывы!
- 30) Добре вы, братця, уробіте,
Мнѣ, найменьшому брату, сплечь головку снимите,
Мое тѣло козацкое въ стени на дорози поховайте,
Звѣрю, птицѣ, на погалу не дайте».
- 35) Средній братъ тое зачувае,
Словами промовляє:
«Брате мой милый,
Якъ голубоньку сывий!
- Наша рука козацкая на тебя не здыйметса.
40) Сердце наше козацкое на тебя не осмѣлится,
Мечъ нашъ булатный твоей шеи неймѣтъ,
На дробенъ макъ весь надеть».
- Наймѣньшій братъ тое зачувае,
Словами промовляє,
45) Дробными слезами обливає:
«Браты мои млы,
Якъ голубоньки сывы!
- Будете вы до тернывъ, до байракивъ прибувати,
Добре вы, братця, дбайте,
50) Терновое вѣтъви истинайте,

- Миѣ, найменьшему брату, на признаку покидайте:
 Нехай бы я могъ знати,
 Куды въ землю христіанскую до отца и матери прибывати». .
 Якъ стали братья шестого дни до тернывъ, до байракивъ
 прибывати,
- 55) Стали терновое вѣтъя истинати,
 Своему меньшему брату на признаку козацкую покидати.
 Якъ стали изъ тернывъ, изъ байракивъ выбѣгати,
 Стали на зеленныя травы поглядати,
 Ставъ середній братъ до старшаго словами промовляти:
- 60) «Добре мы, брате, дбаймо,
 Спидъ своихъ жупанывъ червоную кптайку выдираймо,
 Своему меньшему брату признаку козацкую покидаймо,
 Чтобъ нашъ могъ братъ знати,
 Куды въ землю христіанскую прибывати».
- 65) Старшіи братъ тое зачувае,
 Словами промовляе:
 «Чтобъ я свое добро дорогое марне по шляхахъ роскидалъ?
 Буду я до отца и до панпматки въ землю христіанскую прибывати,
 Будуть меня ближныя почитати, поважати,
- 70) Будуть противъ мене шапки снимати,
 Будуть меня на хлѣбъ, на соль зазывати». .
 Средній братъ тое зачувае,
 Словами промовляе...
 Назади оставае,
- 75) Спидъ своего жупана червону кптайку выдирае,
 Своему брату найменьшему на признаку покидае.
 Сталъ меньшій девятого дни до терновъ, до байраковъ прибывати,
 Сталъ терновое вѣтъвя знахожати,
 Словами промовляти:
- 80) «А жъ то думалъ, что объ менѣ братья ничего не знаютъ,
 Они на меня великое милосердіе мають,
 Терновое ветвя стинали,
 Мени, наймѣньшему брату, на признаку покидали:
 Нехай бы я могъ знати,
- 85) Куды въ землю христіанскую прибывати». .
 Ставъ изъ тернывъ, изъ байракивъ выбигати,
 Сталъ червону кптайку снахожати,
 Сталъ словами промовляти:

- «Не дурно си червона китайка на шляхахъ муравскихъ ¹⁾ пробувае,
 90) Знать, моихъ братьевъ въ живыхъ на свѣтѣ немае,—
 Видно, изъ города Азова была тяжкая турецкая погоня,
 Мени на спочивку минала,
 Моихъ братьевъ постреляла, порубала,
 Козацкую добычу до города Азова назадъ завертала...
 95) Колибъ мени Богъ далъ тѣло козацкое снахожати,
 Могъ бы я суходолъ саблюю конати,
 Шанкою, приполомъ землю носити,
 Могъ бы ихъ тѣло козацкое въ степу при дорогѣ похозати,
 Звѣрю, птицѣ на поталу не дати».
 100) Самъ себѣ козацѣ (sic) думаетъ—гадаетъ, что его безъ хлѣбья, безъ
 ведья (sic) знемогае,
 До Сауры могилы прибувае ²⁾,
 Тамъ на Сауру могилу снисхожае,
 Тамъ козакъ лягае, спочиваетъ,
 105) Самъ себѣ думаетъ да гадаетъ...
 На очи не гляне
 И на ноги не встане,
 Головки козацкой не взведе:
 Куды вѣтеръ повинне, повинется,
 110) Куды трава поклонитъ, туды и поклонится...
 Тогда стали орлы чернокрыльцы налѣтати,
 Стали лѣ головахъ козацкихъ сидати,
 На черны вудри наступати,
 Сталъ козакъ словами промовляти:
 115) «Орлы мои черноперы и гости невеселы!
 Зождите мени малую часинку:

¹⁾ Муравскій шляхъ—это дорога, которая шла по водораздѣлу дѣпровскаго и азовско-донецкаго бассейновъ. Отъ Перекопа направлялась она къ верхнему теченію р. Конки, близъ теперешняго села Конскіе Раздоры александр. уѣзда, — затѣмъ, пересѣкая р. Волчью и проходя по Злодійской балкѣ, близъ теперешняго села Гавриловки александр. уѣзда, пролегла мимо Гончаровой балки у села Славянки навоградск. уѣзда, на р. Бикѣ, къ верхнему теченію р. Самары. По этой дорогѣ обыкновенно двигались крымскія орды для разоренія Московскаго государства.

²⁾ „Саура могила высокая, лежащая на прямой дорогѣ въ Оловъ, теперь тамъ на вершинѣ (sic) растетъ три куста бузиновыхъ“. Это примѣчаніе вставлено въ текстъ думы тою же рукою, какою написана вся дума. Такое же названіе и теперь носить эта могила, находящаяся между рр. Міусомъ и Крынкой, при истокѣ р. Камышляхи: это одна изъ возвышенностей донецкаго края, достигающая 50 футовъ

- Якъ буде чорная хмара наступати,
 Будеть дробень дождикъ накрапати,
 Будеть козацкая душа разво съ бѣлымъ тѣломъ розлучати,
 120) Тогда вы будете въ головахъ козацкихъ сѣдати».
- Уже черная хмара наступила,
 Якъ душа козацкая съ бѣлымъ тѣломъ розлучила...
 Стали орлы чернокрильцы налѣтати,
 Въ головахъ козацкихъ сѣдати,
 125) На черныя кудри наступати,
 Изъ лоба кары очи vybrати,
 Коло желтой кости тѣло козацкое оббрати,
 Сталъ волки сироманцы находати ¹⁾,
 Козацкія кости розношати
- 130) По долинахъ, по байракахъ,
 По козацкихъ примѣтахъ.
 Только козацкая голова на Саурѣ могилы пробувае,
 Никто той головы не дбае,
 Кроме сива зозули прилѣтала,
 135) Въ головахъ козацкихъ сѣдала,
 Жалибенько заковала,
 Нибы словами промовляла:
 «Голово, голово козацкая!
 Якъ ты сыла и зѣла,
 140) Хорошенько сходила,
 По чужихъ земляхъ пробувала,
 Козацкіе звычай добре знала,
 Теперь ты ни о чемъ не дбаешъ,
 Кроме соби правдиваго судіи госнода изъ небесъ желашъ».
- 145) Два брата ридненьки,
 Власны ясны голубоньки сивеньки,
 До рѣчки Самарки, до криницы Салтанки прибували ²⁾,
 Два дни и дви ночи на попасѣ стояли,
 Свого найменьшого брата поджидали.
- 150) Старшій братъ тое зачувае (sic),
 Словами промовляе,
 Уже дробными слезами поливае:

¹⁾ „Сирое вдати.“ — написано тою же рукою въ скобкахъ.

²⁾ Рѣчка Самарка, теперешняя Самара, берущая начало свое въ изюмскомъ у. харьковской губ. и впадающая въ Днѣпръ въ новомосков. у. екатеринослав. губ.

- «Що мы, брате, будемъ думати да гадати,
 Якъ будемъ мы до отца и до паняматки прибувати,
 155) Якъ мы будемъ отцевы и маткѣ казати?
 Якъ будемъ мы отцу и матцѣ по правдѣ казати,
 Будеть насъ отецъ и matka проклинати» .
 Середній братъ тое зочувае,
 Словами промовляе,
 160) Дробными слезами обливае:
 «Будемъ мы, брате, отцу и матери по правдѣ казати,
 То можетъ быть будетъ отецъ и матери на насъ великое мило-
 сердце матери» .
 Старшій братъ тое зачувае,
 Словами промовляе:
 165) «Отъ такъ мы, братику, скажимо,
 Что въ городѣ Азовѣ не у одного пана въ темницѣ пробували,
 Не одному и панови слуговали,
 Мы сами—два насъ—утѣкали,
 Свого наймѣньшаго брата отъ сна будили и не сбудили,—
 170) То будетъ отецъ и матери помирати,
 Будеть худоба воставати,
 Будемъ мы худобу на двѣ части панвати,
 Межъ нами третій не будетъ нието мѣшати» .
 То два брата риденьки тое словами промовляли,
 175) На кони козацкія сѣдали,
 Въ землю христіанскую до отца и матери приѣхжали.
 Отецъ и матѣрь на встрѣчу выхожають,
 Словами промовляють,
 По дорогѣ поздоровляють,
 180) Объ меньшомъ сынѣ пытають:
 «Сыны мои, сыны,
 Какъ ясны соколы!
 Вы сами приѣхжали,
 Свого меньшого брата, а нашего сына гдѣ вы загодѣли,—
 125) Чи вы его за сін кони турецкіе вороны,
 Чи за сін шаты дорогіе,
 Туркамъ-янычарамъ отдавали?»
 Старшій братъ тое зачувае,
 Словами промовляе:
 190) «Отецъ и матери!

Мы въ городѣ въ Азовѣ не у одного пана въ темницѣ пробували,
Мы сами изъ темницы утикали,
Своего брата булпли отъ сна и не сбудили.

195) Середній братъ тое зачувае,
Словами промовляе,
Къ сырой землѣ грудью упадаетъ,
Дробными слѣзами обливае:

«Отець и мати!

200) Мы въ городѣ Азовѣ у одного пана въ темницѣ пробывали,
Одному панови слуговали,
Мы всѣ три разомъ изъ темницы утѣкали,
Сами себѣ коней похватали,
Своему наименьшему брату кони не ухватили,
Только недобре мы починали,

205) Что своего меньшого брата на кони не брали,
По пилѣ-чверти мили до отца и матери въ города
христіанскіе не подвозили.

Я добре знаю,

Что нашего меньшого брата живого на свѣтѣ не мае:
Знать, его козацкая голова въ степи при дорогѣ полягае».

210) Отець и мати тогда добре дбали,
Середняго сына въ свой дворъ пріймали,
Старшаго изъ двора прогнали,

И лаяли, и проклинали:

215) «Бодай ты, сыну, себѣ щастья-доли не имѣлъ,
Что ты намъ объ меньшемъ сынѣ правды не сказалъ!»
Померла трехъ братьевъ голова,
Только слава не умреть, не поляжетъ...

220) Будеть слава славна
Помежъ друзьями козаками
И дородными головами.

5.

Три брата самарскіе ¹⁾.

Въ нашемъ рукописномъ собраніи малорусскихъ пѣсень
есть одна пѣсня, въ которой рѣчь идетъ о смерти двухъ род-

¹⁾ Дума эта напечатана у Максимовича (Сбор. украинск. пѣсень, 1849, 17—19) и перепечатана отсюда у Антон. и Драг. (Историч. пѣсни малорус. народа,

ныхъ братьевъ въ чистомъ полѣ ¹⁾). Лежать они „у поли, край могылы“ „постриляни—порубани“. Спрашиваютъ они одинъ у другаго: какая рана болѣе тяжелая—„стриляная чы рубаная“? Говоритъ одинъ изъ нихъ: „не шабли насъ порубалы, не кули насъ пострилялы, а слезы отца и неньки насъ спиткалы“. Если бы знала мать о насъ, она бы насъ „поховала, якъ зозулька закувала“. „Я вамъ буду, говоритъ имъ орель, отець-маты, я васъ буду доглядаты“. Умоляютъ орла умирающіе братья, чтобы подождалъ онъ часа смертнаго. „Ще жъ часъ смертныи не прыпавъ, орель очи вытягавъ“.

Такъ заканчивается эта трогательная пѣсня, послужившая, по нашему мнѣнію, ближайшей основой для думы о смерти трехъ братьевъ на поляхъ самарскихъ. Во всѣхъ четырехъ вариантахъ этой думы нѣтъ орла, но, въ замѣнъ этого обычнаго спутника *рубаныхъ* козаковъ, обязательно присутствующаго въ лирическихъ пѣсняхъ, выступаютъ реальныя подробности, свойственныя думамъ. Во всѣхъ вариантахъ ярко обрисована сожженная степь самарская,—только „у ричкы Самаркы, у крыныци Салтанкы“, гдѣ „тры терны дрибненькыхъ, тры байраки зелененькыхъ, лежать тры браты ридненькыхъ“ и просятъ другъ друга о помощи. Большими симпатіями къ роду-племени проникнуты варианты Метлинскаго и Котляревскаго, хотя въ послѣднемъ, какъ и въ вариантѣ Костомарова, вовсе не упоминается о нравственной причинѣ несчастія, постигнаго трехъ братьевъ. Отличіе варианта Котляревскаго отъ всѣхъ другихъ заключается въ томъ, что младшій братъ отказывается играть въ войсковыя суремки, чтобы не услышали его игры Турки и не забрали полуживыхъ братьевъ въ плѣнъ. Вообще же варианты Метлинскаго, Костомарова и Котляревскаго мы считаемъ переходными къ варианту Максимовича, въ которомъ умирающіе козаки выражаютъ желаніе, чтобы ихъ похоронили не отецъ и мать, а „странни козаки“. Очевидно, въ этомъ вариантѣ гуще

1, 257—259),—у Метлинскаго (Народ. южнор. пѣснц, 437—440),—у Костомарова (Исторія козачества... отд. отгискъ). Къ этимъ тремъ печатнымъ вариантамъ присоединяемъ вариантъ Котляревскаго.

¹⁾ Записана въ Камонецъ-Подольской губ.

наложены историческія краски, да и въ художественномъ отноше-
 шеніи сравнительно съ другими онъ строже выдержанъ.

- 1) У рѣчки Самарки,
 У врианицы Салтанки,
 Тамъ уси поля самарски пожарами погорѣли,
 Только не горѣло два терны дрыбненькихъ,
 5) Два байраки зелененькихъ,
 Бо тамъ подлѣ ихъ лежало три брата рыдненьки:
 То они пострѣлины,
 Порубаны,
 На раны смертельныя знемогали,
 10) Що у ихъ раны рубаны кровью изошли,
 А стрѣляныя до сердца пришли.
 Промовить старшій братъ до середульшаго словами,
 Обильется дробными слезами:
 «Коли бѣ ты, братику, добре дбалъ,
 15) Що бѣ ты на ноги козацкія вставалъ,
 Збанокъ козацкій ¹⁾ вруки (sic) бралъ,
 До криницы Салтанки прихожалъ,
 Холодной воды набиралъ,
 Наши бѣ раны козацкія смертельными промывалъ.
 20) Середуншій братъ тое зачувае,
 Словами промовляе:
 Якъ же мни, брате, на ноги козацкія вставати,
 Що у мене ноги козацкія порубаны,
 Руки козацкія пострѣлины,
 25) Головка козацкая моя побита?
 Попросимо мы свого меньшого брата,
 Нехай нашъ наймѣньшій братъ на ноги козацкія встаетъ,
 У тонкіе войсковіе суремки ²⁾ занграе,
 То будутъ козаки чистымъ полемъ гуляти,
 30) Будутъ наши игры козацкія зачувати,
 Будутъ они до насъ приѣжджати,
 Будемъ мы добре дбати,
 Отцеви и матери въ землю христіанскую поклонъ передавати.

¹⁾ „Мамерка солдатская“—примѣчаніе въ текстѣ рукописи.

²⁾ „Трубы“—вставка тамъ-же.

- 35) Что бѣ насѣ отецъ и мати добре знали,
 Они бѣ до насѣ приѣжжали,
 Они бѣ насѣ хорошенько поховали.
 Меньшій братъ тое зачувае,
 Словами промовляе:
 «Браты мои милые,
 4.) Якъ голубеньки сыныне!
 Чи не тѣ жѣ мене сабли турецки порубали, що и васѣ?
 Чи не тѣ жѣ мене стрѣлки-янычарки пострѣляли, що и васѣ?
 Якъ вамѣ, братца, неможно на ноги козацкія вставати,
 Такъ же и мени.
- 45) Хочѣ я, братца, буду въ тонкія суремки жалибненько играти,
 То будуть турки-янычари, безбожны бусурманы, чистымъ полемъ
 гуляти,
 Будуть наши игры козацкія зачувати,
 Будуть до насѣ приѣжжати,
 Будуть намѣ живьемъ каторгу завдавати.
- 50) Лучше намѣ, братца, отъ тутѣ въ чистомъ поле помирати,
 Отца и пани-матки и родины сердечной въ очи не видати...
 Стала черная хмара на небѣ наступати,
 Стали козаки во чистомъ поле помирати,
 Стали свои головы козацкія въ рѣчкѣ Самаркѣ покладати..
- 55) Чѣмѣ тая Самарка стала славна,
 Що вона много войска возацкаго у себе видала.

6.

Федоръ Безродный ¹⁾.

Дума о Федорѣ Безродномъ возникла на той же почвѣ древнѣйшихъ пѣсенъ о „рубаныхъ“ козакахъ. Издатели историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа справедливо видятъ въ варіан-

¹⁾ Мы знаемъ четыре варіанта этой думы: Цертелева (Опытъ собранія народн. украинс. пѣсенъ, 1819 г., 48—50), — отсюда перепечатана она Максимовичемъ (Украинс. народ. пѣсни, 1834, 5—7; Сборникъ украинс. народ. пѣсенъ, его-же, 1849, 25—27), изъ сборниковъ Максимовича издателями истор. пѣсенъ малор. народа (I, 248—249); второй варіантъ Метлинскаго (Нар. южнорус. пѣсни, 440—441; Историч. пѣсни малор. нар. Авт. и Драг., I, 249—251); третій — Русова (Записки юго-зап. отд. географ. общ. I, 12—21; Историч. пѣсни малор. народа, Авт. и Драг., 252—255); наконецъ, четвертый варіантъ Котляревскаго. Кроме того, сохранились

тахъ Метлинскаго и Русова наслоенія позднѣйшей эпохи¹⁾. Въ вариантѣ Метлинскаго стихи 45—46 показываютъ, что дума исполнялась передъ козацкой старшиной. Самъ Федоръ Безродный называетъ себя паномъ. Федору-пану недостаетъ суровой простоты Федора-„атамана куринного“, о которомъ рѣчь идетъ въ вариантѣ Максимовича. Тѣ же слѣды болѣе поздняго времени видны и въ вариантѣ Русова—въ изображеніи богатаго костюма Федора Безроднаго. Поэтому вариантъ Максимовича мы считаемъ наиболѣе древнимъ и цѣльнымъ: въ сжатой формѣ онъ передаетъ всѣ главные моменты думы. Начало его переноситъ насъ въ вѣка болѣе отдаленные, когда Федоръ Безродный могъ быть жертвой неосторожности въ пограничной боевой жизни съ татарами. Вариантъ Котляревскаго мы относимъ къ болѣе позднимъ. Большое сходство онъ представляетъ съ вариантомъ Русова: и тамъ и здѣсь „товариство“ подозрѣваетъ джуру въ томъ, что онъ виновникъ смерти своего пана. Главное содержаніе во всѣхъ вариантахъ—это изображеніе смерти и похоронъ казака.

- 1) Тыей дороги (sic),
 Потребы выйсковой,
 Противъ земли цесарской,
 Небагато выйска козацкаго понаженю
- 5) И передъ мечемъ положено,
 Ни одной души живой козацкой не оставлено,
 Только подъ зеленою, похилою вербою,
 Надъ днѣпровую сагою,
 Надъ холодною водою,
- 10) Лежить козаче молодой,
 Товарищу выйсковый,
 Фсдоре безридный¹⁾,

отрывки изъ этой думы, см. Метлин. 441—442: въ одномъ изъ нихъ Федоръ Безродный названъ осауломъ Богуславскимъ. Тамъ-же см. пѣсни, близко подходящія къ содержанію думы (442, 448). Одна изъ этихъ пѣсней въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ сохранила форму думы.

¹⁾ Стр. 256—257.

²⁾ Максимовичъ высказалъ предположеніе, что Федоръ Безродный есть Фома Безродный, состоявшій войсковымъ писаремъ при отважномъ гетманѣ Богданѣ въ 1576 г. (Украинс. народ. пѣсни, 1834 г., 5). Костомаровъ того мнѣнія, что это имя

Словами промовляе:

«Слуга молодой!

Не своимъ ты конемъ поѣждаешъ,
 50) Не своею сброею выхваляеша,
 Дести (sic) свого пана убиля яльбо раниля,
 Али бо козацкой души тѣла избавиль».

55) Слуга молодой добре дбае,
 Съ кони вставае,
 Словами промовляе:

«Отамане кошовый!

Я свого пана не убиля, ни зрадилъ,
 Ни козацкой души тѣла не збавиль:
 То жъ его турецкая булатна сабля порубала,
 60) То жъ его стрѣлка-янычка (sic) пострѣляла»
 Отамане кошовый тое зачувае,
 Словами промовляе:

«Козаки, панове-молодцы!

Добре вы дбайте,
 65) На кони козацкіе сѣдajte,
 Коло лугу Базавлугу объѣжайте,
 Федора безроднаго живого заставляйте».

Козаки тогда добре дбали,
 Коло лугу Базавлугу ¹⁾ объѣжали,
 70) Федора безроднаго живого не zostали,
 Саблями, надолками суходыль копали,
 Шапками, приполами землю носили,
 Семиперстную могилу высыпали,
 Изъ семнидныхъ пицаль пострѣляли.

7.

Козакъ Иванъ Коновченко изъ города Черкасъ ²⁾.

Пѣсенные мотивы этой думы указаны нами въ IV главѣ нашего изслѣдованія. Во всѣхъ вариантахъ ея нравственные не собственное, а нарицательное (Исторія козачества въ памяти народ. пѣсен. творчества, отд. отискъ, 71).

¹⁾ Базавлугъ—рѣчка, вытекающая изъ верходаѣвровскаго уѣз. скатериносл. губ. и впадающая въ Дѣпиръ на границѣ ектериносл. и херсонс. уѣздовъ.

²⁾ По количеству вариантовъ это самая распространенная дума. Она была напечатана Цертолевимъ (Опытъ собранія народ. малорос. пѣсенъ, 1819 г., 30—36)

- Атамане куршный,
Постреляный,
Порубаный,
- 15) На раны смертельныя изнемогае,
Ни отецъ, ни мати, ни родина кривна, сердечна того не знае.
То только у его слуга свидить,
Изъ днѣпровой саги холодной воды набираеть,
20) Раны козацкія, смертельныя промываетъ,
До Федора Безроднаго словами промовляетъ:
«Пане мый молодой,
Федоре безрыдний!
Добре мы дбаймо,
- 25) До твоего отца и паниматки, до родины сердечной, выйскомъ
днѣпровымъ накажимо,
Нехай твой отецъ и мати добре дбае,
Покрывало тоненькѣ (sic) тебѣ пересылае,—
Нехай бы могли знати,
Якъ теби на чужой сторонѣ поховати».
- 30) Федоръ безродный тое зочувае,
Словами промовляє:
«Слуга мой молодой!
Не поможетъ мнѣ на чужой сторонѣ покрывало тоненьке,
Ты мени, слуга, на чужой сторонѣ отецъ и мати рыдненька,
35) И братъ, и сестрица вирненька:
Добре ты, слуга молодой, дбай,
Изъ моего позлочистаго комера шовкову тягню снимай,
На добраго коня сидай,
Промежду выйскомъ козацкимъ проѣжжай:
40) Чи будешъ ты угоденъ выйску днѣпровому,
Али бо атаману кошевому» .
Слуга молодой добре дбае,
Съ позлочистаго комера шовкову тягню снимае,
На добраго коня сѣдае (sic),
45) Между войскомъ козацкимъ поѣжжае,
Отамане кошовый тое забачае,

1576 г. (Украинск. народ. пѣсни, 1834 г., 5). Костомаровъ того мнѣнія, что это имя не собственное, а нарицательное (Исторія козачества въ памяти народ. пѣсен. творчества, отд. оттиска, 71).

черты козака-юноши одинъ и тѣ же. Что касается до матери его, то въ вариантѣ Максимовича она изображена нѣсколько иначе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Какъ и въ другихъ вариантахъ, она не желаетъ разстаться съ своимъ сыномъ, но уступаетъ его настойчивой просьбѣ и даже благословляетъ его на путь. Затѣмъ она „выглядае“ своего Ивася, узнаетъ о славной смерти его и не только не проклинаетъ полковника Хвилоненка за то, что онъ увлекъ молодаго Коновченка въ походъ, но даже даритъ ему коня. Какъ мать-козачка, не чуждая козацкаго мужества, она спокойно переноситъ свое горе. По нашему мнѣнію, это и есть основной вариантъ, свободный еще отъ вліянія пѣсенъ. Нѣтъ въ немъ ни загадочныхъ рѣчей козаковъ о судьбѣ Коновченка, обращенныхъ къ его матери, ни зловѣщаго сна ея, который разгадываютъ возвращавшіеся изъ похода козаки. Эти подробности, по всей вѣроятности, вставлены въ думу послѣ того, какъ сложилась фабула ея, при чемъ въ однихъ вариантахъ о женитьбѣ Коновченка на „туркенѣ, пышной паннѣ“, говоритъ мать его, какъ о сновидѣніи (варианты Лукашевича и рукописные—лубенскій, харьковскій

и буквально перепечатана изъ этого изданія Максимовичемъ (Украинск. народ. пѣсни, 1834, 51—57); затѣмъ извѣстны варианты Лукашевича (Малорус. и Червонорус. думи и пѣсни, 36, 47), Метлинскаго (Народ. южно-рус. пѣсни, 413—424), напечатанный въ Кіев. Телеграфѣ (1873, № 59), Головацкаго (Народ. пѣсни галицкой и угорск. Руси, ч. I. 9—12: здѣсь она перепечатана изъ сборника Žeg. Pauli, 1839, 1, 155—158, а въ этотъ сборникъ попала изъ Русалки Дифстровой, 1837, 11), Ковинскаго (Кіев. Старина, 1882 г., августъ), Боржковскаго (два варианта, *ibidem*, 1889, сентябрь) Кроме этихъ восьми печатныхъ вариантовъ, для ознакомленія съ думой мы пользовались шестью рукописными вариантами, записанными въ губерніяхъ Полтавской (лубенск. у.), Черниговской (черниговск. у.), Харьковской (богодуховск. у.), Кіевской (кіевск. у.), Каменецъ-Подольской и, наконецъ, вариантомъ Котляревскаго. Костомаровъ упоминаетъ еще о двухъ вариантахъ, изъ коихъ одинъ былъ записанъ имъ въ Харьковѣ, а другой былъ присланъ ему г. Морозомъ. Скудные отрывки изъ обоихъ вариантовъ напечатаны имъ въ изслѣдованіи его: Исторія козачества по памятникамъ южнорус. народ. пѣсен. творчества (Русская Мысль, 1880 г.), но на основаніи этихъ отрывковъ мы не могли составить представленія о пѣломъ. Считаемо нужнымъ замѣтить также, что дума объ Иванѣ Коновченкѣ, помѣщенная въ Извѣстіяхъ академіи наукъ за 1853 г., т. II. (Памятники и образцы народ. языка, 206—210), составлена Афанасьевымъ-Чужбинскимъ изъ вариантовъ Максимовича и Лукашевича.

и Котляревскаго), въ другихъ говорятъ о томъ-же козаки, намекая матери на смерть сына ея (варианты Метлинскаго, два Боржковскаго, вариантъ, напечатанный въ Кіевс. Телеграфѣ, и рукописные—черниговскій, кіевскій и подольскій). Въ этихъ послѣднихъ меньше амплификаціи, чѣмъ въ первыхъ, поэтому они, повидимому, ближе стоятъ къ варианту Максимовича, но сонъ вдовы и рѣчи козаковъ такъ органически связаны между собою, что отсутствіе сна въ указанныхъ выше вариантахъ можно считать искаженіемъ болѣе полнаго текста. Есть и другой признакъ болѣе поздняго происхожденія этихъ вариантовъ. Нѣкоторые изъ нихъ (два варианта Боржковскаго, галицкій и рукописный подольскій), независимо отъ ясныхъ слѣдовъ искаженія въ самомъ языкѣ, начинаются не съ воззванія полковника корсунскаго или черкаскаго, а съ изображенія мирной жизни вдовы Коновчихи съ сыномъ, причемъ о воззваніи Хвилоненка къ козакамъ нѣтъ ни слова,—въ другихъ (варианты Кіевс. Телеграфа и рукописный кіевскій) мѣсто дѣйствія не въ Черкасахъ, а въ какомъ-то городѣ Копестрынѣ или Кебестрынѣ, и самое воззваніе идетъ отъ какого-то полковника Гниды, а въ вариантѣ Конисскаго—не извѣстно отъ кого. Рукописный харьковскій вариантъ представляетъ ту особенность, что Ивась Коновченко является инициаторомъ похода: не его подбиваютъ козаки „на Черкень-долыну гуляты“, а онъ самъ „на вынны-вивѣ, на броварныкивъ ставъ поклыкаты“. Это очевидное забвеніе первоначальнаго факта, за то не позабытъ въ харьковскомъ вариантѣ сонъ вдовы, что сближаетъ его съ вариантомъ средней редакціи. Къ этимъ послѣднимъ относится и вариантъ Котляревскаго. Ближе всего онъ стоитъ къ рукописному лубенскому по двумъ мотивамъ: во-первыхъ, Ивась напивается „оковытой“ тайно отъ полковника; во-вторыхъ, полковникъ принимаетъ сердечное участіе въ горѣ вдовы. Между вариантами средней редакціи вариантъ Котляревскаго, повидимому, отличается большею историческою точностію: Хвилоненко сперва обращается съ воззваніемъ къ охотникамъ въ Корсуни, затѣмъ самъ лично появляется въ Черкасахъ и обращается къ войсковой старшинѣ, наконецъ, передъ самымъ отправленіемъ въ походъ „словами промовляетъ“:

«Который будетъ козакъ отцевскихъ и матернихъ обѣдовъ
 ложидати,
 Будетъ меня за восемь миль отъ города Черкаса доганяти».
 Всѣ эти моменты или сокращены, или спутаны, или сов-
 сѣмъ опущены въ другихъ вариантахъ.

- 1) На славной Украйнѣ, въ городѣ Корсунѣ¹⁾,
 Тамъ жилъ корсунскій полковникъ панъ Филонъ²⁾...
 Якъ сталъ въ охотное войско выражати,
 Сталъ охотника выкликати,
 5) Крикнетъ, покрикнетъ на винники, на броварники,
 На пьяницы, на востерники³⁾:
 «Которому не хочется по винницяхъ горелокъ курити,
 Которому не хочется по броваряхъ пиво варити,
 Которому не хочется въ кости играти,
 10) Дурно гуляти,
 Идите вы сомною, корсунскимъ полковникомъ, въ охотное
 войско гуляти,
 Пидь городъ Тягнию⁴⁾,
 На Черкень-долину,
 За вѣру христіанскую одностайне стати,
 15) Рыцарской славы заживати!»
 То тее словами промовляе,
 У пятницю до города Черкаса⁵⁾ посиѣшае,
 Въ субботу рано пораненко цвѣтную короговъ крещату
 выставляе.

¹⁾ Корсунь—бывшій полковой городъ, нынѣ мѣстечко на берегу р. Роси, въ 160 верстахъ отъ Черкасъ.

²⁾ Полковникъ Филоненко, говоритъ Костомаровъ, дѣйствительно существовалъ въ первой половинѣ XVII в. и извѣстенъ, какъ товарищъ Гуни и Остранци въ возстаніи противъ Поляковъ: вмѣстѣ съ предводителемъ возстанія онъ, кажется, ушелъ въ Московское государство (Исторія козачества.. Отд. оттискъ, 67).

³⁾ „Что въ кости играти“—примѣчаніе записавшаго думу.

⁴⁾ Мѣстное турецкое названіе Беидеръ—нынѣ уѣздный городъ въ Бессарабіи. Мѣстоположенія Черкень-долины мы опредѣлить не можемъ.

⁵⁾ Черкаси—бывшій полковой городъ, нынѣ уѣздный, на берегу Днѣпра, въ 287 верстахъ отъ Кіева.

- То вже крикнеть, покрикнеть на сотники, на полковники,
 20) На отаманы, на осаулы,
 На козаки молодые
 И на слуги войсковые:
 «Що вы, сотники и полковники,
 Отаманы и осаулы!»
- 25) Идите со мной, курсунскимъ полковникомъ, въ охотное войско
 гуляти,
 На Черкень-долину,
 Подъ городъ Тигиню,
 За вѣру христіанскую одностайно стати,
 Будемъ рыцарской славы доставати,
 30) Будемъ мы саньяновы боты топтати!»
 То вже въ городъ Черкасѣ жила вдова,
 Старенькая жена,
 По имѣнію Грициха,
 По прозванію Коновчиха,
 35) Мила себѣ сына Ивана Коновченка,
 Единого вдовиченка.
 Она его до зросту лѣтъ держала,
 Въ наймы не пускала,
 На стираніе чужимъ рукамъ не давала,
 40) Она изъ его по смерти славы, памяти сподивала.
 То вже Иванъ Коновченко на рынокъ выхожае,¹⁾
 Что курсунскій полковникъ, панъ Филонъ, словами промовляеть,
 Въ охотное войско выкликаеть,
 То Иванъ Коновченко до матери своей старой прихожае,
 45) Словами промовляе:
 «Мати моя, старенькая жено,
 Коли бѣ ты, мати, добре дбала,
 Четыре воли чабаны и два коня ворощы изъ стада выручала,
 До жидя орондаря отгонила,
 50) И ще бѣ стозлотыми гршмы доматила,
 Да мни доброго коня купила,
 Що моя душа козацка-молодеца подобила и влюбила,
 Пиду я, мати, на Черкень-долину гуляти,
 За вѣру христіанскую одностайне стати,

¹⁾ Здѣсь пропущенъ стихъ, который долженъ былъ оканчиваться словомъ „зачувае“.

- 55) Рыцарской славы доставати,
Козацкихъ звычаевъ добре знати» .
Удова, старенькая жена, тое зачувае,
Словами промовляе:
«Сыну мой, сыну, Ивась Коновченко!
- 60) Чи у тебе ничего испити або взъисти,
Чи у тебе ни въ чему хорошенько ходити,
Чи тебе мирская старшина не почитае,
Чи тебе козацкая громада зневажае? ¹⁾
Лучше ты будешъ тѣп четыре волы чабаные и два коня
вороные въ плугъ запрягати,
- 65) Будешъ по риле хлѣба пахати,
Будешъ козаконъ и мужиковъ на хлѣбъ и на соль къ себѣ
завывати,—
Будуть тебѣ козакъ войсковыхъ потребовъ, козацкихъ обычаевъ
научати» .
Ивась Коновченко тое зачувае,
Словами промовляе:
- 70) «Мати моя, старенькая жено!
Не хочеться миѣ, мати,
На волы козацкимъ гласомъ гувати,
Не хочеться миѣ, мати, въ пыли китайку ылити,
Хочъ я буду козаконъ до себе завывати,
- 75) Будуть меня козаки домаремъ, гречкосѣемъ прозывати,—
А то лучше я, мати,
Пойду на Черкень-долину гулати,
За вѣру христiянскую одностайне стати» .
Въ недѣлю рано-пораненько
- 80) Вдова, старая жена, до Божіей церкви отходила,
Всѣ оружья въ комнату позамыкала,
Только семнадцую пицаль-ружье оставила,—
То Иванъ Коновченко изъ постели встаетъ,
На рынокъ выхожае,
- 85) Що корсунскій полковникъ, панъ Филонъ, словами промовляетъ:
«Который будетъ козакъ отцевскихъ и матернихъ обѣдовъ дожидати,
Будетъ меня за восемь миль отъ города Черкаса доганяти» .

¹⁾ „Осуждаетъ“ — примѣчаніе записавшаго думу.

- Сусиды въ церковь ушли,
Вдовѣ сказали:
- 90) «Ты, вдова, въ церкви стоишь, ничего не знаешь,
Что твоего сына Коновченка въ дому немає».
То вдова изъ церкви приходила,
Ивана Коновченка въ домѣ не застала,
Ругала его и проклинала:
- 95) «Чтобъ ты, сынъ мой Иванъ, щастя п доли не имѣлъ,
Какъ ты меня, вдову стареньку, на господарствѣ покидалъ!»
Рано въ понедѣльникъ вдова отъ сна прочинала
И словами промовляла:
«Бѣдна, побѣдна моя вдовина голова,
- 100) Що я своего сына ругала и проклинала,
Щастье его, долю козацкую потеряла».
Тогда она добре дбала,
Четыре вола чабаныя и два коня вороные изъ стада доплатила,
Своему сыну добраго коня купила,
- 105) Что его душа козацкая-молодецка сподобила та влюбила,
Ище семъ кнѣзъ козакови на жуанѣ давала,
Ище своему сыну добраго коня переслала.
То козакъ на добраго коня сѣдаетъ,
За дванадцать миль отъ города Черваса курсунского полковника
догавяе;
- 110) Скоро полковника догналъ,
Межъ пѣхоту вбѣгалъ,
Ивана Коновченка межъ пѣхотою позналъ,
Добраго коня ему въ руки подалъ.
Иванъ Коновченко на добраго коня сѣдаетъ,
- 115) То ще словами промовляетъ:
«Я жъ думалъ, братцы, что обо мнѣ мати не знаетъ и не
вѣдаетъ,
Ажъ она обо мнѣ великое милосердіе маеть,
Що мнѣ добраго коня купила,
Що моя душа козацкая-молодецкая сподобила да влюбила.
- 120) Коли бъ мнѣ Господь милосердный далъ изъ сего похода
выходити,
Могъ бы я знати,
Якъ свою неньку старенькую почитати,
Могъ бы я ей 12 турокъ-янычаръ на послугу посылати!»

То ще якъ сталъ корсунскій полковникъ панъ Филонъ на Чер-
кень-долину подь городъ Тягиву

прибувати,

- 125) Сталъ до козаковъ словами промовляти:
«Козаки, панове-молодцы!
Который межъ вами козакъ оберется, чтобъ на добраго коня
сидати,
Чтобъ изъ Крымцами да Нагайцами на распути погуляти?»
То всѣ козаки замолчали,
- 130) Только обзовется одинъ Ивасъ Коновченко,
Единъ сынъ вловыченко:
«Благослови ты мнѣ, панъ Филонъ, на добраго коня изспдати,
Съ Крымцами да съ Нагайцами на поединкѣ погуляти!»
То корсунскій полковникъ словами промовляеть:
- 135) «Иванъ Коновченко!
Ты дѣтина молодая:
Ни на поле, ни на море не бувала,
Козацкой крови не видала,
Какъ ты кровь христіанскую узрпшь,
140) То ты самъ злякаешъ».
- Иванъ Коновченко словами промовляеть:
«Корсунскій полковнику, панъ Филонъ!
«Пойди ты на рѣку, да поймай ути старое в малое,
Та пусти ты на рѣку,—есьли не поплыветь малое, какъ
старое».
- 145) Корсунскій полковникъ отвѣчаетъ:
«Иванъ Коновченко!
Когда могъ ты мнѣ загадку такую загадати,
Благословляю тебя на добраго коня сидати,
Съ Крымцами да съ Нагайцами на поле погуляти».
- Коновченко на коня сѣдаеть,
150) Отъ козаковъ благословеніе принимаетъ,
Межъ Крымцы и Нагайцы вбѣгаеть,
66 Крымцевъ да Нагайцевъ съ коней збиваеть,
Силеть головы снимаеть,
14 рыцарей (sic) турецкихъ на арканъ хватаеть,
- 155) Жвьемъ до козацкаго намѣту пригоняеть.
Корсунскій полковникъ, панъ Филонъ, то зобачаеть
И промовляеть,

- Коновченка братомъ называетъ:
 «Иване Коновченко, брате мой сердечный!
 160) Коли могъ ты рыцарской славы достати,
 Благословляю тебя въ своемъ намѣтѣ спочивати» .
 А Иванъ Коновченко тое зачувае
 И великую радость мае,
 Что курсунскій полковникъ братомъ его называетъ.
- 165) То винъ словами промовляетъ:
 «Курсунскій полковнику, пане Филоне!
 Благослови миѣ оковитой горелки напиться,
 То я могу еще и лучше съ Крымцами да съ Нагайцами побиться!»
 Полковникъ словами промовляетъ:
- 170) «Иванъ Коновченко!
 Я слыхалъ отъ старыхъ людей,
 Что сян оковитая горелка барзо вадить,
 Не одного человекѣа съ сего свѣта збавить» .
 У той часъ и годнну
- 175) Десь курсунскій полковникъ отгодився,
 Иванъ Коновченко довольно горелки напився...
 На добраго коня сѣдаеть,
 Саблю изъ рукъ выпускаеть,
 Межь Крымцы да Нагайцы вбѣгаеть,
- 180) 70 человекѣъ съ коней збиваеть,
 Сплѣчь головы снимаеть.
 Стали безбожныи бусурманы козака въ хмели познавати,
 Стали отъ табора козацкаго далѣ отбивати,
 Сборо отъ табору козацкаго отбавляли,
- 129) Округъ его оступали,
 Тамъ его посѣкли, порубали,
 Смертельными ранами даровали,
 Только козацкаго коня не поймали.
 Конь козацкій по табору играеть,
- 190) Нибы ясенъ соколъ лѣтаеть,
 Курсунскій полковникъ тое забачаеть,
 И промовляетъ:
 «Недармо нашего Коновченка конь по табору играеть,
 Знать, его въ живыхъ немае...
- 195) Вы, панове, сами не добре учинили,
 Що пьянаго человекѣа съ своихъ рукъ испустили.

- Добре вы, братца, дбайте,
 На кони козацкіе сѣдайте,
 Козацкое тѣло позбирайте,
 200) До козацкаго намѣту привизите».
- Тогда козаки добре дбали,
 Що козацкое тѣло позбирали,
 Суходолъ саблими копали,
 Шапками, приполамъ землю выносила
 205) Изъ оружія стрѣляли,
 Козацкую славу прославляли,
 Семишерстную могилу высынали ..
- Въ городѣ Черкасѣ
 У вдовы, старенькой жены,
 210) По имѣнію Грицихи,
 По прованію Коновчихи,
 Приснился сонъ чуденъ-пречуденъ,
 Барзо дивенъ да й предивенъ...
- Вдова отъ сна прочинала,
 215) На рынокъ выходила,
 Съ сосѣдами говорила:
 «Приснился сонъ чуденъ да пречуденъ,
 Что видится, мой сынъ въ войнѣ оженился,
 Понялъ себѣ жену туркеню горду да пышну,
 220) Въ зеленомъ сукнѣ подъ бѣлыми позументами,
 Она панцины не робить,
 Подачки не даетъ,
 Никто ее въ углы не толкаетъ,
 Только она себѣ правдиваго судіи Господа съ небесъ жаелаеъ».
- 225) Сусиды тое зачували,
 Вдовѣ той сонъ отгадали,
 Только правды не сказали:
 «Вдова небога!
 Будетъ твой сынъ изъ войска прибувати,
 230) Будетъ тебя казацкимъ кармазиномъ даровати».
- Вдова тогда не убога бувала,
 4 бочки горелки и 6 меду на брамѣ становила,
 На свиту недѣлю козаковъ изъ похода сподѣвалася.
 То козаки съ походу идуть,
 235) Якъ ичелы гудуть,

- То первая дивизія выступаетъ,
 Вдова Ивана Коновченка, своего сына, пытается.
 То козакъ тое добре знали,
 Вдовѣ правды не сказали.
- 240) Другая дивизія наступаетъ,
 И тамъ вдова сына пытается,
 И тамъ козакъ добре знали,
 Вдовѣ правды не сказали.
 «Вдова небога, не журися
- 245) Твой сынъ ввойнѣ оженился,
 Поицалъ себѣ жену туркеню, горду да пышну невѣсту.
 Вдова тое зачувала,
 Каждого козака частовала
 И словами промовляла:
- 250) «Хвалю жъ тебѣ, Господи, что я себѣ тихой да веселой не-
 вѣстки дождала!
 Хоть буду козакамъ курени подмиѣтати,
 Аби мене могли при старости лѣтахъ у себѣ держати».
 То уже третия дивизія идетъ,
 Корсунскій полковникъ коня въ рукахъ за поводы ведетъ.
- 255) То вдова, старенькая жена,
 Якъ скоро тее узрела,
 То барзо умлила,
 На ногахъ не устояла,
 Къ сырой землѣ грудью упала,
- 260) Въ гору руки поднимала,
 Полковника проклинала:
 «Полковникъ, паяъ Филовъ!
 Бодай ты счастья-доли не малъ,
 Якъ ты моего сына изъ всего войска потерялъ».
- 265) Полковникъ самъ не пышенъ бываетъ,
 Съ коня встаетъ,
 Вдову, старенькую жену, съ земли поднимаетъ
 И промовляетъ:
 «Вдова-небога!
- 270) Не проклинай меня,
 Щастья моего и доли козацкой не терий:
 Ты сама недобре починала,
 Что своего сына въ охотное войско не пускала,

- Щастье его и долю потеряла,
 Ты его проклинала...
 Тогда вдова не убога ся мала,
 Сорокъ тысячъ козацкаго войска въ дворъ свой зазывала,
 Трое сутокъ ни инти, ни ѣсти хлѣба-соли не поборонила,
 Всѣхъ козаковъ, какъ бояръ, даровала,
 Давала рушники тканы и вышиваны,
 Заразомъ похороны и веселья отправляла,
 Козацкую славу прославляла.

8.

Иванъ Богуславецъ, гетманъ запорожскій ¹⁾.

По мнѣнію Костомарова, въ эту думу перенесенъ изъ думы о Марусѣ Богуславкѣ разговоръ Ивана Богуславца съ невольниками: „сходство образа темницы и сидящихъ въ ней невольниковъ, говоритъ онъ, и еще болѣе, быть можетъ, сходство именъ *Богуславецъ* и *Богуславка* произвели это смѣшеніе“ ²⁾. Съ равнымъ основаніемъ, конечно, можно утверждать и обратное. Что касается сходства именъ, то, по нашему мнѣнію, обѣ думы—ничто иное, какъ два отрывка изъ недошедшаго до насъ въ цѣлости обширнаго эпоса о судьбѣ дѣтей одного семейства, можетъ быть, проживавшаго въ г. Богуславѣ. Въ вариантѣ, напечатанномъ въ I томѣ Историч. пѣсень Антоновича и Драгоманова, рассказывается о Богуславцѣ, что онъ сперва отказался отъ предложенія пани Киздевской принять вѣру бусурманскую, когда же она приказала связать его „сырою сырыцею“ и положить его передъ „праведнымъ сощечкомъ“, которое „стало прыгривати, а сырая сырыця стала ссыхати“, тогда Иванъ Богуславецъ отрекся отъ вѣры христіанской и зажилъ

¹⁾ Дума эта дошла до насъ всего въ двухъ вариантахъ; одинъ напечатанъ въ I т. Истор. пѣсень мадорус. народа, Ант. и Драг. 241—242, другой болѣе полный вариантъ въ рукописи Котляревскаго.

²⁾ Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго пѣсеннаго творчества, (стр. 31, стр. отг. сѣкъ).

съ пани-Кизлевской. Итакъ, въ этомъ вариантѣ Иванъ Богуславецъ никто иной, какъ ренегатъ.

Ведеть онъ себя, какъ подобаеть ренегату, и въ думѣ Вересая о похищеніи изъ турецкой неволи ¹⁾. По всей вѣроятности, въ то время, когда писалась извѣстная исторія Руссовъ Конисскаго, ходила въ народѣ иная дума о Богуславцѣ: изъ нея авторъ этой исторіи могъ почерпнуть извѣстіе о писарѣ Богуславцѣ, который въ концѣ XVI в. „захваченъ былъ турками въ плѣнъ при г. Козловѣ, но послѣ запорожцами былъ выреченъ помощію Семиры, жены паши турецкаго: Семира выѣхала вмѣстѣ съ Богуславцемъ въ Малороссію и была его женой“ ²⁾. Ближе всего къ этому предполагаемому нами варианту стоитъ вариантъ Котляревскаго. Здѣсь Богуславецъ не увлекается „роскошью турецкою“ и тоже бѣжитъ на родину. Наружнымъ образомъ онъ принимаетъ вѣру бусурманскую, чтобы освободить себя и товарищей своихъ изъ неволи. Изъ ренегата онъ превращается въ героя: не только не увозитъ „Алканъ-пашевую, пани молодую“, но за оскорбленіе личной чести мститъ туркамъ, жителямъ города Козлова, и убиваетъ свою любовницу. Такимъ образомъ, если допустить, что во всѣхъ этихъ думахъ Иванъ Богуславецъ есть одно и то же лице, то мы имѣемъ предъ собою всю исторію его: въ такомъ случаѣ вариантъ Котляревскаго, какъ наиболѣе разработанный, могъ возникнуть только послѣ появленія думъ, изображавшихъ первоначальную исторію Богуславца.

- 1) Въ городѣ Козловѣ ³⁾ стояла темница каменная,
7 сажень въ землю въ мурованная (sic),
У той темницѣ пробувало 700 козаковъ,
Бѣдныхъ невольниковъ.
- 5) Межь ними безъ старшины козацкои не бывало,

¹⁾ Записки юго-зип. отдѣла кіевскаго географ. общества, I, 16—18. Въ изслѣдованіи Костомарова эта дума названа думой о соколѣ.

²⁾ Исторія Руссовъ, Конисскаго, 31—32.

³⁾ Козловъ—нынѣшняя Евпаторія, уѣздный городъ Таврической губ.

- Бувъ одинъ старшій старшиною Иванъ Богославецъ ¹⁾,
 Гетманъ запорожскій.
 Они десять лѣтъ пробували въ неволи,
 10) То Иванъ Богославецъ сидя соби думаетъ да гадаеть,
 До козаковъ словами промовляеть:
 «Козаки, панове молодцы,
 Що у насъ сегодня за день великая субота,
 Завтра будетъ свитый день—Велпкь-день,
 15) Будуть наши отцы рано вставати,
 До Божого дому приступати,
 Боже слово выслухати,
 Насъ, бѣдныхъ невольниковъ, поминати» .
 То всѣ невольники тое зачували,
 20) Дробными слезами обливали,
 Иванца-Богославца лаяли-проклинали:
 «Бодай ты себѣ, Иванецъ-Богославецъ, щастья и доли не малъ,
 Що ты намъ сей праздникъ отказалъ» .
 Иванъ-Богославецъ тое зачувае,
 25) Словами промовляе:
 «Не лайте мене братцы, не проклинайте,
 Може намъ, братцы, Богъ милосердный буде помогати,
 Чи не будемъ мы съ неволи выступати?»
 То въ недѣлю рано-пораненько
 30) Алканъ-пашева турецкая отъ мужа зоставала,
 Свого мужа похонала,
 До темницы прихожала,
 Темницу отмыкала,
 Помежь невольниками похожала,
 35) Иванца-Богославца за бѣлую руку брала,
 Ще словами промовляла:
 «Иванче-Богославче!
 Коли бъ ты свою вѣру христіанскую поломалъ,
 А нашу бусурманску на себя бралъ,
 40) Уже бъ ты въ городѣ Козловѣ паноналъ...
 И бъ твоихъ невольниковъ всѣхъ изъ темницы выпускала,

¹⁾ Согласно съ исторіей Русовъ Конисскаго, Мак.имовичъ думалъ, что Иванъ Богославецъ участвовалъ въ походѣ Скалсауба противъ турокъ въ 1583 году, см. Украинс. народ. пѣсни, 1834, 8.

Въ землю христіанскую хорошенько провожала.

Иванецъ-Богославецъ тее зачувае,

Словами промовляе:

45) «Алканъ-пашова, пани молодая!

Якъ не будешъ ты мнѣ христіанскою вѣрою урѣкати,

Буду я тебя за жену до себе брати».

То вже Алканъ-пашова, пани молодая,

7 недѣль хмелю не заживала,

50) Христіанскою вѣрою не урѣкала,

Всѣхъ невольниковъ изъ темниці выпускала,

Въ землю христіанскую хорошенько провожала.

Якъ стала на восьмой недѣле хмѣль заживати,

Стала съ молодыми турецкими панями гуляти,

55) Стала Иванчевы-Богославцевы христіанскою вѣрою урѣкати:

«Дивится, панове,

Якій у мене мужъ прекрасный,

Та винъ у насъ побусурменился для роскоши турецкой».

Иванецъ-Богославецъ тое зачувае,

60) До Чернаго моря швиденько прибѣгае,

Въ лодку сѣлае,

Козаковъ середъ Чернаго моря догоняе,

До козаковъ въ судно вступае.

Алканъ-пашева, пани молодая, до Чернаго моря прихожаетъ,

65) Иванца-Богославца въ суднѣ забачае,

Дробными слезами обливае:

«Иванче-Богославче!

Бодай тебе Господь мпласерднѣй на семъ свѣтѣ избавилъ,

Якъ ты мене, молоденьку, зрадилъ!»

70) То ще якъ стала темная ночь наступати,

Стали козаки до города Козлова назадъ прибувати,

Стали на турокъ на сонныхъ набѣгати,

Стали ихъ рубати,

Городъ Козловъ огнемъ—мечемъ воевати,

75) Стали турецкіе лехи разбивати,

Сребро-злато, дорогую одежду забирати,—

Сталъ Иванецъ-Богославецъ Алканъ-пашевую,

паню молодую, рубати,

Стали отъ пристани Козловской поспѣшати,

И ще до свѣта до города Сѣчи прибувати,

- 80) Въ городѣ Сѣчи сокровища турецкія раздѣляти,
 Стали уже козаки словами промовляти:
 «Иванче-Богославче, гетмане запорожскій!
 Десять лѣтъ ты въ неволѣ пробувалъ,
 Ни одного козака не утерилъ!»
- 85) Вызволю, Господи, невольника изъ неволи
 На край веселый,
 Между миръ христіанскій!

9.

Кишка Самыла ¹⁾.

Вопросъ о происхожденіи этой думы остроумно поставленъ и разрѣшенъ В. П. Науменкомъ ²⁾. На основаніи лѣтописныхъ извѣстій о Самылѣ Кишкѣ онъ пришелъ къ заключенію, что „плѣненіе Самыла Кишки турками—фактъ историческій, который, по всей вѣроятности, случился въ началѣ XVII вѣка около 1620 года,—фактъ же бѣгства его изъ неволи ничѣмъ не можетъ быть удостовѣренъ“. Сопоставляя затѣмъ содержаніе одной италіанской брошюры, изданной въ Римѣ въ 1643 году, съ содержаніемъ думы о Самылѣ Кишкѣ, онъ нашелъ, что герой брошюры, нѣкій знатный офицеръ русинъ, по фамиліи Симоновичъ, овладѣвшій турецкой галерой и освободившій себя и 207 невольниковъ христіанъ изъ польской Руси, подъ влія-

¹⁾ Долгое время эта дума считалась иписимъ, не имѣвшимъ вариантовъ. Въ первый разъ напечатана она была Лукашевичемъ въ 1836 г. (Малорус. и Червонорус. думы и пѣсни 15—27), но разъ послѣ того она была перепечатана, какъ образецъ думы, самой обширной по объему и богатой по содержанію (Сборн. Украинск. пѣсенъ Максимовича, 1849, Изв. Акад. наукъ, т. II, 1853 г.; Историч. пѣсни малорус. народа Антон. и Драгом., т. I, 1874 г.). Только въ 1880 г. явились отрывки изъ вариантовъ ея въ изслѣдованіи Костомарова: *Исторія козачества въ намяти южно-рус. народ. пѣсен. творчества*, (отдѣльный оттискъ, 16—30): одинъ изъ нихъ—печатанный также вариантъ Котляревскаго, другой—отрывочный и скудный—сообщенъ былъ Костомарову г. Зайкевичемъ, который записалъ эту думу въ Лубен. у. Полт. губ. Наконецъ въ Кіевс. Старинѣ за 1882 г. (декабрь, 505—507) напечатанъ былъ вариантъ, сходный съ вариантомъ Зайкевича, записанный г. Горленкомъ въ г. Лохвицѣ Полт. губ.

²⁾ Кіевс. Старина, 1883 г., іюнь.

ніемъ разказовъ объ этомъ событіи невольниковъ, возвратившихся на родину, приуроченъ къ народному герою, Самыйлѣ Кишкѣ, о плѣненіи котораго существовалъ уже раньше рядъ сказаній. Эти соображенія подкрѣпляются вариантами Зайкевича и Горленка, въ которыхъ ренегатъ—дидь Бутурлакъ представляетъ полнѣйшее сходство съ ренегатомъ брошюры, по имени Микулой: и тамъ, и здѣсь ренегаты, оставаясь въ тайнѣ вѣрными христіанской религіи, только лицемѣрятъ передъ турками и *proprio muti* содѣйствуютъ своимъ единоплеменникамъ овладѣть галерой. Оказывается, что болѣе искаженные варианты ближе стоятъ къ первоначальной редакціи этой думы, если допустимъ, что на образованіе ея имѣли вліяніе разказы невольниковъ, освобожденныхъ Симоновичемъ, котораго подвигъ приписанъ Самыилу Кишкѣ. Нужно сказать однакоже, что и варианты Лукашевича и Котляревскаго представляютъ многія черты древности въ подробностяхъ, утраченныхъ вариантами Зайкевича и Горленка: таковы, на примѣръ, всѣ реальныя подробности, относящіяся къ описанію турецкой галеры и жизни невольниковъ на галерѣ,—таково въ особенности описаніе въ вариантѣ Лукашевича дѣлежа турецкой добычи, которое могло быть составлено только пѣвцомъ, близко знакомымъ съ дѣйствительностію. Что касается до сравнительной цѣнности обоихъ этихъ вариантовъ, то намъ она представляется въ такомъ видѣ. 1) Въ вариантѣ Котляревскаго рѣзче очерченъ типъ ренегата, суроваго и безпощаднаго: ренегатъ, изображенный въ вариантѣ Лукашевича, принадлежитъ къ разряду людей нерѣшительныхъ, колеблющихся, представляя переходныя черты отъ тайнаго врага турокъ (варианты Зайкевича и Горленка) къ преданному и вѣрному слугѣ ихъ, котораго по возвращеніи на родину козаки убиваютъ безъ всякой жалости (вариантъ Котляревскаго). 2) Самъ Самыило Кишка въ вариантѣ Котляревскаго напоминаетъ отчасти Ивана Богуславца: притворно, какъ и этотъ послѣдній, онъ „христіянську виру ламае, а Бога мылосерднаго въ сердци соби мае“.—По этому случаю Ляхъ-Бутурлакъ пьетъ и гуляетъ съ нимъ, что болѣе естественно, чѣмъ въ вариантѣ Лукашевича, гдѣ Ляхъ-Бутурлакъ послѣ отказа Кишки отъ принятія бу-

сурманской вѣры и послѣ наказанія его за это дѣлится съ нимъ напитками, присланными на галеру Алванъ-пашей. 3) Вообще вариантъ Котляревскаго менѣе подвергся амплификаціи, чѣмъ вариантъ Лукашевича. Сильное вліяніе на этотъ послѣдній оказала дума объ Иванѣ Богуславцѣ.

Оно очень замѣтно: а) тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о выходѣ козаковъ изъ галеры на берегъ для избіенія сонныхъ турокъ,— выходѣ неестественномъ и несогласномъ съ обстановкой событія, изображаемаго въ думѣ о Самыйлѣ Кишкѣ,—б) тамъ, гдѣ дивка Санджаковна, уже послѣ избіенія ея единоплеменниковъ, посылаетъ, стоя на пристани, упреки Алвану-пашѣ за ранній отъѣздъ его, не догадываясь, что онъ тутъ ни при чемъ. Справедливо говоритъ Костомаровъ, что „образъ пани Турецкой перенесенъ изъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ въ думу о Самыйлѣ Кишкѣ по варианту Лукашевича и приложенъ къ дѣвкѣ Санджаковнѣ неумѣстно“,—впрочемъ, не потому, что дѣвка Санджаковна ведетъ себя не по турецки, а по украински: какъ въ той, такъ и въ другой думѣ, турецкимъ женщинамъ усвоены черты мѣстныхъ, украинскія.

Такимъ образомъ, въ четырехъ вариантахъ думы о Самыйлѣ Кишкѣ мы имѣемъ двѣ редакціи ея. Обѣ онѣ могли образоваться скоро послѣ событія, о которомъ повѣствуетъ итальянская брошюра, на почвѣ поэтическихъ преданій о Самыйлѣ Кишкѣ, несогласныхъ между собой въ изображеніи ренегата. Если допустить появленіе въ то время сперва одной редакціи, а потомъ другой, то преимущество древности нужно отдать полузабытымъ и искаженнымъ вариантамъ Зайкевича и Горленка. Но весьма можетъ быть, что первоначально всѣ варианты этой думы составляли одинъ цѣльный текстъ, распавшійся на двѣ редакціи, изъ коихъ каждая въ настоящее время имѣетъ по два варианта.

-
- 1) Изъ города Козлова до города Транезона
 Гулила галера цвѣткована-малевана,
 Четырьма цвѣтами процвѣтанна,
 Первымъ цвѣтомъ процвѣтанна—

- 5) Синими киндяками обвиванна,
 Другимъ цвѣтомъ процвѣтанна,
 Турецкою червоною габою обвиванна,
 А третимъ цвѣтомъ процвѣтанна—
 Христіанскою кровью фарбованна,
- 10) Четвертымъ цвѣтомъ процвѣтанна—
 Невольниками осаженна,
 Козацкими гарматами обрыштована.
 У той галерѣ пробувало 700 турокъ-линичаръ,
 Межъ ними булъ старшій старшиною Алканъ-паша,
- 15) Трапезонское дити молодое.
 Около той галеры пробувало 350 козаковъ-невольниковъ.
 Уже они 40 лѣтъ въ неволѣ пробувають,
 Объ землѣ христіанской ничего не знаютъ.
 То межъ ними безъ старшины козацкой не бывало,
- 20) Только одинъ бувъ старшій старшиною,
 Книшка Самойло, гетманъ запорозскій ¹⁾,
 Другій бувъ старшій старшиною
 Судья черкаскій Марко Грачъ ²⁾.
 То вже тогда Алканъ-паша, трапезонское дити, добре
 винъ дбае,
- 25) На невольниковъ по два, по три кайдановъ набыває,
 Березиною по голыхъ рукахъ христіанскихъ затинае,
 Кровью христіанскою слѣды заливає:
 «Добре вы, невольники, дбайте,
 Скорейше галеру до города Трапезона ³⁾ доганяйте!»
- 30) Тогда невольники за опашны руками хватали,
 Изъ глыба (sic) морской воды доставали.
 Швыдко галеру Чернымъ моремъ погоняли,
 До острова Тендера ⁴⁾ приганяли,
 Противъ Кефы ⁵⁾ города на опочноукъ ставали,

¹⁾ Историческія справки о Самойлѣ Кошкѣ, кошевомъ запорожскомъ, см. Историческія пѣсни Антон. и Драгом, I, 227, а также статью Науменка: „Происхождение малорусской думы о Самойлѣ Кошкѣ“ (Кіев. Старина, 1883 г., Іюнь).

²⁾ Объ этомъ второстепенномъ лицѣ думы мы не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній.

³⁾ Трапезунтъ—резиденція пашы, начальника эялета (намѣстничества).

⁴⁾ Тендеръ—низменный песчаный островъ противъ Киабурской косы.

⁵⁾ Кефа—городъ или же Кафа—нынѣшняя Феодосія.

- 35) Тамъ вони собі заночевали.
 То Алканъ-наши трапезонскому ополночи приснился сонъ
 чуденъ да пречуденъ,
 То Алканъ-наша отъ сна прочинае,
 Промежду турками-янычарами похожае:
 «Который бы межъ вами могъ сей сонъ отгадати,
 Могъ-бы я его великимъ паномъ наставляти,
 Що приснился мнѣ сонъ чуденъ да пречуденъ:
 Видится, козаки-невольники монхъ турокъ-янычаръ всѣхъ
 порубали,
 Въ Черное море вкидали,
 А видится, Кишка Самійло, гетманъ Запорозскій, мене
 на руки бралъ,
- 45) Мени силечъ (sic) головку снималъ,
 Въ Черное море вкидалъ».

 То межъ турками-янычарами никто не могъ сего сна
 отгадати,
 Только бувъ межъ ними старшій старшиною Ляшъ (sic)
 Бутурлака ¹⁾,
- 50) Полковникъ переяславскій,
 Недовѣрокъ христіанскій,
 А винъ клюшникъ галерскій,
 Той могъ сей сонъ отгадати,
 Сталъ словами промовляти:
 «Велю я тебѣ, пане молодій, изъ невольниковъ старые кайданы
 снимати,
- 55) А новыхъ по два, по три набивати,
 То будетъ твоя галера въ цѣлости пробувати».

 Тогда турки-янычаре изъ невольниковъ старые кайданы
 снимали,
 Новыхъ по два, по три набивали
 И скоренько до города Трапезона поспѣшали,
- 60) До дѣвки Санжакивны скоро приѣзжали ²⁾.

¹⁾ Ляшъ Бутурлака—собственное имя въ нарицательнаго *потурнакъ*—отурченый, потурченый.

²⁾ „То есть къ невѣстѣ“—привѣчаніе въ текстѣ рукописи. По варианту Лукашевича *дыка Санжакивна*, дочь губернатора Козловскаго. Санджакъ состоялъ изъ нѣсколькихъ *кличей*—уѣздовъ.

- Стали до города Трапезона приѣждати,
 Стали галеру до берега прицинати,
 Сталь Алканъ наша молодой до дѣвки Санжаковны
 прибувати,
- 65) Усихъ турокъ-янычаръ съ собою брати,
 Тылько клюшника галерского въ галерѣ оставляти,
 То тамъ сталь пити та гуляти,
 Только двоухъ турокъ-янычаръ сталь на подслухи
 посылати,
 Що буде Ляхъ Бутурлака изъ гетманомъ Самійломъ
 розмовляти.
 Тодѣ Ляхъ Бутурлака до Кишки Самила словами
 промовлялъ:
- 70) «Колы бѣ ты, Кишко Самійло, свою вѣру христіанску
 поламалъ,
 А нашу бусурманску на себе взялъ,
 Ужебъ я теби съ кайданывъ расковалъ
 И съ собою за однимъ столомъ сажалъ».
 То Кішкю (sic) Самійло свою вѣру христіанскую будто
 поламае,
- 75) А Бога Милосердного въ сердцѣ себѣ мае.
 Ляхъ Бутурлака Кишку Самійла изъ кайданывъ росковалъ
 И съ собою за однимъ столомъ сажалъ,
 Про козацкіи звичан роспиталъ.
 То турки-янычари тогди тое выслухали,
 До Алканъ-паши прибували,
 Словами промовляли:
- «Теперь, нане молодой, пий та гуляй,
 Только Ляха-Бутурлака не забувай.
 Алканъ-паша нѣе та гуляе,
 Въ галеру напитки посылае.
- 85) Якъ сталь Ляхъ Бутурлака нидпивати,
 Сталь гетману запорожскому по три чарки горилки
 давати,
 То Кишка Самійло по одной чаркѣ вышивае,
 А по другой въ рукава выливае,
 А третію чарку черкасскому судьи посылае.
- 90) То вже Ляхъ-Бутурлака якъ ушвси,
 То на лишко свалился,

- То Кишка Самійло отъ его пьяного съ запоюса (sic) ключи
отобралъ,
Увсѣмъ (sic) невольникамъ въ руки подавалъ:
95) «Вы, братцы, сами себя отмыкайте,
Брязку не учините,
Ильша (sic) Бутурлака не збудите».
Тогда невольники сами себя отмыкали,
Брязку не учинили,
100) Ляша (sic) Бутурлаки не збудили.
Тогда Кишка Самійло Лишу бутурлацы (sic) ключи до
пояса привязалъ.
О полночной годниѣ Алканъ-паша, дитя молодое, отъ
дѣвки Санжакивны изъ турками до галеры прибывае,
То вже самъ лягае,
Спочивае,
105) И только двухъ турокъ ради осмотрѣнія кайданъ посылае.
То турки мнѣжъ невольниками поехали,
За кайданы руками не хватали,
До Алканъ-паши прибывали,
Словами промовляли:
110) Теперъ ты, пане нашъ молодой, спочивай,
«Только Ляша Бутурлаки ве забувай».
Турки пьяны бували,
Великимъ сномъ крѣпко спали.
Кишка Самійло изъ рукъ, изъ ногъ тогда кайданы спускае,
115) До невольниковъ словами промовлае:
«Невольники, изъ рукъ, изъ ногъ кайданы спускайте,
Брязку не учините,
Турокъ-янычаръ не збудите,
Сабли булатные въ руки хватайте,
120) Туркамъ головы снимайте,
Въ Черное море вкидайте,
Только Ляша Бутурлака не займайте,
Для порядку козацкаго оставляйте.
Кишко (sic) Самійло Алканъ-пашу, транезонское дитя
молодое, на руки бралъ,
125) Силечъ (sic) голову снималъ,
Въ Черное море вкидалъ,
Словами промовлялъ:

- «Алканъ-паша, трапезонское дитя!
 Що тобі во снѣ снилось,
 130) То тебѣ на яви пзъявилось» .
 Тогда уже Кишко Самійло, гетманъ запорожскій, до коза-
 ковъ словами промовляе:
 «Ну-мо жъ мы, братця, сію турецкую галеру отъ пристани
 трапезонской далѣ отгоняти» .
 Якъ стали Чернымъ моремъ поѣждати,
 Стало ясне сонце снижжати (sic),
 135) Сталъ Ляшъ-Бутурлака отъ сна прочинати.
 Тогда по галерѣ поглядаѣ (sic),
 Що ни одного турка немае,
 Тогда до козаковъ словами промовляе:
 «Козаки, панове-молодци!
 140) Нехай бы я могъ знати,
 Кого межъ вами паномъ назвати» .
 Козаки словами промовляли:
 «Лише Бутурлако,
 Полковнику Переяславскій!
 Ты и самъ добре знаешъ,
 На-що ты насъ пытаешъ?»
 Тогда Ляшъ Бутурлака съ лязка вставае,
 До Кишки Самійла приступае:
 «Ей, гетмане запорожскій!
 150) Зрадивъ ты мене старого,
 И мого нана молодого» .
 Кишка Самійло словами промовляе:
 «Якъ будешъ ты мени сее говорити,
 То буду я тебе въ Черное море живьемъ укидати,
 155) А то я тебя могъ для порядку козацкаго оставлати» .
 Въ обѣдней годинѣ стало ихъ 9 галеръ турецкихъ зостречати,
 Сталъ Ляшъ Бутурлака словами промовляти:
 «Кишко Самійло,
 Гетманъ запорожскій!
 160) Половину козаковъ въ кайданы забивай,
 А половину въ турецкое платье наряжай» .
 Тогда Кишко Самійло половину козаковъ въ кайданы забывае,
 А половину въ турецкое платье наряжае,
 Ляхъ Бутурлака на чердакъ выхожае,

- 165) Турецкую короговъ выставляе,
 До турокъ-янычаръ словами промовляе:
 «Турки-янычари, не близко вы проѣжайте,
 Цытте (sic), не кричите,
 Молодого пана моего не збудите,
- 170) Бо мій панъ цѣлу ночь съ дѣвкою Санжакивною гуляв,
 А теперъ винъ спочивае».
 Тогди турки-янычари тое зачували,
 За три версты галеры турецкыи отвертали.
 Тогди Ляшъ Бутурлака словами промовляе:
- 175) «Ей, ну-те жъ, козаки, галеру швиденько до Сѣчи
 приганяйте,
 Щобъ не могли турки того дознати,
 Назалъ галеры привертати».
 Стали козаки галеру до города Сѣчи приганяти,
 Стали сѣчовые козаки тое забачати,
- 180) Стали вони взъ пушокъ гремати:
 «Ну-мо мы, братци, сію турецкую галеру розбивати,
 Щобъ могли турки въ Черномъ море (sic) потопати».
 Лишъ Бутурлака тое забачае,
 До Кишки Самыйла словами промовляе:
- 185) «Кишко Самыйло,
 Гетманъ Запорожскій!
 Ты межъ козаками пробунаешъ,
 Козацкихъ звичаевъ не знаешъ...
 Цвѣтную козацкую крещату хороговъ на чердакъ выноси,
- 190) Будуть сѣчовые козаки тое забачати,
 Будуть пашу галеру козацкую крюками за лавки хватати,
 До берега ближе прптягати,
 А то намъ доведется на Черномъ море пронадати».
 Кишко Самыйло червону короговъ крещату на чердакъ
 выставляе,
- 195) Сѣчовые козаки стали познавати,
 Стали въ лодки сѣдати,
 Стали близчѣ приѣжжати,
 За лавки галеру крюками хватати,
 Стали до берега близче прптягати,
- 200) Стали козаки съ галеры на берегъ выступати,

- Семене Скалозубе гетмане до галеры ближче пристунае ¹⁾.
 Гетмана запорожского Самыяла тамъ признае,
 И ще до его словами промовляе:
 «Кипшко Самыяло, гетмане запорожскій,
 205) Сорокъ годивъ ты въ неволѣ пробувалъ,
 Ни одного козака пзъ войска своего не утерилъ».
 Тогда Кипшко Самыяло пзъ галеры выступае,
 Семена Скалозуба въ турецкую одежду нарижае,
 На (sic) козакивъ словами промовляе:
 210) «Козаки, панове-молодцы! Лаша Бутурлаку изрубайте,
 А то мы тогда его не рубали,
 Що для порядку козацкаго оставили».
 Приѣхалъ Кипшко Самыяло, гетманъ запорожскій, въ осени о
 Покровѣ,
 Та умеръ въ Филипповку объ Николаѣ.

10.

Пирятинскій Поповичъ Алексій ²⁾

Древнѣйшіе элементы этой думы указаны Потебней. Таковы поэтические образы въ самомъ началѣ ея, стоящіе въ непосредственной связи между собою: *море, бѣлый камень*, на которомъ сидитъ *соколъ*; онъ смотритъ на море и „квылыть—

¹⁾ Скалозубъ Семень, кошевой запорожскій, жившій во второй половинѣ XVI вѣка: см. замѣтку о немъ въ Историч. пѣс. малорус. народа. Антон. и Драгом., I, 228.

²⁾ Есть много вариантовъ этой думы. Полти всѣ они помѣщены въ изданіи Антоновича и Драгоманова: Историч. пѣсни малорус. народа, 1874 г., 176—201. Здѣсь не достаеъ только 1) варианта, довольно сжатого, помѣщеннаго у Цертелена (Опытъ собранія старин. малор. пѣсень, 1819, 26—29), 2) варианта Котляревскаго и 3) варианта, помѣщеннаго въ сборникѣ пѣсень, изданныхъ Кирѣевскимъ, 1860 г., вып. IV, приложенія, стр. XXIII—XXVI, который отличается отъ всѣхъ вариантовъ нѣкоторыми особенностями: Алексій Поповичъ предлагаетъ козакамъ не просто бросать его въ море, но отрубить ему сперва голову, и потомъ бросить трупъ его въ море,—когда же козаки на это не согласились, то онъ самъ проситъ ихъ „хочъ на ливий рупи“ отрубить мизинный палець—я пустять въ Черное море кровь Христіанскую: когда море начнетъ „кровь христіанскую учувати“, говорятъ онъ, тогда „Господь Милосердный буде насъ ратувати“. Не сказано, сдѣлали ли это козаки, сказано только, что море утихло.

проквыляе“, потому что видитъ на морѣ бурю, которая „корабль потопляе 1)“. Особенно любопытно сходство поэтическихъ мотивовъ, лежащихъ въ основаніи нашей думы и болгарской пѣсни о Станкевичѣ Дукѣ, а также цѣлаго ряда Сербскихъ пѣсень 2). Это послѣднее сопоставленіе переводитъ вопросъ о происхожденіи думы объ Алексѣѣ Поповичѣ на почву фольклорныхъ заимствованій, оставленныхъ Потебней безъ объясненій.

Не менѣе любопытны соображенія, высказанныя многими учеными о генетической связи между былиннымъ Алешей Поповичемъ и малорусскимъ Олексіемъ Поповичемъ 3). Все это съ большею или меньшею вѣроятностію указываетъ на сложный составъ нашей думы, переработанный пѣвцами въ своеобразномъ стилѣ казацкаго эпоса. На малорусской почвѣ прозвище Поповичъ могло найти поддержку и въ томъ обстоятельствѣ, что творцу думы о бурѣ на Черномъ морѣ необходимо было грамотное лице, которое скрѣпило бы обычную семейную мораль, выраженную въ думѣ, авторитетомъ „святого письма“, а имя Олексій, какъ извѣстно, пользуется большою популярностью между лирниками и кобзарями, поющими извѣстный стихъ объ Алексѣѣ, божьемъ человѣкѣ. Есть, впрочемъ, варианты этой думы, въ которыхъ рѣчь идетъ не объ Алексѣѣ Поповичѣ, а о двухъ братьяхъ, застигнутыхъ бурей на Черномъ морѣ 4). Въ минуту опасности они исповѣдываютъ другъ другу грѣхи свои, и буря утихаетъ. Грѣхи у нихъ тѣ же, что и у Алексѣя Поповича, правоучительную мысль они высказываютъ ту же, что и Алексѣй Поповичъ. Конечно, варианты съ именемъ Алексѣя Поповича имѣютъ преимущество древности, въ особенности тѣ изъ нихъ, въ которыхъ упоминается объ умилоствленіи бушующаго моря цѣ-

1) Объясненіе малорус. и сродныхъ народныхъ пѣсень, II, 301.

2) Ibidem, 305—310.

3) Въ первый разъ высказаны они въ голословной формѣ Безсоновымъ въ приложеніяхъ къ IV выпуску пѣсень, собранныхъ Кирѣевскимъ (XX—XXVII), повторены Л. Майковымъ и О. Миллеромъ,—развиты и научнымъ образомъ мотивированы А. Н. Веселовскимъ (Южнорус. былины, III—XI, 279) и Н. П. Дашкевичемъ (Чтенія въ историч. обществѣ Нестора Лѣтописца, 1889 г., кн. IV, 60—62).

4) Историч. пѣснь малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, I, 190—200.

ною жизни Алексѣя Поповича. Не пускаясь въ обширную область мифологическихъ сближеній, указываемъ па то обстоятельство, что въ думѣ преданіе о жертвѣ морю отозвалось въ смягченной формѣ: козаки приготовили Алексѣя Поповича въ жертву морю, но ограничились тѣмъ, что пустили только кровь въ море изъ его мизиннаго пальца.

- 1) На черномъ море,
На бѣломъ камени,
Сидитъ ясенъ соколъ,
Квилить, дуже проквилетъ,
- 5) На Чорное море испилня поглядаетъ,
Что на Чорномъ море не добре починаетъ:
На святомъ небѣ всѣ звезды помрачило,
Половина мѣсяца въ тьму вступило,
Изъ чистаго поля буенъ вѣтеръ повѣваетъ,
- 10) На Черномъ море супротивну валечну филю взрываетъ...
Скоро супротивную валечну филю сорвало,
Козацкое судно на три части розбивало:
Первую часть отбило,
Въ дунайское гырло забило ¹⁾,
- 15) А другую часть отбило,
Въ Арапскую землю заносило,
Третію часть середь Чорнаго моря потопило...
На той части потонаетъ триста пятьдесятъ козаковъ,
Межъ ними безъ старшины козацкой не бывало,
- 20) Только былъ одинъ старшій старшиною Грицко
Зборовскій ²⁾.
Гетманъ запорожскій Коломіенко ³⁾,
А другой былъ старшиною Алексѣй Поповичъ
Ширятинскій,

¹⁾ „Чортове око“—примѣчавіе записавшаго думу.

²⁾ Грицкомъ Зборовскимъ названъ въ думѣ извѣстный авантюристъ польскій Самуилъ Зборовскій, бывшій кошевымъ запорожскимъ въ восьмидесятихъ годахъ XVI вѣка. См. о немъ Историч. пѣсни малорус. народа, Антоп. и Драгом. I, 202, а также Pamiętniki o Sam. Zborowskiem, zebrane przez L. S., Poznań, 1844 г.

³⁾ Коломіенко—тотъ-же Зборовскій, такъ какъ родомъ оуъ былъ изъ Коломін (изъ г. Злочева).

- Козаче войсковый,
Писарь лійстровый.
- 25) То якъ стало судно потопати,
Стальъ Грицко Зборовскій на чердакъ выхождати,
Стальъ словами промовляти:
«Козаки, панове молодцы!
Который межъ вами козакъ найбільшій грѣхъ соби мае;
- 30) Може черезъ того наше судно козацкое потопаетъ,
То добре вы, братцы, дбайте,
Милосердиному Богу, и Черному морю и всему войску днѣпро-
вому, и мнѣ, атаману кошевому, грѣхъ свой открывайте:
Нехай вы будете одинъ въ море потопати,
За собою войска козацкаго, запорожскаго не зананащати!»
- 35) То всѣ козаки замолчали,
Бо ни одинъ въ грѣхахъ не чували,
Тылько обывзвется одинъ Алексѣй Поповичъ ипрятинскій,
Козаче высковый (sic),
Писарь лійстровый:
- 40) «Добре вы, братцы, дбайте,
Изъ мого тугого лува шелковую тетиву изнимайте,
Назадъ мнѣ руки козацкіе завяжите,
До шеи тяжкій камень привяжите,
Чернымъ оксамытомъ мнѣ очи завяжите,
- 45) Та въ Черное море меня упустите:
Нехай я буду въ Черномъ море потопати,
За собою войска козацкаго не зананащати.»
Тогда козаки тое зачували,
Словами промовляли:
- 50) «Алексѣю, Поповичу Ипрятинскій!
Ты святое письмо читаєшь,
Насъ, простыхъ людей, на все добре навчаєшь:
На що соби великій такий грѣхъ уже маєшь?»
Алексѣй Поповичъ тое зачуває,
Словами промовляє:
«Хочъ я святое письмо читаю
И васъ, простыхъ людей, на все добре навчаю,
Я соби найбільшій всѣхъ всѣхъ грѣхъ маю:
Що я отъ отца своего, отъ паннатки изъ города Ипрятинна
въ охотное войско выѣзжалъ,

- 60) Я съ отцемъ и паннматкою прощенія не прннималъ,
Я отца своего и паннматку стременими въ груди отъ
себя отпихалъ,
Старшого своего брата зневажалъ,
Старшую свою сестру сильно проклиналъ,—
Що я, панове, самъ не добре починалъ,
- 65) Что кровь христiанскую безъневинно проливалъ,
По городу Пиритину поѣзжалъ, дѣтокъ маленькихъ
добрымъ конемъ разбивалъ:
Отъ тѣмъ мене Господь милосердный на великой
потребѣ покаралъ».
- То Грицко Зборовскій тое зачувае.
Словами промовляе:
«Козаки панове-молодцы,
Добре вы, братца, дбайте,
Алексѣя, Поповича пиритинского, на чердакъ выводите,
Справой (sic) руки пальца-мизинца урубайте,
- 75) Христiанской крови въ Черное море выпускайте:
Якъ будетъ Черное море кровь христiанскую пожирати,
То буде на Черномъ море супротивна валечна филя утихати».
- Тогда козаки добре дбали,
Алексѣя, Поповича пиритинского, на чердакъ выводили,
80) Справой руки пальца-мизинца урубали,
Христiанскую кровь въ Черное море выпускали...
Стало Черное море кровь христiанскую пожирати,
Стала на Черномъ море супротивная валечная филя утихати,
Стало судно козацкое, ниби руками, на берегъ выкидати,
- 85) Стали козаки изъ судна на песокъ выходитьи,
Стали въ четыре ряды на неску становити,
Сталъ Алексѣй, Поповичъ пиритинскій, межъ всѣми
козаками прохожати,
Сталъ до козаковъ словами промовляти:
«Щасливой то человекъ въ свѣтѣ бувае,
90) Отцевоу-паннматчиной молитвы почптае,
Отца и матери молитва изъ дна моря душу вынимае,
Отъ грѣховъ сумертвенныхъ (sic) откушае,
Предъ Праведнымъ Судією поставляе...»

Атаманъ Матяшъ старый.

Мы не имѣемъ вариантовъ къ этой думѣ, поэтому о текстѣ ея ничего не можемъ сказать положительнаго. Замѣтимъ только, что едва-ли могла имѣть мѣсто въ первоначальномъ текстѣ думы сказочная гипербола о томъ, что Атаманъ Матяшъ и его двѣнадцать козаковъ побѣждаютъ цѣлыя тысячи турокъ. Самъ Матяшъ есть лице, неизвѣстное въ исторіи. Событіе, о которомъ рѣчь идетъ въ думѣ, относится къ числу заурядныхъ явленій въ пограничныхъ столкновеніяхъ козаковъ съ татарами и турками.

- 1) На устьи Самары—Богу ¹⁾
Семенова козацкаго рогу ²⁾
Уси поля самарскія пожарами погорѣли,
Только два терны-байраки не горѣли,
Що подь собой гостей великихъ имѣли:
- 5) Тамъ вробувало 12 козаковъ бравославцевъ-небувальцовъ ³⁾.
Межь ними былъ Атаманъ Матяшъ старенькій.
Стали козаки вечера дожидати,
Стали терновые огни раскладати,
Стали по чистому полю кони козацкіе пускати.
- 10) Стали козацкіе седла отъ себе да теко откідати,
Стали козацкіе семипядные нищали по-за кустами ховати.

¹⁾ Костомаровъ, измѣнивъ слова подлинника (*на устьи Самарки-Богу*), предполагалъ въ Самарѣ рѣчку Савранку, впадающую въ р. Бугъ (Исторія козачества въ произведеніяхъ народ. пѣсен. творчества, отд. оттиска, 48). По нашему мнѣнію, топографія думы затмилась въ сознаніи позднѣйшихъ пѣвцевъ ея.

²⁾ Въ исторіи о козакахъ запорожскихъ кн. Мищенцаго находимъ интересную замѣтку объ этой мѣстности: „Вышелъ изъ Польши одинъ человекъ, именемъ Семень, на устье Бугъ рѣки, въ Лиманъ, на одну косу, которая коса и донинѣ зовется Семеновъ рогу, для своихъ промысловъ, и будучи на оной косѣ одно лѣто, пришелъ домой, и какъ провѣдали тамошнее довольствіе ближніе его сосѣди, то передались къ нему человекъ болѣе ста для оныхъ промысловъ, а одного Семеча стали у себя имѣть атаманомъ“ (стр. 1—2).

³⁾ Козаки *бравославици-небувальци*, вѣроятно, *Браславици*, не бывавшіе въ военныхъ походахъ.

Атамане Матяшъ старенькій тое зачувае,

Словами промовляе:

«Козаки, панове молодцы!

Не безнечно вы майте,

Козацкихъ коней изъ препона не пуцайте,

Сѣдла козацкія подъ головы покладайте,

Бо се долина Кайнарская,

20) Недалече здесь земля татарская.

Тогда козакъ съ Атамана Матяша насмѣхали:

Десь ты, Атамане Матяшу старенькій, межъ козаками не бываль,

Де-сь ты козацкою каше не ѣдалъ,

Де-сь ты козацкихъ звичаевъ не зналъ,

25) Що ты намъ козакамъ бравославцамъ, велпкій страхъ задалъ.

Тогда Атаманъ Матяшъ отъ нихъ далеко отступалъ,

Терновый огонь роскладалъ,

Коня своего козацкого оспдлалъ,

Били себе препиналъ.

30) То саме въ ночи зождавъ малую годинку, невелику часинку,

Якъ не буйные вѣтры повѣвали,

Якъ турки-янычары съ чистаго поля въ долину прицали,

12 козаковъ бравославцевъ-небывальцевъ въ полонъ забрали.

Атаманъ Матяшъ старенькій на добраго коня сѣдаеъ,

35) 6 тысячъ турокъ-янычаръ побѣждаеъ,

Бравославцевъ-небывальцевъ изъ полону отбиваеъ,

Щей словами промовляеъ:

«Козаки бравославцы-небывальцы!

На кони козацкіе сѣдайте,

40) Миѣ, старому, помощи давайте!»!

Тогда козакъ на кони сѣдали,

4 тысячи безбожныхъ бусурмановъ побѣждали,

Сребро и злото турецкое отъ нихъ забирали,

До города Сѣчи свиденько (sic) поспѣшали,

45) Въ городѣ Сѣчи безпечно себе мали,

Сребро и злото турецкое между собою раздѣляли,

За Атамана Матяша Господа-Бога прохали:

«Десь твоя мати въ небѣ пресветилась,

Що тебе ¹⁾ породила,

¹⁾ Слово не разобрано. Кажется— „тебе ммиира да породила“.

- 50) Що ты въ чистомъ поле пробувавъ,
Изъ насъ, бравославцевъ-небывальцовъ, ни одного козака изъ
войска не утерять.

12.

Вдова Сирка Ивана.

Дума эта сохранилась только въ рукописи Котляревскаго. Но о сыновьяхъ Ивана Сѣрка были, вѣроятно, пѣснопѣнія народныя, судя по нѣсколькимъ стихамъ, уцѣлѣвшимъ въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ, которая записана была г. Носомъ въ Ковотопѣ; начинается она обращеніемъ къ Сирку Роману, о которомъ горюетъ мать его Сирчиха въ печатаемой ниже думѣ, какъ объ умирающемъ своемъ сынѣ:

«Ой Лымане, Лымане,
Ты, Сирку Романе,
Да гей же ты, Сирку Романе!
Ой що будемъ робити,
Нема козакамъ по чарци горилки де взяти,
Да гей же, де взяти!»¹⁾.

Стихи эти не имѣютъ никакой связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ думы.

Трагическое положеніе матери-Сирчихи обрисовано въ думѣ Котляревскаго просто и сильно. Безъ всякаго сомнѣнія, Гоголь могъ ничего не знать о Сирчихѣ, но поэтическимъ чутьемъ своимъ, воспитаннымъ на малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ, понялъ состояніе души ея, когда рассказывалъ о женѣ Тараса Бульбы, которая „приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ, глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться.... На мигъ только она жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ её для сабли, для товарищества, для

¹⁾ Историческія пѣсни Автоп. и Драгомакова, 1874. I, 241

бражничества“... Съ Ивана Сирка какъ будто-бы писалъ Гоголь портретъ Тараса Бульбы. Тонъ думы документальный, но въ текстѣ ея есть слѣды искаженія (см., напр., стихи 48, 49, 50).

- 1) Въ городѣ Мерефѣ ¹⁾ жила вдова,
Старенькая жена,
Сирчиха—Иванпха,
Она 7 лѣтъ пробувала
Сирка Ивана въ очи не видала ²⁾.
- 5) Только соби двоихъ сыновъ мала,
Первого сына Сирченка Петра,
Другова (sic) сына Сирченка Романа,
Она ихъ до зросту держала,
- 10) Ище отъ нихъ славы—памяти по смерти сиодивала.
Якъ сталъ Сирченко Петро выростати,
Сталъ своей мати (sic) старенькой питати:
«Мати моя, старая жено,
Сколько я у тебѣ перебуваю,

¹⁾ „Къ Дону“—вставка въ текстѣ рукописи. Мерефа городъ—нынѣ козацкая слобода, при р. Мерефѣ, Харьковскаго уѣзда.

²⁾ О Сиркѣ Иванѣ см. выше. Въ дополненіе къ характеристикѣ этого знаменитаго героя Украины выписываемъ изъ лѣтописи Велачка извѣстіе о смерти и погребеніи его: „Того жъ лѣта (1680) Иванъ Сѣрко, славный Атаманъ кшовій, въ Грушовцѣ, пасѣцѣ своей, чрезъ нѣкоторое время поболѣвши, преставился отъ жизни сего августа 1, и припровоженный водою до Сѣчи Запорожской, и погребенъ честно всѣмъ войскомъ Низовымъ Запорожскимъ въ полю за Сѣчою, гдѣ нѣкое товариство запорожское погребалоса. Погребенъ тежъ знаменито августа 2, зъ многою арматною и мушкетною стрелбою и со великою всего войска Низового жалостію, яко по томъ вожду своемъ справномъ и щасливомъ, который отъ младости ажъ до старости своей военными бавячиши промислами, не тилко значие Кримъ воевалъ и нѣкоторіи въ немъ попалилъ гради, таже и въ поляхъ дикихъ на рознихъ мѣсахъ многіе татарскіе громлювалъ чамбули, и плѣннвій исаръ Христіянскій отгромлювалъ, але и въ Черное море лотками влинувши, на рознихъ мѣсахъ не маліе Бѣсурманамъ чинилъ шкоди и раззоренія, а по морю Чорному корабль и гатарев, зъ Константинополя въ Кримъ, Азовъ и на нание мѣца плавучіе,—громлѣвалъ и зъ великими здобычами щасливе зъ войскомъ запорожскимъ до коша своего повертался, которого все войско зѣло любило и за отца своего почитало. Погребши же его, яко вишей рѣкомъ зъ жалостію, значную надъ нимъ могли висипало, и крестъ каменній на ней поставедо, зъ налжитимъ имени и дѣиъ его подписомъ“. (Ст. 2, Стр. 497—498).

- 15) Отца своего, Сирка Ивана, въ очи не видаю:
 Нехай бы я могъ знати,
 Гдѣ своего отца, Сирка Ивана, шукати».
 Вдова стара промовляла:
 «Пошой (sic) твой отецъ до стародавняго
 Тору ¹⁾ пробувати,
- 20) Тамъ сталъ онъ свою голову козацкую повладати».
 То вже Сирченко Петръ тое зачувае,
 Пилипа Мерефiнскаго съ собою подмовляе,
 Голуба Волошина за джуру ²⁾ у себе мае.
 Стали вони до стародавняго Тору приѣждати,
- 25) Атамана Торскаго, Яцѣа Лохвицкаго познавати;
 Отамане Торскiй, Яцко Лохвицкiй, изъ куреня вихожае,
 Словами промовляе,
 Сирченка Петра познавае:
 Сирченку Петре, чого ты сюда приѣждаеть,
- 30) Десь ты своего отца, Ивана шукаеть?»
 Сирченко Петро словами промовляе:
 «Отамане Торскiй, Яцко Лохвицкiй ³⁾
 Я 7 годъ пробуваю,
 Отца своего, Сирка Ивана, въ очи не видаю».
- 35) То вже Сирченко Петро съ козаками опрощенiе принимае,
 До трехъ зеленихъ байракивъ прибувае.
 Козаки до Сирченка Петра словами промовляли:
 «Сирченку Петре, не безиѣчно себе май,
 Коней своихъ козацкихъ отъ себе не пускай».
- 40) А Сирченко Петро на тее не повѣряе,
 Подъ тернами байраки (sic) легае (sic) — спочивае,
 Кони свои козацки далеко отъ себѣ пускае,
 Только Голуба Волошина до коней посылае.
 Турки тое забачали,
- 45) Изъ тернивь, изъ байракивъ выбегали,
 Голуба Волошина у полонъ до себе брали,

¹⁾ „Рѣка“ вставка въ текстѣ рукописи. Торъ—заштатный городъ Славянскъ Харьковской губ., на р. Торцѣ: это была козацкая стоянка на границѣ между Московскимъ государствомъ и татарскою стѣною.

²⁾ „Слуга“—вставка въ текстѣ рукописи.—Волошинъ—молдаванинъ.

³⁾ О втростепенныхъ лицахъ думы—Пилипѣ Мерефiнскомъ и Яцѣѣ Лохвицкомъ—мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указанiй.

Ище словами промовляли:

«Голубе Волошине! Не хочемъ мы ны (sic) твоихъ коней вороныхъ,

Хочемъ мы добре знати,

50) Щобъ твоего пана молодого изрубати».

Голубъ Волошинъ словами промовляе:

«Турки!

Коли можете вы мене отъ себе пускати,

Могу я самъ ему сплечъ головку сняты»

55) Турки того дознали,

Голуба Волошина отъ себе пускали.

Голубъ Волошинъ до Сирченка Петра прибуває,

Словами промовляе:

«Сирченку Петре, пане молодой,

60) На добраго коня сѣдай,

Межъ турками посиѣшай!»

Не успѣлъ Сирченко Петре межъ турки-янычари вбѣгати,

Могъ ему Голубъ-Волошинъ сплечъ головку сняти.

Тогда турки Пилыпа Мерефiянскаго округъ остунали,

65) Сплечъ головку козацьку снимали,

Козацьке тѣло посѣкли-порубали.

Козаки стародавныя тое забачали,

На добрыя коня сѣдали,

Турокъ побѣждали,

70) Козацьке тѣло позбирали,

До стародавняго куреня привозили,

Суходоль саблями копали,

Шапками-приполами землю носили,

Козацкое тѣло скоронили.

75) Атаманъ Торскій, Яцко Лохвицкій, тое зачуває.

До вдовы старенькой, Сирчихи-Иванихи, въ городъ у Мерефу

письмо посилае,

Сирчиха-Иваниха письмо читае,

Словами промовляе,

Къ сырой землѣ крыжемъ упадаеъ,

80) «Что вже теперъ на моей головѣ три печали пробуває:

Первая печаль, что я 7 годъ пробувала,

Сирка Ивана въ очи не видала,

Другая печаль, что Сирченка Петра на свѣтѣ живого немає,

Третья печаль, что Сирченко Романъ умирае».

Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ.

За отсутствіемъ вариантовъ этой думы, а также указаній въ самомъ содержаніи ея на историческія лица и событія, мы не можемъ даже приблизительно опредѣлить первоначальную редакцію ея.

- 1) Питається Днѣпръ тихаго Дуная:
 «Тихій Дунаю,
 Что я своихъ козаковъ на тебѣ не выдаю?
 Чи твое дунайское гирло моихъ козаковъ пожерло,—
- 5) Чи твоя Дунай-вода моихъ козаковъ забрала?»
 Промолвить тихій Дунай до Днѣпра-Славута (sic) ¹⁾:
 «Днѣпръ-батьку, славуто!
 Самъ себѣ думаю да гадаю,
 Что твоихъ козаковъ у себѣ не выдаю:
- 10) Уже четверь (sic) года три мѣсяца выбывае,
 Якъ твоихъ козаковъ у меня немає,
 Ни мое дунайское гирло твоихъ козаковъ не пожерло,
 Ни моя дунайська вода твоихъ козаковъ не забрала,
 Ихъ турки не постреляли, не порубали,
- 15) До города-царя въ полонъ не забрали...
 Всѣ мои квити луговые и низовые понидели,
 Что твоихъ козаковъ у себя не видѣли.
 Твоя козаки на черкеской горе пробувають,
 Холодной воды въ барила набирають,
- 20) Шляхи и дороги замѣчали,
 Города бусурменски плюндрували,
 Огнемъ мечемъ воевали,
 Сребра-злата по достаткахъ набирали,
 До рѣчки Хортеци прибували,
- 25) Велику переизраву соби мали,
 До стародавней Сѣчи поспѣшали,

¹⁾ *Славута*-Днѣпръ—старинный эпитетъ Днѣпра, перешедшій въ думы изъ поэтическихъ преданій кievской эпохи.

- У стародавней Сѣчи очертою (sic) сѣдали,
 Сребро и злато турецьке на три части паввали.
 Медъ и оковиту горѣлку подиввали,
 30) За весь миръ Господа прохали...
 Которые козаки чистымъ полемъ гуляли,
 Рѣчки нпзовья, помощницы днѣпровья, добре знали... .

Подведемъ итоги наблюденіямъ нашимъ надъ текстомъ малорусскихъ думъ по рукописи А. А. Котляревскаго.

Собственно говоря, наглядно-документальный интересъ представляютъ въ ней три новыя думы, которыя не извѣстны были собирателямъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ. Что касается до вариантовъ къ извѣстнымъ уже думамъ, то они въ большинствѣ случаевъ *редактированы* позже, чѣмъ многіе другіе варианты, *записанные* позже, поэтому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и во второй половинѣ XIX вѣка не потухла еще въ пѣвцахъ народныхъ думъ поэтическая искра, въ которой довольно явственно можно различать отраженіе стариннаго поэтическаго творчества. Мы имѣли въ виду уловить это отраженіе посредствомъ сравненія думъ, помѣщенныхъ въ рукописи Котляревскаго, съ вариантами ихъ рукописными и печатными. Мы старались опредѣлить, такъ сказать, первоначальное гнѣздо каждой думы и такимъ образомъ приблизительно указать первоначальную редакцію ея, созданную мѣстными потребностями мысли и жизни. Само собою разумѣется, что, называя тотъ или иной вариантъ извѣстной думы первоосновой ея, мы желали только выдвинуть этотъ вариантъ, какъ наиболѣе близкій къ первоосновѣ, которая по свойству устнаго поэтическаго творчества никогда не можетъ быть открыта въ ея неприкосновенности. Вообще же при опѣнкѣ разныхъ вариантовъ мы не переходили за черту тѣхъ данныхъ, которыя даетъ намъ ближайшая, собственно козацкая старина, предоставляя другимъ болѣе насъ компетентнымъ силамъ искать въ думахъ отзвуковъ старины болѣе отдаленной. Руководствовались мы въ своемъ трудѣ разными соображеніями.

I. Варианты, въ которыхъ сохранились намеки на докозацкую старину, мы считали древнѣе тѣхъ вариантовъ, въ которыхъ при единствѣ и даже тождествѣ текста нѣтъ этихъ намековъ.

II. Варианты, не отступающіе отъ основной темы и не осложненные подробностями, хотя бы и согласующимися съ темой, но, во всякомъ случаѣ, второстепенными, мы тоже считали ближе стоящими къ первоосновѣ думы.

III. Если въ пѣсняхъ развивается мотивъ семейный, обыкновенно замѣняемый въ думахъ мотивомъ общественнымъ, то отсюда мы дѣлали заключеніе, что дума образовалась изъ пѣсни, при чемъ ближе къ моменту образованія ея стоять, по нашему мнѣнію, тѣ варианты, въ которыхъ менѣе развитъ мотивъ общественный.

IV. Думы, тождественныя по содержанію съ пѣснями, но съ обычной нравоучительной мыслью, мы считали переработкой пѣсеннаго матеріала, а тѣ варианты думъ—болѣе древними, которые по своему содержанію ближе стоять къ пѣснямъ.

V. Если же фабула думы возникла независимо отъ пѣсенъ и только усвоила изъ нихъ тѣ или другіе поэтическіе образы, то на этомъ основаніи мы дѣлали противоположное заключеніе, полагая, что ближе стоять къ первоначальной редакціи такой думы тѣ варианты ея, въ которыхъ нѣтъ вставокъ изъ пѣсенъ. Иногда подобныя вставки появляются не изъ пѣсенъ, а изъ другой какой-нибудь думы, гдѣ онѣ органически связаны съ ея главнымъ сюжетомъ: въ такомъ случаѣ намъ казались болѣе древними тѣ варианты думы, которые вполнѣ свободны отъ всякихъ вставокъ.

VI. Впрочемъ, и въ вариантахъ, подвергшихся вліянію другихъ думъ и заключающихъ въ себѣ ненужныя изъ нихъ вставки, сохраняются иногда черты древности, всегда ощутимой въ реальномъ изображеніи мелочей жизни, которыя могли быть извѣстны только лицу, жившему въ очень давнее время. Иногда въ полубыстрой и краткой редакціи есть слѣды первоосновы, которая въ давнее время могла распасться на двѣ редакціи. Чѣмъ рѣзче отличается одна редакція отъ другой, тѣмъ болѣе давнимъ нужно считать это распаденіе.

VII. Варіанти, изображаючіе козака-воина въ суровой простотѣ козацкаго быта, по нашему мнѣнію, ближе стоятъ къ первоначальной редакціи думы, чѣмъ тѣ варианты, въ которыхъ тотъ-же козакъ является уже въ болѣе роскошной обстановкѣ козацкой старшины.

VIII. Если въ цѣломъ рядѣ вариантовъ нравственныя черты дѣйствующихъ лицъ вырисовываются съ возрастающей ясностію и отчетливостію, и мы видимъ предъ собою какъ бы цѣлый процессъ обработки характеровъ, то варианты менѣе обработанные мы должны были считать болѣе древними—конечно—при полномъ отсутствіи въ нихъ слѣдовъ искаженія и явнаго забвенія первоначальнаго текста.

IX. Иногда въ разныхъ вариантахъ одно и то же лицо изображено въ разные моменты его жизни, при чемъ измѣняются, какъ положеніе, такъ и поступки этого лица: въ такомъ случаѣ мы допускали исходный моментъ, а вариантъ, въ которомъ воспроизведенъ этотъ моментъ, считали древнѣйшимъ.

Однимъ словомъ, руководящею нитью въ анализѣ думъ служило для насъ то положеніе, что болѣе простое предшествуетъ болѣе сложному, а такъ какъ форма думы сложнѣе, чѣмъ форма обыкновенной пѣсни, то первоначальнымъ моментомъ въ литературной исторіи думъ нужно считать нравственную потребность пѣвцовъ воспользоваться пѣсеннымъ матеріаломъ для правоучительныхъ или же общественныхъ цѣлей. Но, создавая новую поэтическую форму, они должны были обладать такимъ складомъ мысли, который заключалъ въ себѣ нѣчто новое, если не совсѣмъ чуждое народному пѣсенному творчеству, то мало присущее ему.

Подъ этимъ *нѣчто* мы разумѣемъ *рефлексію*, наклонность къ обобщенію явленій жизни, воспитанную книжными вліяніями, которыя изъ старинной южнорусской школы направлялись къ народной массѣ разными путями. На этой почвѣ взаимодействія народнаго и школьнаго міровоззрѣнія, пѣсеннаго и виршеваго творчества, выработались техническіе приемы *думнаго* творчества, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ нашего изслѣдованія. Такимъ образомъ, въ этомъ послѣднемъ творествѣ

мы должны признать литературный актъ, закрытый отъ насъ осложненіями устной передачи. Конечно, мы не имѣемъ возможности выдѣлить его въ видѣ увазанія на самодѣятельную, личную, такъ сказать, книжность творца той или другой думы, тѣмъ болѣе, что на всѣхъ творцевъ думъ школа оказывала однородное вліяніе. Одно можно сказать съ полною увѣренностью, что сильнѣе выступаетъ этотъ актъ тамъ, гдѣ нѣтъ пѣсенныхъ мотивовъ. Таковы именно думы о Богданѣ Хмельницкомъ, какъ объ этомъ замѣтили мы выше. По всему видно, что это думы позднѣйшія, какъ по содержанію, такъ и по литературному складу, который началъ вырабатываться раньше, на почвѣ пересозданія пѣсеннаго матеріала.

Могла продолжаться и прѣжняя поэтическая техника, состоявшая подъ вліяніемъ пѣсенъ, но она не составляла уже господствующаго начала въ вѣкъ Богдана Хмельницкаго. Судя по яркому колориту думъ о немъ, видно, что онѣ слагались подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, которыя глубоко врѣзывались въ народную память: между событіемъ и появленіемъ самихъ думъ не было посредствующихъ ступеней въ видѣ прозаическихъ сказаній или же пѣсенныхъ преданій. Вотъ почему онѣ почти свободны отъ анахронизмовъ и всякихъ несообразностей, присущихъ народному эпосу вслѣдствіе недостатка въ народномъ сознаніи исторической перспективы.

Можно полагать поэтому, что онѣ ближе стоятъ къ первоначальному тексту, чѣмъ думы болѣе ранняго періода, которыя долѣе обращались въ устахъ народа, поэтому и дошли до насъ въ большемъ количествѣ вариантовъ—сравнительно съ думами, изображающими дѣянія и подвиги Богдана Хмельницкаго. Впрочемъ, и въ думахъ давнихъ, менѣе сохранившихъ печать первоначальнаго творчества, не затерялись, какъ мы видѣли, слѣды непосредственныхъ впечатлѣній жизни, доказывающіе, что не только творцы, но и пѣвцы думъ могли быть свидѣтелями и даже участниками въ боевой жизни козачества. Сохранилось извѣстіе отъ 1711 года, что на Запорожьѣ слѣпыхъ музыкантовъ принимали въ полковую службу и выдавали имъ

жалованье наравнѣ съ зрячими ¹⁾. Въ составъ этой полковой музыки могли попадать люди, одаренные искрой поэтическаго огня и въ то же время совмѣщавшіе въ себѣ книжное настроеніе съ народнымъ,—поэтому неудивительно, если тамъ же, въ запорожской Сѣчи, съ самаго основанія ея возникали мотивы многихъ думъ, изобиловавшіе реальнымъ содержаніемъ и, можетъ быть даже, воспроизведенные въ поэтической формѣ думъ, которыя разносились потомъ по всей Украинѣ, получая дальнѣйшую обработку въ полу-народной, полу-книжной средѣ, постоянно поддерживаемой шпиталями и народными школами.

¹⁾ Киевская Старина, 1892 г., Ноябрь, 296.

Замѣченныя опечатки.

<i>Стран.</i>	8	<i>строка</i>	2 снизу: 1848 г.,	<i>слѣд. читать:</i>	1849 г.
" "	9	" "	2 снизу: Жовтнхъ,	" "	Жовтхъ
" "	10	" "	1 сверху: синку,	" "	сукни
" "	11	" "	9 снизу: утикали,	" "	утикалы
" "	12	" "	2 снизу: 1848 г.,	" "	1849 г.
" "	35	" "	5 сверху: мало важиую,	" "	маловажную
" "	84	" "	18 и 20 сверху: тильки,	" "	тильки
" "	103	" "	20 сверху: дужа,	" "	дуже
" "	115	" "	17 сверху: ясность,	" "	точность
" "	115	" "	25 сверху: культурнаго	" "	дипломатическаго.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

MAR 12 '62 H

CANCELLED

2713068

SEP 15 1978

Cancelled
Cancelled

STALL-STUDY

CHARGE

CHARGE

WIDENER
MAY 22 2002
FEB 10 2002
CANCELLED
BOOK DUE

CHARGE
CANCELLED
CHARGE

